

Вавилонская

БАШНЯ

Автор Железнова Виктория

Пролог

Над городом стояла плотная завеса из пыли. Было трудно дышать. Мать обмотала вокруг моего лица смоченный в холодной родниковой воде лоскут – чтобы я не задохнулась. Она шла чуть впереди, крепко держа меня за руку и прикрывая глаза ладонью. Отовсюду раздавались крики и плач; то и дело из плотного непроглядного облака пыли, опустившегося на узкие улицы, появлялись и тотчас же исчезали человеческие силуэты. Несколько раз я обо что-то спотыкалась, но мать не позволяла мне смотреть под ноги – мертвые тела были повсюду.

Я была сильно напугана, но старалась не показывать этого. Мы покидали наш огромный дом в спешке – медлить было нельзя. Обломки Башни, с оглушительным грохотом разлетевшиеся по всему Вавилону и окрестностям, разрушили большую часть здания – в том числе и помещения для слуг. Пока мы с матерью шли по охваченному паникой и ужасом городу, я повторяла их имена, вспоминала их лица. Я поклялась себе никогда не забывать их, наших верных слуг, навсегда оставшихся под обломками дома, которому они отдали, возможно, лучшие годы своей жизни. Шадлах, где Шадлах, кашляя, закричала я, теребя мать за руку. Не знаю, в доме я ее не нашла, ответила мать, будем надеяться, что с ней все хорошо. Будем надеяться... Я вспомнила, как Шадлах не раз предвещала падение Башни, если ее строительство не будет прекращено. Отец – ярый сторонник затеянного амбициозного проекта – не упускал случая подшутить над Шадлах, особенно при своих друзьях. Шадлах легко поддавалась на всего его провокации; стоило отцу лишь заикнуться о невозможности падения Башни, как Шадлах со всей присущей ей обстоятельностью начинала описывать все те ужасы, которые в самом скором времени ожидают Вавилон. Отец хохотал, хлопая себя по коленям. Неужели, спрашивал он, значит, мертвецы покроют землю, подобно травам? Земля разверзнется и поглотит дома и зиккураты? Боги сойдут с небес, дабы покарать нас за нашу гордыню? Не останется никого, кто не потерял бы близкого или дорогого человека? На Вавилон навалится непроглядная тьма? Процветанию настанет конец? Магия умрет? Неужели, Шадлах? Я прошу тебя, перестань, не то я умру от смеха сию же минуту!

В действительности все оказалось куда хуже. Смерть застигла людей за самыми обычными будничными делами – за приготовлением пищи, за стиркой, за прогулкой или чтением. Мы с матерью шли мимо искореженных, окутанных постепенно рассеивающейся пылью домов, и на каждом из них смерть оставила свою метку – мертвецы лежали в дверях, свешивались из окон, валялись у стен и во дворах. Смерть расположила их в самых нелепых позах, будто забавляясь или приготавливая, точно тряпичных кукол, для какой-то ведомой и понятной только ей одной игры. Несколько раз я поскользнулась и падала, мать помогала мне подняться, и мы – тени среди других мечущихся теней – шли дальше. Я расцарапала колени и локти, но терпеливо молчала, хотя всегда была плаксой и любая, даже самая незначительная травма (или порез) могла вызвать у меня поток слез и жалоб.

Я была на веранде, когда Башня начала свое стремительное и неумолимое падение. Подобно лезвию гильотины (разумеется, это сравнение придет мне в голову несколько позже, когда в 1794 году, в Париже, я стану свидетельницей того, как будет обезглавлен Дантон), Башня на долю секунду повисла над городом, а затем с лязгом и грохотом, от которого закладывало уши, обрушилась на улицы и площади, крыши домов и зиккуратов. Обломки башни, точно воплощение небесного гнева, сыпались сверху на головы людей, которых уже охватила паника и безумие. Я стояла на веранде, понимая, что нужно немедленно бежать, спасти свою жизнь, но тем не менее не могла заставить себя

двинуться с места. В самом этом ужасающем зрелище, в начавшейся на улицах города пляске смерти было что-то завораживающее, величественное, что-то, что целиком и полностью завладело моими мыслями и продолжало удерживать меня, даже когда на веранду ворвалась мать и сказала, что нужно срочно уходить. Но я продолжала смотреть на этот маленький Апокалипсис, я слышала ее слова, но никак не реагировала на них. Мать дала мне пощечину. Она едва ли подействовала, я даже не почувствовала боли. Тем временем над местом падения набухло и начало стремительно расползаться уродливое, похожее на какое-то жирное насекомое, облако пыли. Мать склонилась к самому моему уху и произнесла Слово Повиновения.

С тех пор, всюду, где бы я ни жила, призрак падающей Башни преследует меня, подобно злему року. Ночные кошмары, дурные предчувствия, беспричинная тревога, страх, внушаемый зданиями, высота которых превышает пять этажей... Порой предчувствия оборачивались кошмаром наяву... Так было в августе 2000, когда в Москве загорелась Останкинская телебашня – угроза ее падения была более, чем вероятной (я тогда битый час простояла возле окна, повторяя одно Слово за другим – лишь бы кошмар не повторился). Или в сентябре 2001, в Нью-Йорке, где я, повинувшись движению стрелок своего внутреннего компаса, жила в то время, стараясь понять природу одолевавших меня предчувствий чего-то страшного и неизбежного... Однажды Башня вторглась в мою жизнь, растоптала, уничтожила ее – и с тех пор ее кровавый призрак не желает оставлять меня...

Отец был на башне, спросила я. Мы шли, тесно прижавшись друг к другу, двигаясь куда-то на юго-восток, где концентрация пыли и разрушений была, по словам матери, значительно меньше. Да, только и ответила она, не знаю, что с ним. Я подумала, что если отец погиб, то отчасти он сам виноват в этом. Он был одним из самых ярких и непримиримых сторонников строительства Башни – по его мнению, Башня была источником еще большего могущества, еще большей власти. Башня была его мечтой о бессмертии. Неужели, однажды спросила его мать, ты думаешь, что сможешь обворовать богов? Обворовать, усмехнулся отец, я не какой-то вор – я воин! Я не собираюсь ничего воровать! Я просто приду туда и заберу все, что мне причитается! Ты слишком самоуверен, сказала мать. Напротив, самодовольно возразил отец, это ты слишком веришь в ограниченность своих сил. Ты слаба. Ты и твоя верная собачка Шадлах! Вы обе просто не в состоянии осознать все величие Башни!

Я подумала об отце – жив ли он? А, может быть, мертв? Скорее всего, мертв. Какое выражение смерть придала его лицу? Как расположила его руки и ноги? О чем он думал в свои последние мгновения? В конце концов, он проиграл – проиграл в главной битве своей жизни. Хотя с самого начала шансов у него не было никаких. Ты не устала, спросила мать? Немного, ответила я. Потерпи, осталось недолго. Мы уходили, а Башня – и наш прекрасный огромный дом – оставались позади. В глубине души я понимала, что никогда больше не увижу ни своего дома, ни прекрасного и величественного Вавилона, в одночасье и навсегда утратившего всю свою красоту и величие, ни своих подруг, которых, возможно, больше нет в живых. И мне нестерпимо хотелось вернуться, просто отпустить руку матери, развернуться и навсегда исчезнуть в густой пыли. В конце концов, многие поступали именно так. Пока мать тащила меня через город, я не раз наблюдала картины самые странные: горожане просто стояли рядом со своими домами и невидяще смотрели куда-то вверх, на небо, скрытое плотной серой пеленой; другие сидели рядом с бассейнами, предаваясь каким-то неопределенным занятиям, а то и развлечениям; я видела сплетенные тела любовников, которым смерть дышала в затылок, лишь еще больше распаляя их желание; кто-то не желал покидать умерших близких и мило, как ни в чем не бывало, беседовал с ними о погоде или заморских одеждах и украшениях; я запомнила старика, который какое-то время, опустившись, подобно псу, на четвереньки, бежал за нами, исторгая их горла хриплые, отдаленно напоминающие лай звуки. Все это

пугало гораздо больше, чем нескончаемое пиршество смерти, охватившее весь город. Я боялась именно этого – не умереть, а сойти с ума.

Я никогда не думала, что конец Вавилона будет именно таким – бесславным и страшным. Не бывает ничего вечного, сказала мне однажды Шадлах, даже боги рано или поздно умирают. Все подвержено распаду – люди, города, мечты. Ты должна хорошенько запомнить это, девочка. Это – одна из основ. Мир, Вселенная – все это однажды просто прекратит быть.

И вот я наблюдала, как умирал мой родной город – Вавилон. Мои ноги – последний раз в жизни – ступали по некогда гладкой поверхности его узких улиц. Мои глаза – последний раз в жизни – созерцали низвергнутое величие его стен. Последний раз в жизни, пусть мое лицо и было плотно обмотано мокрой тряпкой, я вдыхала его воздух – некогда такой сладкий. Я прощалась с Вавилоном, прощалась со своим детством и юностью, прощалась со своими снами и мечтами.

Мы остановились на самой вершине холма – отсюда открывался прекрасный вид на город. Правда сейчас смотреть на Вавилон совсем не хотелось. Я увидела, что часть зданий на западе и в центре охвачены пламенем. Во все стороны из города, похожие на сороконожек, тянулись вереницы спасающихся бегством людей. Облако пыли кое-где рассеялось, открывая многочисленные разрушения, но над местом падения пыль стояла плотным непроницаемым барьером, который вздымался до самого неба, словно бы призрак рухнувшей Башни – символ разбитой мечты.

Сегодня боги получили свою жертву, сказала мать. На тысячу лет вперед, сказала я. Мать грустно улыбнулась. Всего лишь на пару дней, сказала она.

Глава Первая

Ночью мне в который раз приснилась Башня. Время от времени мне снится этот сон, снова и снова, всю мою жизнь. Чудовищная башня, пронзившая небеса, настолько уродливая, что трудно поверить, что она вообще способна стоять. Иногда мне кажется, что эти сны – сны о Башне – своего рода напоминание или, может быть, знак. Во всяком случае, ничего хорошего они не предвещают. За свою жизнь мне чем только не доводилось заниматься – в том числе и толкованием сновидений. Толкование сновидений – искусство особенное. Едва ли не каждая деталь сновидения может оказаться скрытым символом, порой приходится анализировать сочетания цветов, присутствующих во сне – смысл сновидения может быть спрятан, где угодно. Необходимо найти ключ. Но – сколько не пыталась – я так и не смогла подобрать ключа к этим своим снам о башне. Я не смогла даже заставить их прекратить сниться мне, хотя в других случаях это удавалось мне без труда. Башня продолжала преследовать меня – во сне и в жизни. Казалось, что ее призрак – едва уловимые, размытые очертания, представлявшие из-за этого еще более зловещими – каждую ночь вздымается над моей кроватью, пытаюсь проникнуть в мои сны. И время от времени ему это удается. Впрочем, в жизни каждого человека есть свой призрак, который не дает ему покоя. В моем случае – это Башня.

Проснулась я, как и всегда в подобных случаях, встревоженная. В ушах все еще стоял грохот рушащейся на город конструкции, глаза щипало, будто в них попала пыль или песок, а ноздри забил затхлый удушливый запах – все, как и тогда, в последний день моего детства. Вот еще один из характерных признаков этих снов – они продолжают и после того, как я просыпаюсь. Будто бы по инерции. Будто бы так и должно быть. Будто бы законов природы и здравого смысла не существует. (Справедливости ради должна заметить, что временами эти самые законы действительно оказываются бессильны перед силами куда более древними и могущественными. И мне частенько приходится

сталкиваться с этими силами. Но что поделаешь – практика.) В таких случаях есть только одно верное средство – цветочный чай. Пару глотков – и в расшатанный, разрушающийся на твоих глазах мир возвращаются покой и порядок. Действует лучше любой магии.

Я встала, прошла на кухню. Первые шаги дались мне с трудом, руки сильно дрожали. Нужно заварить чашку побольше. Сон был слишком отчетливым, слишком *сильным*, точно галлюцинация, вызванная приемом мощного наркотика. Силуэт башни все еще стоял у меня перед глазами, я даже ощутила слабую тошноту, к которой примешалось щемящее чувство тревоги.

- Вот ведь мерзость, - подумала я. – Круто прихватило...

Время от времени эти сны нарушали привычный ход моей жизни, словно бы напоминая мне, что она отнюдь не так безмятежна, как мне кажется. В последний раз Башня снилась мне несколько лет назад, в Нью-Йорке – и ничем хорошим это не закончилось. Приснилась Башня – жди беды. Я насыпала в чашку цветочную смесь, включила электрический чайник и подошла к окну. Если так будет продолжаться и дальше, то рано или поздно у меня просто сдадут нервы – того и гляди, превращусь в какую-нибудь дерганую истеричку, которая ударяется в панику всякий раз, как видит здание, чей размер превышает стандартные пять этажей. Да уж, перспективка... Если бы я только могла связаться с матерью, попросить у нее совета... Уверена, что она обязательно помогла бы мне, уж что касается снов, то ей просто не было равных в этом деле.

Чайник зашипел и выключился с глухим щелчком. Я вздрогнула. За окном кто-то пронзительно засмеялся, и ему ответил целый сонм голосов – у школьников кончились занятия... С этим нужно что-то делать – и срочно. К полудню я должна быть собрана и готова к работе. Я плеснула в чашку кипятка и произнесла Слово Тишины.

- Вот, - женщина осторожно, точно боясь задеть кого-то распахнула старую, обклеенную какой-то мутной пленкой дверь, - это моя комната. Прошу прощения, здесь не убрано... Я уже несколько дней, как ночую у подруги... Как вы и посоветовали...

- Я могу пройти? – я хотела разуться, но женщина запротестовала столь отчаянно, словно бы сам факт того, что я сниму уличную обувь, оскорблял ее до глубины души.

Комнатка была маленькой и узкой. Стандартные габариты. На стенке – выцветший ковер со стилизованным под восточный узором. Старый потрескавшийся паркет на полу скрывает вытоптаный почти до дыр палас. Под потолком – некогда богатая хрустальная люстра, на которой одиноко поблескивали несколько оставшихся подвесок. При одном только взгляде на комнату щемило в сердце. Неприятности, как правило, происходят с теми, кто не может за себя постоять. С теми, у кого ничего нет. С теми, кто слаб. Быть может, катары были правы, и этот мир создал дьявол – себе на потеху. Время от времени, мысли, подобные этой, посещали меня, не давая покоя. Среди тех, кто обращался ко мне за помощью – люди состоятельные составляли не такой уж высокий процент. А уж если и обращались, то с какой-нибудь гадостью или ерундой – вроде любовного приворота или наведения порчи. Разговаривать с ними неприятно, зато приятно отказывать. Самое приятное, придумать что-нибудь вроде того, что человек, наводящий порчу на другого, сам навлекает на себя проклятие, куда более страшное и сильное. Некоторые буквально зеленеют услышав что-то подобное. Мне хочется верить, что таким образом я избавляю кого-то от незаслуженного наказания.

- Как ваши кровотечения? – спросила я, внимательно рассматривая комнату.

- Прекратились. Как только я переехала к подруге. Как вы и говорили.

- Это хорошо.

Женщина и впрямь выглядела значительно лучше. Исчезли эти жуткие мешки под глазами, на щеках появился румянец, мне показалось даже, что она поправилась, но разве можно поправиться за пару дней?

- Вы думаете...думаете, что это какое-то проклятие? – шепотом спросила она. – Кто-то проклял мою квартиру?

- Нет, что вы, - успокоила ее я.

- А что тогда?

- Уверена, что ничего серьезного. Вы вовремя обратились ко мне. Так что...

Кровать возле стенки стояла неубранной. Я увидела лоскутное, точно из сказок, одеяло, подушку в такой же наволочке. Цветы на подоконнике завяли, окна затянулись какой-то мутью – точно целлофаном. Вся комната была словно бы пропитана дряхлостью и усалостью. Я остановилась возле шкафа для одежды.

- Зеркало здесь?

- С внутренней стороны.

- Будьте добры, откройте, - попросила я.

Женщина неуверенно потянула за дверцу. Я заметила, что она сильно напугана и напряженна, как будто ожидает, что из шкафа вот-вот вырвется нечто враждебное. Отчасти, она была права. Я поспешила успокоить ее.

- Не беспокойтесь. Все в порядке. Я просто подумала, что могу что-нибудь испортить, если открою шкаф сама. Он выглядит довольно-таки...старым...

- Антиквариат, - сказала женщина без всякой иронии.

Она открыла шкаф и отошла назад, к кровати. Я посмотрела на собственное отражение в мутном, покрытом трещинами зеркале. Чем-то оно напоминало заросший тиной пруд со стоячей зеленой водой. Старые зеркала – зрелище крайне неприятное, если за ними не ухаживать должным образом.

- Вы часто им пользуетесь? – спросила я.

- Всегда, когда переодеваюсь... А что? Вы думаете, кто-то проклял зеркало?

- Нет, проклятие здесь вообще не при чем. Ваша проблема в другом.

- В чем же?

Я присмотрелась к трещинам – некоторые из них время от времени вполне отчетливо двигались. Тонкие, едва заметные среди других трещин, они конвульсивно вздрагивали, извивались, стягивались ближе к моему отражению.

- В паразитах.

- Простите?

- Взгляните, - я распахнула дверцу с зеркалом еще шире, таким образом, чтобы она смогла все хорошенько рассмотреть и произнесла одно из Слов, которое сняло пелену слепоты с ее глаз.

Зеркало буквально кишело паразитами. Теперь уже их было трудно спутать с трещинами. Они корчились, собирались в отвратительные блестящие комки, переплетались друг с другом. Они выползали из мутных зеркальных глубин, похожие на пиявок в зеленой стоячей воде заброшенного пруда.

Едва она взглянула на них, из ее горла вырвался душераздирающий крик.

- Что... что это такое?..

- Просто паразиты, - сказала я, - червячки...

Она обратилась ко мне несколько дней назад – я как раз подумывала на время оставить практику и отправиться куда-нибудь к морю. В конце концов, я заслужила немного отдыха. В последний раз я отдыхала года полтора назад. К тому же, смена обстановки мне не помешает.

В половине второго ночи меня разбудил звонок. Я всякий раз говорю себе, что надо бы отключать на ночь телефон и всякий раз – по неизвестной мне причине – не делаю этого. В результате нередко приходится принимать клиента невыспавшейся и с недовольной миной на лице. Некоторых это пугает.

- Да... слушаю...

- Я... простите... - в трубке зарыдали.

Может, все-таки ошиблись номером, тоскливо подумала я. Ведь в противном случае остаток ночи мне придется примерять на себя роль психотерапевта, успокаивая

очередного клиента и внушая ему, что в жизни все еще есть светлые стороны и что все не так страшно. К тому же, это значит, что все мои планы, относительно моря, пальм и вечерних коктейлей, накрылись медным тазом.

- Прошу вас, успокойтесь. Объясните все по порядку.

Какое-то время в трубке всхлипывали, затем дрожащий, срывающийся женский голос произнес:

- Она никак...не...не останавливается...

- Прошу вас, возьмите себя в руки. Иначе я просто не пойму, что с вами случилось, - не выпуская трубки, я прошла на кухню и включила электрический чайник. Тут уж без вариантов: остаток ночи я проведу в качестве дипломированного психотерапевта. Без цветочного чая не обойтись.

- Пожалуйста, я вся в крови...кровь...

- Может быть, вам лучше обратиться в начале к врачу?

- Нет...врачи...они не помогли...я уже...пробовала...обращалась... Они сказали, что я все...что я все выдумываю...

Если наше общение будет и дальше продолжаться в подобной манере, то мы и к утру не закончим. Похоже, ей требовалось нечто большее, чем пара теплых слов и обещание во всем разобраться. Без магии не обойтись...

- Послушайте, - сказала я.

На мгновение в трубке воцарилось молчание. Я воспользовалась этим моментом и произнесла Слово Спокойствия.

- Вам лучше? – спросила я.

- Удивительно, - женщина тяжело вздохнула, - не могу поверить...

- Все в порядке, - сказала я. – Так что с вами произошло? Рассказывайте обо всем по порядку и – главное – не торопитесь, а то рискуете упустить какую-нибудь важную деталь. У нас впереди вся ночь...

Около месяца назад она проснулась среди ночи от сильной головной боли. Будто бы кто-то сильно приложил ее чем-то тяжелым, пока она мирно спала в своей постели и смотрела цветные сны. Женщина решила, что во всем виновато атмосферное давление – в последние дни оно сильно скакало. Женщина включила свет, чтобы сходить на кухню за таблеткой, но тут взгляд ее случайно упал на подушки. Женщина ахнула. Подушки были перепачканы кровью – крови было много. Темные пятна на белых наволочках – «Я их первый день, как из шкафа достала», - сказала она в трубку и всхлинула – напоминали какой-то зловещий узор. Женщина в ужасе схватилась за лицо. На пальцах осталась кровь. Перепуганная, она поспешила к зеркалу. Она еще никогда не видела столько крови, разве что по телевизору, но по телевизору в последнее время чего только не показывают. Узкая струйка крови ползла вниз от левого уха, следы крови виднелись на шее, под носом запеклась пара кровавых дорожек, кровь, подобно слезам, струилась из глаз, кровавый след виднелся в уголке губ. Более того, кровь сочилась из-под ногтей на пальцах левой руки и левой ноги. У женщины началась паника – она была близка к истерике. Чтобы с ней не происходило, она знала, что это ненормально, что атмосферное давление здесь совсем не при чем, у нее появилось ощущение, что совсем скоро она умрет.

- Какое-то время, - сказала она в трубку, - я просто сидела на кровати и ждала смерти – мне казалось, что я умру через несколько минут...

В ту ночь женщина так и не смогла уснуть. Вместо этого она обзванивала подруг и рыдала в трубку. Ничего не понимающие подружки все как одна советовали ей вызвать неотложку. Но женщина испугалась.

- Наверное, вам покажется это смешным, но я почему-то подумала, что как только врач взглянет на меня, он тут же поставит мне диагноз – как приговор...

К утру кровотечение прошло. Женщина немного успокоилась. Ночная паранойя пропала с первыми лучами солнца, и женщина решила, что сходить к врачу все-таки стоит.

Произошедшее с ней казалось теперь дурным сном, кошмаром, которые с возрастом стали мучить ее все чаще.

- Я и правда хотела убедить себя, что это был просто сон. Глупо, верно?

В поликлинике, после продолжительного осмотра у нескольких специалистов, после болезненных анализов и процедур, после беседы, во время которой у женщины возникло впечатление, что ее принимают за сумасшедшую, после отклоненного предложения сходить на консультацию в психдиспансер, после всех этих и других неприятных вещей у нее так ничего и не нашли.

- И тогда я подумала: может все-таки атмосферное давление?

Через пару дней она проснулась и с ужасом обнаружила, что у нее опять идет кровь. На этот раз горлом – как у больных чахоткой в романах Достоевского. Боль в груди была настолько сильной, что женщина с трудом могла дышать.

- Я не знала, что мне делать. К врачу идти бесполезно. Снова звонить подругам и будить их я тоже не хотела...

В общем, вместо подруг женщина позвонила мне.

- Меня кто-то наверняка проклял, - говорила она, - пожалуйста, помогите...

Я вздохнула – делать нечего, советами по телефону здесь не обойтись, нужно назначить встречу.

- Когда вам будет удобно прийти? Завтра, часа в три подойдет? Хотя нет, постойте – уже сегодня...

Я продиктовала ей свой адрес и отправилась заваривать цветочный чай.

Женщина пришла к назначенному времени – худое испуганное лицо со следами многодневной бессонницы, рассеянные дезориентированные движения, черные мешки под вытаращенными блестящими глазами. Время от времени возникало впечатление, что я разговариваю с мертвецом. Вначале, когда только открыла дверь и ее худая фигура возникла на пороге, я даже решила, что это Дориан прислал за мною кого-то из своей труппы. Сходство было почти полным.

Я провела ее в комнату, усадила в кресло и поставила перед ней дымящуюся чашку горячего цветочного чая.

- Выпейте, - сказала я, усаживаясь напротив.

- Это поможет? – с надеждой спросила она. – Это лекарство?

- Поможет успокоиться...

Женщина подняла чашку и сделала маленький глоток. Я заметила, что у нее дрожат руки. Очевидно, слабость, плюс – волнение.

- Хороший?

- Что? – вздрогнула она.

- Хороший чай? Это мой собственный рецепт.

- Очень, - кивнула она и сделала еще один глоток.

Наверное, даже если бы у нее в чашке была какая-нибудь отравка, по вкусу напоминающая керосин, ее ответ был таким же. Она вряд ли вообще задумывалась о вкусовых качествах жидкости, которую в данный момент поглощала. Она просто делала, что ей говорили. Крайняя степень отчаяния. Вполне возможно, что решение позвонить мне и попросить о помощи далось ей непросто. В иных обстоятельствах она бы, наверное, расхохоталась, если бы ей предложили обратиться к кому-нибудь вроде меня. Но все в жизни меняется – в том числе и точка зрения. Верующие становятся атеистами и наоборот. «В этой жизни главное вовремя понять, - любит говорить в таких случаях Дориан, - когда следует ставить на черное, а когда – на красное...».

- Вы ведь поможете мне? Мне сказали, что вы можете...

- Постараюсь сделать все возможное. Пейте чай.

Пока она пила, я внимательно наблюдала за ней. Порой, по тому, как человек двигается, как ведет себя, как говорит можно понять многое – и вовсе не обязательно

прибегать в таких случаях к картам или к магии. Если что-то грызет человека изнутри, высасывая – каплю за каплей – жизнь, то оно обязательно обнаружит себя – в биении сердца, в цвете глаз, в движениях тела. Ничто не проходит без следа. Все, что нужно – глаза и уши.

Женщина, пришедшая ко мне на прием, была совершенно здорова.

И в то же время – я знала это – была смертельно больна. Внешний вид не обманывал – внутри нее притаилась смерть, ожидающая своего часа. И – судя по всему – это час наступит очень скоро, если ничего не предпринять.

Каждый из нас носит в себе эмбрион собственной смерти. Ничего не подделаешь – так устроен этот мир. Но в этом случае все было по-другому. Женщина не должна была умереть так скоро. То, что с ней происходило, имело совершенно *противоестественный* характер. Что ж, значит, обратившись ко мне, она не ошиблась.

- Подождите минутку, - сказала я, поднимаясь.

- Конечно...

Из спальни я принесла небольшое зеркальце и положила его на столик между нами. Едва взглянув в него и увидев ее отражение, я поморщилась. На меня смотрело безобразное лицо мумии – высохшие глаза, провалившийся нос, отслаивающаяся кожа, кривые зубы, проступающие сквозь рваные лоскуты шершавых губ. Приглядевшись, я увидела то, что и ожидала – паразитов, блестящих, разжиревших от выпитой крови червей, которые вяло копошились под свисающей струпьями кожей. Полный набор, чтобы напрочь отбить себе аппетит на пару дней. Просто удивительно, что женщина еще находила в себе силы передвигаться.

Я перевернула зеркало амальгамой вниз – лучше ей не видеть собственного лица. Женщина допила чай и теперь умоляюще смотрела на меня, ожидая *диагноза*.

- Что со мной? Меня прокляли?

- Не совсем. У вас есть родственники или друзья, у которых вы могли бы пожить пару дней? – спросила я.

- Есть подруга, - сказала она.

- Отлично. Переезжайте сегодня же. Спите, как можно больше, пейте молоко. Кипяченое.

- Хорошо... Я ей позвоню. А что...что...- от волнения она стиснула ладони в кулаки столь сильно, что костяшки ее пальцев побелели.

- Что с вами происходит?

Она кивнула.

- Это что-то вроде...болезни, - сказала я.

- А почему же... почему же врачи?..

- Знаете, - сказала я, - в девяносто девяти процентах случаев следует обращаться именно к врачам. В поликлинику. Но всегда есть этот один процент, когда медицина оказывается бессильной и требуется... - я хотела сказать «магия», но передумала и так и не договорила. – В общем, постараюсь вам помочь.

Прежде, чем она встала и собралась уходить, я предупредила ее:

- Есть одно условие.

- Какое? – на ее худом лице вновь обозначился испуг.

- Если не хотите причинить вред подруге, ни в коем случае не смотрите у нее в зеркала. Даже близко не подходите. Вы – потенциальный переносчик. Возьмите какое-нибудь зеркальце из дома. И держите его в сумочке – подальше от подруги.

- Вы... вы о чем? При чем здесь зеркала?

Я подумала, что еще немного, и ее волосы встанут дыбом – как в детских мультфильмах. Конечно, обычному человеку и в голову не придет связать горловое кровотечение и зеркала. Собственно, вся прелесть моей работы именно в этом – в поиске ответов и разгадок. Иногда даже чувствуешь себя кем-то вроде частного детектива, распутывающего сложное дело, которое всем остальным оказалось не по зубам.

- Я обещаю, что все вам объясню. Но чуть позже. Через пару дней. А пока вы должны выспаться, прийти в себя. Но только не забывайте об условии.

- Не смотреться в зеркала, - повторила она. – Я помню.

- Вот и отлично. Тогда до встречи через пару дней.

- Я позвоню, - пообещала она.

Проводив ее до лифта, я вернулась в комнату, завернула «использованное» зеркало в одну из своих старых блузок и разбила его каталкой для теста. Зеркало было очень жаль – любой антиквар мог бы заплатить за него неплохую сумму. К тому же, с ним было связано столько воспоминаний. Я купила его в Венеции, перед тем самым карнавалом, во время которого, впервые за много лет, я, наконец, встретила мать. Когда меня чуть не убили вооруженные шпагами люди или кем там они были на самом деле? Мать рассказала, что у них удалена часть мозга, чтобы они стали неуязвимыми для магии.

Какое-то время я торговалась с чудаком-лавочником по имени Томмазо – не потому что мне было жаль денег, а просто ради самого процесса. Уж очень забавно Томмазо реагировал на предлагаемую мной цену. Услышав сумму, он принимался теревить себя за нос – да с такой силой, что, казалось, вот-вот оторвет его. При этом он не переставал ругаться со своей женой – безымянной толстой матроной, вальяжно развалившейся в шикарном кресле красного дерева с высокой резной спинкой в дальнем углу погруженного в полумрак магазинчика. В лавке было душно, и женщина то и дело обмахивалась большим, точно опало, веером с изображенными на нем сказочными птицами.

- Послушай, Томмазо, старый дурень, - сказала она, наконец, - уступи зеркало этой девочке, не будь скрягой!

- Если я буду уступать всем подряд, - ответил Томмазо, - то очень скоро пойду по миру!

Женщина рассмеялась так громко, что стекла в небольших окнах задрожали.

- Для таких скупцов, как ты, Томмазо, заранее приготовлено местечко в Преисподней! Я с удовольствием посмотрю, как демоны будут поджаривать тебя!

- Откуда согласишься – с соседней сковороды?

- Хоть бы и так – лишь бы зрелища не пропустить! Уж оно-то будет повеселее, чем этот дурацкий карнавал, после которого целую неделю болит голова!

- Ладно, сеньорита, но только для вас! – Томмазо протянул мне зеркало.

Выходя, я поблагодарила женщину в кресле.

- Не за что, дитя. Желая тебе от всей души повеселиться на этом чертовом светопредставлении! – сказала она и расхохоталась.

Женщина смотрела на свое обезображенное отражение в мутном зеркале. Вокруг ее головы, точно нимб, копошились белые червячки с тонкими красными хоботками. На ее лице застыло смешанное выражение ужаса и отвращения. Нужно сказать, что она еще держала себя в руках. Многие, увидев извивающихся зеркальных паразитов, принимались с неистовыми воплями царапать себе лицо, лишь бы избавиться от проклятых червей.

В 1918 году, в Москве, была настоящая зеркальная эпидемия – словно бы в довесок к раздирающей страну гражданской войне, к жутким холодам и к гуляющему по городу тифу. На улицах творился беспредел: людей расстреливали без суда и следствия, грабили, убивали без всякой причины – просто ради того, чтобы посмотреть, как они умирают. Тяжелое было время. Помню, чтобы согреться, многие образованные люди, профессора и журналисты, сжигали, книгу за книгой, свои шикарные библиотеки. Помню, как я пробиралась по неосвещенным, занесенным снегом улицам, сторонясь голосов и стараясь не показываться на глаза – часто этого оказывалось достаточно, чтобы умереть. С собой у меня был только один предмет, спрятанный в сумке – молоток. И совсем не для самообороны. Уж и не помню точно, сколько именно зеркал я разбила в те месяцы, но гораздо больше, чем за всю мою жизнь. Казалось, паразиты расплодились по всему городу,

люди умирали от потери крови, врачи, которые и без того были заняты, оказывались бессильны. Это была настоящая эпидемия, унесшая множество жизней. Зеркальная чума, как я теперь называю события того времени. К апрелю, правда, ситуация изменилась в лучшую сторону, а в мае смерти из-за зеркальных паразитов прекратились совсем. Еще пару месяцев спустя я получила иностранный паспорт, собрала чемоданы – вещей было немного – и уехала в Берлин.

- Это...просто...просто невозможно, - произнесла она, наконец, - как они...как они могут там жить... в зеркале...

- В мире есть много чего такого, что большинство сочтет невозможным или фантастикой, - сказала я.

Женщина, как замороженная, смотрела в зеркало. Безобразное и отвратительное часто притягивает наш взгляд и долго не отпускает его, в то время как красота нередко проходит мимо нашего внимания.

- Меня тошнит, - сказала женщина.

- Вам лучше присесть, - я закрыла дверцу шкафа и помогла ей дойти до кровати и усесться. – Самое страшное позади. Вы почти здоровы. Теперь дело за малым.

- Но ведь они...черви...они в зеркале, как же?..

- Выход только один – разбить зеркало.

- Да, - женщина кивнула, - верно... разбить к чертовой матери...

Я едва не хихикнула.

- Вообще-то, - сказала я, - вам придется разбить все зеркала в доме – скорее всего они тоже заражены...

- С большим удовольствием, - откликнулась она.

- У вас есть...мммм...молоток? – спросила я.

- Нет. У меня есть топор. На кухне. Под раковиной.

- Топором тоже можно, - улыбнулась я.

Некоторое время она молча сидела на кровати, с ненавистью глядя на старый шкаф. Иногда она поднимала свои худые ладони и проводила ими по лицу, словно желая убедиться, что оно не обезображено язвами и гнойниками, как в зеркале. Затем резко встала и решительным шагом направилась на кухню. Я слышала, как она гремит чем-то, разыскивая топор.

- Да где же...- нетерпеливо бормотала она.

Я осталась дожидаться ее в комнате – не хотелось уходить так рано. Нужно было убедиться, что все зеркала в квартире разрушены, что паразитам больше негде прятаться.

Наконец женщина вернулась, сжимая в руках большой черный топор с заржавленным лезвием. Видимо, им не пользовались очень давно. А, может быть, не пользовались вовсе. Она распахнула дверцу, отошла на безопасное расстояние, размахнулась и вонзила топор в зеленоватую зеркальную поверхность. Раздался звон, по зеркалу стремительно расплзлись трещины, брызнули острые осколки. Я едва успела отскочить в сторону.

- Я вас не поранила? – спросила женщина, даже не взглянув в мою сторону.

- Все в порядке. Продолжайте.

Женщина ударила во второй раз – на этот раз осколков было больше. В каждом из них, корчась, умирали паразиты. Женщина ударила еще несколько раз, при чем последние два – по дереву, изрядно повредив дверцу. Она стояла напротив шкафа со здоровенным топором в правой руке и тяжело сипло дышала, напоминая вдову лесоруба, вынужденную освоить профессию умершего мужа.

- Так, - сказала женщина, - кажется, здесь я закончила...

- У вас еще много зеркал? – спросила я.

- В ванной и в прихожей. Ну и маленькое зеркальце в сумочке.

- Его тоже необходимо уничтожить.

- Это запросто...

Покачнувшись, она развернулась и двинулась в прихожую. То ли из-за допотопного топора, которым она орудовала с той же легкостью, что вилкой или ложкой, то ли из-за нездорового возбуждения, ее худая сгорбленная фигура приобрела какие-то зловещие, почти пугающие черты. Я даже ощутила легкий холодок, пробежавший по моей спине, когда она, широко размахнувшись, обрушила тяжелый топор на овальное зеркало в прихожей. Возможно, мне следовало разбить зеркала самой. Я почувствовала, что еще немного, и у женщины начнется нервный припадок. Если уже не начался. Я подошла к ней, наклонилась к самому уху и произнесла Слово Спокойствия.

- Похоже, вы утомились, - сказала я.

- Да... мне что-то... что-то нехорошо...

- Позвольте, - я забрала у нее топор, аккуратно прислонила его к стенке, рядом с осколками. - С зеркалом в ванной я разберусь сама.

Я провела женщину в комнату, где она села на кровать.

- Спасибо вам, - сказала она.

- Пожалуйста. Вы слышали о металлических зеркалах?

- Что, простите?

- Металлические зеркала. Почему бы вам не купить такое? Они абсолютно безопасны.

- Безопасны?

- Да. Чтобы существовать, паразитам требуется амальгама, - пояснила я.

- Хорошо. Я... я запомню. Металлическое зеркало, - повторила она.

- Ну, - сказала я, - а теперь с вашего позволения я займусь оставшимися зеркалами.

Перед уходом я протянула ей бумажный пакетик с травяной смесью собственного изготовления.

- Вот, чуть не забыла, возьмите.

- Что это такое?

- Лечебная смесь. Пейте по одной чашке перед сном в течение двух – трех недель.

Поможет избавиться от всех последствий и восстановить силы.

Спускаясь в лифте, я снова вспомнила холодный февраль 1918 года. Неожиданно, мне стало холодно, и я поежилась.

Еще не дойдя до дома, я знала, что меня ждут. Возле подъезда стоял высокий широкоплечий человек самой пугающей наружности. Длинные мощные руки с широкими, похожими на две сковороды, ладонями, как у приматов, опускались ниже колен и были покрыты густыми черными волосами. На безразличном и грубом лице, живо напоминающем об идолах с острова Пасхи, тускло блестели глубоко посаженные голубые глаза. Огромную, бугристую, точно вытесанную из камня, голову венчала копна грязных спутанных волос. Широкий рот был приоткрыт, и в этой черной впадине, окаймленной толстыми синюшными губами и вызывающей ассоциации с Тартаром, застыла грязно-розовая громада жирного неповоротливого языка. Он стоял не шевелясь, глядя себе под ноги, на копошившихся в луже воробьев, из-за чего еще больше походил на каменное изваяние или статую какого-нибудь не слишком умелого скульптора. Лишь подойдя к нему почти вплотную и заглянув в его водянистые голубые глаза – размером с пятак каждый – можно было увидеть в них восторженное детское выражение. Человека звали Виктор. Виктор любил птиц, а птицы любили Виктора. А еще он был мертв.

- Здравствуй, Виктор, - моя рука утонула в его холодной ладони. Виктор пожал ее с великой осторожностью, боясь причинить мне даже малейший вред. Он всегда очень комплексовал из-за своих нечеловеческих габаритов и врожденной неуклюжести. Дориан однажды очень жестоко пошутил, что среди предков Виктора было больше огров, чем людей.

- Здравствуйте, сударыня, - Виктор улыбнулся мне самой жуткой улыбкой из всех, какую мне доводилось видеть за свою жизнь.

- Надеюсь, ты недолго меня ждешь?

- Совсем нет, - во время разговора Виктор широко открывал свой чудовищный рот, из-за чего волей-неволей возникало впечатление, что он собирается откусить от тебя кусочек, а то и проглотить целиком. Я всегда ругала себя за эти мысли – Виктор не заслуживал их, равно как не заслуживал издевательского отношения к нему Дориана, который не упускал случая сорвать на нем злость или подшутить над ним просто для того, чтобы поднять себе настроение. При мне, правда, он себе такого не позволял и разговаривал с Виктором по-человечески.

- Я смотрел на птиц, - сказал Виктор. – Раньше меня всегда удивляло, что они могут летать.

- Это всего лишь воробьи, - сказала я.

- Вы должны кормить их, как можно чаще. Я бы тоже кормил, но к нам в цирк птицы не прилетают – хозяин их не любит...

У Дориана была почти патологическая боязнь птиц. Уж не знаю, что пугало его – их перья или их клюв, но всякий раз, увидев птицу, Дориан буквально менялся в лице. Становился бледным, его голос опускался до шепота, а движения делались резкими и нервными. Это его фобия доходила до того, что он никогда не употреблял птицу в пищу.

- Тебя прислал Дориан?

- Хозяин приглашает вас на ужин, сударыня, - Виктор улыбнулся мне и протянул какой-то предмет. – Вот, подарок...

На огромной, покрытой мозолями ладони, я увидела крошечную брошку в виде бабочки, резные крылья которой были украшены драгоценными камнями. Судя по всему, вещица была старинной – триста, может быть даже четыреста лет. Дориан знал толк в украшениях.

- Только зайдем ко мне на пару минут, - сказала я, - мне нужно переодеться и привести себя в порядок...

- Дело в том, сударыня, - сказал Виктор с величайшей почтительностью, - что хозяин торопил меня... Право, мне очень неудобно, но ведь вы можете переодеться и на месте – хозяин приготовил для вас много разных нарядов...

Виктор не привык перечить мне, он вообще не любил спорить, всегда охотно принимая чужую точку зрения. Мягкий, отзывчивый человек, Виктор в первую очередь думал о других и лишь потом – о себе. Нужна была очень веская причина, чтобы Виктор решился возразить мне.

- Дориан просил поторопиться? В чем дело, Виктор?

- Эликсир, - сказал Виктор, - сегодня я еще не получил положенную дозу... И если мы не поторопимся, гниение даст о себе знать...

Время от времени, чтобы продемонстрировать свою власть или наказать за проступок, Дориан лишал Виктора и других членов своей труппы дозы эликсира, который поддерживал в них жизнь. Несколько раз это становилось причиной крупной ссоры между мной и Дорианом – порой его методы были ничем не лучше тех, что использовались в Гестапо. Всякий раз Дориан клялся исправиться, но рано или поздно его отвратительный характер, обуздать который мог разве что сам дьявол, давал о себе знать.

- Я пообещаю, что поговорю с ним, Виктор. Не беспокойся. Без эликсира ты не останешься.

- Я буду очень признателен вам, сударыня.

Виктор достал из кармана компас измерений – в свое время Дориан потратил немало сил, чтобы сконструировать этот магический предмет. Для этого ему потребовалось раздобыть где-то старый алхимический труд, за который он, судя по всему, заплатил довольно высокую цену.

Виктор раскрыл компас. Внутри, в мягком желтоватом свечении парила узкая красная стрелка, которая склонялась то к одному символу, то к другому. Точное значение

каждого символа было известно только Дориану, который использовал компас и для каких-то других, неведомых мне целей.

- Прошу прощения, сударыня, - сказал Виктор – раньше мне не доводилось пользоваться этой вещью, но хозяин рассказал мне, как найти по нему дорогу обратно. Хозяин сказал, что как только стрелка услышит *зов*, она укажет нам путь.

Стрелка то медленно и плавно, то молниеносно и резко перемещалась от символа к символу. Всякий раз как она указывала на какой-нибудь предмет, он менял свои очертания. Деревья вытягивались и вспыхивали неведомыми красками, силуэты зданий искажались, люди превращались в причудливых фантастических существ.

Наконец стрелка замерла, проделав в ближайшем доме рваный проход, внутри которого, постоянно изменяясь, пульсировали очертания другого мира.

- Ну вот, сударыня, - сказал Виктор, - кажется, нам сюда...

Виктор пропустил меня вперед, и я шагнула в эту брешь, за которой меня ждали Дориан и полная неизвестность.

Глава Вторая

К путешествиям сквозь измерения быстро привыкаешь. В первый раз – это незабываемо. Новые краски, такие яркие, что глазам становится больно, но ты все равно продолжаешь смотреть; новые формы, к которым трудно подобрать слова; новые миры, похожие на волшебные сны; новые ощущения, буквально переполняющие тебя и вызывающие приступ легкого сумасшествия. Каждое измерение – все равно что картина живущего в мире собственных фантазий художника, со своими законами, со своей логикой, со своими представлениями о красоте и гармонии.

Однако очень скоро ощущение новизны пропадает, и путешествие превращается в крайне утомительный, чреватый трудностями и опасностями процесс, отнимающий у путешественника едва ли не все силы и основательно подрывающий его здоровье (и психику). Простой человек может попросту не перенести этого утомительного странствия сквозь бесконечные миры, каждый из которых не имеет ничего общего с нашим. В одних – слишком разряженный воздух, как на высоте нескольких километров. В других – слишком ярко светит тамошнее солнце, и свет буквально выедаёт глаза. В третьих – твоё тело выворачивается наизнанку (не слишком приятно, должна заметить). И так – до бесконечности.

Опытный проводник в таких путешествиях – залог твоей безопасности. Проложить маршрут через измерения может далеко не каждый. В конце концов, в этом деле нужно учитывать великое множество факторов – от температурных перепадов до синхронизации проходов (в противном случае есть риск заблудиться и попасть в миры столь дикие и отдаленные, что дороги назад попросту не найти). Судя по всему, Виктор этими качествами не обладал. Он с недоумением вертел компас в руках, подолгу задерживая взгляд на каждом из изображенных на нем символов, что-то бормотал себе под нос и сконфуженно улыбался, если я о чем-то его спрашивала.

- Ты уверен, что знаешь дорогу? – я огляделась.

Мы стояли посреди довольно причудливого ландшафта, окруженные высокими, напоминающими гигантские папоротники, растениями, которые мерно раскачивались на ветру и издавали странные сосущие звуки. Внутри их толстых зеленых стеблей тек густой вязкий сок, сочащийся сквозь ноздреватые отверстия. В лужицах сока копошились крупные насекомые – было непонятно то ли они кормятся нектаром, то ли навсегда завязли в этих болотцах. Растения возносились до самого неба, скрывая от нашего взгляда громаду здешнего, окруженного кольцами, светила, ядовитый красно-оранжевый свет

которого, напоминающий предзакатное солнце, вяло пробивался сквозь огромные толстые листья.

- Не беспокойтесь, - виновато улыбнулся Виктор, - это не должно занять много времени. Хозяин знает, как вы не выносите все эти путешествия. Он проложил кратчайший маршрут.

Проклятый Дориан. Всякий раз, разбивая лагерь, он стремился запутать возможных преследователей и прокладывал путь таким образом, чтобы даже умелый следопыт в конце концов сбился со следа. Манья преследования никогда не оставляла Дориана, вызывая в его и без того богатом воображении самые чудовищные и немыслимые фантомы. Его боязнь птиц была лишь симптомом гораздо более глобальной паранойи, временами делавшей его попросту невыносимым. Доходило даже до того, что он начинал подозревать меня. Вот и теперь, ради вечера с ним, я вынуждена пробираться через папоротниковые джунгли, отмахиваясь от крупных, размером с морскую свинку, стрекоз, так и норовящих усесться мне на голову.

Компас в руке Виктора тихо вибрировал и издавал слабое фосфоресцирующее свечение, привлекая здешнюю разновидность мотыльков – своего рода гибрид бабочки и воробья. Хорошо еще, что вся эта фауна была относительно безвредной – учитывая размеры и количество насекомых, они могли бы обглодать наши кости в считанные секунды. Как стая голодных пираний. «Хорошо, что я не цветок», - подумала я.

- Все правильно, - радостно воскликнул Виктор, - проход вон там, всего в нескольких метрах! Просто из-за зарослей ничего не видно...

Мы прошли еще немного и увидели проход – бесформенную дыру в пространстве, проделанную специально для нас Дорианом. Чем-то она напоминала дупло в старом дереве, в котором, согласно сказкам, живет леший. Вполне возможно, что именно лешего мы и встретим, когда пройдем через проход.

- Сколько миров нам предстоит миновать? – спросила я.

- Немного, - ответил Виктор.

Если немного – значит, около десяти. Что ж, спасибо и на том. Пройти десять миров, чтобы очутиться где-нибудь на пустыре в Бибирево – додуматься до такого мог только Дориан. И его мотивация прекрасно известна – за мной установлена круглосуточная слежка, мой телефон прослушивается, а квартира буквально нашпигована жучками и видеокамерами размером с горошину.

Виктор пропустил меня вперед – я шагнула в проход, и очутилась на пустынной улице пирамидального города. Мне уже приходилось бывать здесь раньше. Город простирался до самого горизонта. Вместо привычных зданий – высокие каменные пирамиды без окон, похожие на египетские, но более массивные и гладкие, будто бы их построили пару лет назад. И нигде в городе – ни единой живой души. Дориан часто приводил меня сюда – ему нравилось наблюдать, как солнце медленно и величественно опускается на острые концы пирамид, затопляя бесконечный город холодным безжизненным светом.

Вообще-то здесь было довольно жутко – на пустынных улицах и в переулках завывал ветер, на земле неподвижно лежали гигантские тени, похожие на заплатки, скрывающие прорехи в земле, высокое бледное небо было также пустынно, как и город под ним. К тому же не оставляли в покое мысли о том, что произошло с обитателями этого города – ясно же, что пирамиды кто-то построил, не могли же они просто вырасти из-под земли, как грибы. И потом, город был огромен, больше, чем любой из городов Европы или Азии. Сколько здесь могло жить? Сто миллионов? Двести? Миллиард? Вполне возможно... Но город стоял пустым – никаких следов жизни...

- А ты уверена, что город пустует? – как-то спросил меня Дориан. – Быть может, его населяют призраки. Или, скажем, невидимки. Только подумай – миллионы невидимок, которые окружают нас прямо сейчас, в этот самый момент. Смотрят на нас. Вдыхают наш запах. Касаются наших волос. Или, быть может, они показываются только по ночам, когда

на город ложится тьма? Знаешь, я никогда не бывал здесь ночью. Интересно было бы посмотреть...

Я почувствовала, как у меня по спине пробежали мурашки. Солнце почти село. Тени от пирамид постепенно сливались друг с другом, погружая улицу во тьму. Ветер завывал все громче. Проверять гипотезы Дориана мне совершенно не хотелось.

- Куда дальше? – нетерпеливо спросила я.

- Здесь недалеко, - Виктор неопределенно махнул рукой и двинулся своей тяжелой неестественной походкой вдоль по улице, удивленно оглядываясь по сторонам. Наверное, если бы статуи могли ходить, они двигались бы точно так же.

Я была уверена, что Дориан нарочно проложил маршрут через пирамидальный город. Он прекрасно знал, что я не люблю это место. Знал, что оно вызывает у меня страх – а в этом мире есть не так и много вещей, которых я боюсь. Значит, хотел позлить Дориану нравится смотреть, как я выхожу из себя.

- Когда ты злишься, - как-то сказал он, - ты становишься еще красивее. Знаешь, древним богиням очень шло выражение гнева на их лицах. Быть может, именно гнев и делал их красоту божественной.

Ну что же, если Дориан хочет увидеть меня в гневе – я не стану его разочаровывать. Я представила, как сорву на нем злость, выложу все, что накопилось – и страх немного отступил.

Следующим за пирамидальным городом был мир Несмолкающего Хохота. То еще местечко, должна заметить. Этот мир представлял собой безграничную, выжженную солнцем равнину, над которой, отдаваясь многократным эхо, разносился громкий демонический хохот, напоминающий раскаты грома. Кому принадлежал этот хохот, было неизвестно. Быть может, сошедшему с ума богу. А, может, и дьяволу, которому удалось пробраться в небесный чертог и убить сумасшедшего бога. Еще одна любимая карта в колоде миров, которую Дориан не уставал тасовать.

Мир Несмолкающего Хохота был довольно популярным среди путешественников по измерениям. Многие из них навсегда пропадали здесь, оставляя весь свой скарб на красной, покрытой трещинами земле. По пути иногда можно было заметить стоящую в отдалении палатку, а рядом с нею – навсегда погасший костер с повешенным над ним котелком. Не нужно было подходить к ней, чтобы убедиться, что она пуста. Мне не раз доводилось читать статьи с предположениями о том, что же произошло на самом деле с теми путешественниками, которые отправились в мир Несмолкающего Хохота, а затем исчезли, оставив возле разбитой палатки дымящуюся тарелку недоеденного супа. В основном они сводились к одному – рано или поздно звук, напоминающий хохот, вызывает умственное помешательство. Вероятно, путешественники начинают воспринимать его как своего рода зов – и просто уходят куда-то в неизвестном направлении, где и находят свою погибель. Поэтому всем, кто отправляется послушать небесный хохот, рекомендуют запастись специальными наушниками, блокирующими воздействие звука на разум.

Хохот не смолкал ни на секунду – он так и звучал, час за часом, ночью и днем, целую вечность. Наушников у нас не было, и путь до прохода нам пришлось преодолевать почти бегом. Виктор, похоже, был напуган даже больше моего. В его обычно неуклюжих движениях появились юркость и торопливость. За пару метров от прохода я оглянулась и увидела вдалеке чью-то фигуру. Некто просто стоял и наблюдал за нами – лица его было, конечно, не разглядеть.

- Черта с два я пойду обратно той же дорогой, - сказала я и проскользнула в проход.

Остаток пути мы преодолели быстро. Обстановка в остальных мирах была не столь экстремальной – да и вообще они очень сильно напоминали мой собственный. Такие же города, такие же люди на улицах, разве что наряды говорили о том, что я не на Земле. Виктор провел меня через последний проход, и мы оказались на протоптанной лесной тропинке. Пахло хвоей, от мягкой, влажной от прошедшего недавно дождя земли

поднимался пар, над головой тихо покачивались пушистые еловые ветви, роняя вниз тяжелые серебряные капли. Проход за нашими спинами стал медленно затягиваться, пока не превратился в яркую, вспыхнувшую точку и не исчез вовсе.

- Где мы? – спросила я.

- Где-то под Москвой. Не так далеко. Минут пятнадцать на электричке.

Он достал откуда-то квадратный лоскут бархатной материи, бережно обернул ею компас и спрятал его в карман. Мы двинулись по тропинке и через несколько минут вышли на огромную, утонувшую в густом тумане поляну. Там и тут сквозь туман мерцали огни и проступали очертания фургончиков, а в самом центре, похожий на огромный фруктовый торт, возвышался высокий цирковой шатер.

- Вот мы и на месте, - сказал Виктор.

- Сегодня ожидается представление? – нахмурилась я.

- Нет. Мы пока еще не все номера подготовили, - сказал Виктор. – Первое представление где-то через неделю. Огни зажгли для вас, сударыня.

Возле фургончиков вовсю шла суета. Кто-то тренировался, подготавливая себя к грядущему выступлению, кто-то развешивал гирлянды, кто-то просто сидел на крыльце и курил. Многих я знала лично, некоторых – еще при жизни, до того, как они заключили сделку с Дорианом. Какое-то время я просто стояла и наблюдала за этой цирковой жизнью – она протекала по каким-то своим, внутренним законам, не подчинялась общепринятым ценностям и, кажется, напрочь игнорировала все то, к чему стремится обыкновенный человек, рядовой сотрудник какой-нибудь компании, просиживающий в офисе по восемь часов в сутки, пять дней в неделю.

Смогла бы я все бросить, поселиться в одном из таких фургончиков, путешествовать и не знать о том, что будет завтра? Да, я тоже много скиталась по свету, но если оседала где-то, то оседала надолго и основательно. Все-таки цирк (и Дориан) был для меня экзотикой – чем-то, что всегда будет манить меня своей непохожестью и недоступностью. Я не была у Дориана больше года, а здесь, похоже, ничего не изменилось. Все те же неопределенность, суета и вечная неподготовленность.

В некотором отдалении от фургончиков разместились клетки с животными. Над ними стоял громкий гай – дориановы зверьки, как всегда, спорили и переругивались. Я решила вначале поздороваться со зверьми. Дориан может подождать.

Стоит ли говорить, что дориановы звери – особенные? Хотя бы потому, что они умеют говорить, читать, обладают чувством юмора (а некоторые – откровенным цинизмом) и целым набором других человеческих качеств. В свое время Дориан занимался экспериментами, результатом которых и стал этот необычный зверинец. Уж не знаю, что он там с ними сделал, каким именно способом заставил говорить и рассуждать, как человек, но звери стали подлинным украшением его цирка. Другое дело, что относиться к ним по-прежнему – как к зверям – было уже нельзя. Однако, Дориан, игнорируя все мои замечания, продолжать держать их в клетках. Впрочем, звери не возражали.

- Послушай, дорогуша, - как-то сказал мне белый волк по имени Марциал, - ты представляешь меня в кровати, под одеялом, в чепчике и с повязкой на глазах? Это тебе не сказка о красной шапочке. Я бы удавился, если бы на меня пижаму надели.

В ближней клетке – самой просторной – компания обезьян, рассевшись за круглым столом, увлеченно, не обращая внимания ни на что, резалась в покер. Постоянно звучали обвинения в шулерстве вперемешку с трехэтажной руганью и неприятным обезьяньим смехом. В клетке было накурено, обезьяны дымили самокрутками с дешевым табаком – на сигареты им, Дориан, понятно раскошелиться не хотел. Заметив меня, одна из обезьян – в зеленом бархатном жилете и турецкой феске с кисточкой – подмигнула мне, подняв в знак приветствия лапу, и, выпустив кольцо дыма, вернулась к игре. Остальные продолжали сидеть, как ни в чем не бывало – никто не хотел отвлекаться, опасаясь, что

законы физики, знаю о материках и континентах, о визах, паспортах и прочей мерзости... Покоя, как небывало... Мир – это просто коробка, в которой мы все заперты...

- Ты чересчур пессимистичен, - заметила я, - относись ко всему спокойнее...

- Спокойнее? – задумчиво повторил Присцилла. – Я могу относиться спокойно к геополитике и терроризму. Но всякий раз, как я слышу бессмысленную философскую тираду, достойную председателя колхоза, которую произносит белый волк – красивое и грациозное животное – спокойствие, как рукой снимает...

- Я рад, что ты хотя бы меня слушаешь, - подал голос Марциал.

- У меня просто нет выбора, - Присцилла потянул передние лапы. – А теперь почешу мне за другим ухом...

Я попрощалась с животными и уже собиралась отправиться к фургончику Дориана, когда возле моих ног что-то зашуршало, и я заметила юркую серую тень, описывающую круги вокруг моих туфель. Это была Гретхен.

- Посади меня на плечо, - пискнула крыса.

Я опустила на корточки, вытянула руку, и Гретхен ловко взбежала по ней, разместившись у меня на плече. На вид это была обычная серая крыса, каких можно часто увидеть возле мусорных контейнеров, выискивающих среди гниющих объедков что-нибудь съестное. В ее маленьких, похожих на две черные бусинки, глазках светился самый живой ум, розовые ушки, точно два сверхмощных локатора всегда реагировали на все, даже едва слышные звуки, извлекая из них полезную и ценную информацию. Гретхен была самой первой из *усовершенствованных* Дорианом животных – самой опытной и самой умной. Она сопровождала Дориана в его странствиях по средневековой Европе, когда маленькие, плохо защищенные города один за другим падали под натиском чумы, главными разносчиками которой считали сородичей Гретхен.

- Это наглая ложь, - возражала Гретхен всякий раз, когда об этом заходил разговор. – Мы, крысы, здесь совершенно не при чем. Во всем виноваты, конечно же, сами люди. В то время никакой гигиены не существовало вообще, вся Европа лежала в грязи, бог ты мой, они ведь даже воду не кипятили... Заразе было, где развернуться... А свалили в итоге все на нас...

Дориан как-то признался, что назвал Гретхен в честь одной знакомой своей молодости, которая покинула сей бранный мир в нежном возрасте и которая была дорога для него. Гретхен он прощал все, словно бы душа подружки его юности вселилась в это дрожащее крысиное тельце. Правда, время от времени, он подозревал, что Гретхен шпионит за ним, причем – и это было особенно мучительно – для Кары и Мары, которых он ненавидел и, как я подозревала, боялся. Гретхен, как правило, жила в их фургончике – Кара и Мара хорошо заботились о ней и чуть ли не выделили ей место за обеденным столом.

- Куда тебя отнести? – спросила я.

Гретхен подвинулась ближе к моему уху и, привстав на задние лапки, зашептала в него:

- Отнеси меня к фургончику Кары и Мары.

- На Дориана доносить собралась? – пошутила я.

Гретхен хихикнула.

- Наш Дори – такой эгоист! – сказала она. – Только и думает, что всё в мире – против него. Ему бы стоило знать, что он совсем не пуп земли и что у меня могут быть куда более важные дела, чем наблюдать, как он приготавливает свой эликсир.

- Покажешь дорогу? А то я давно не была в цирке. Да и фургончики всегда стоят в разных местах.

- Здесь недалеко. Я бы добежала сама, но уж если подвернулся транспорт...

Гретхен принялась командовать мной, проводя меня через лабиринт, образованный многочисленными фургончиками, тесно приставленными друг к другу. В маленьких

окошках горел свет, иногда я видела чье-нибудь знакомое лицо – на территорию цирка медленно опускалась тьма.

- Этак мы заблудимся, - сказала я.

- Не дрейфь, подруга, я знаю фарватер, - хихикнула Гретхен.

Наконец, мы миновали запутанные узкие проходы и вышли на небольшой, почти идеальной круглой формы пустырь. В центре пустыря стоял старый – самый старый из всех в цирке – фургончик, на крыльце которого, под тусклым фонарем сидели две фигуры – Кара и Мара. В неверном дрожащем свете, окутанные густыми рваными тенями, которые они отбрасывали на землю перед крыльцом, старухи – сиамские близнецы, некогда участвовавшие в дориановом шоу уродцев – казались порождениями глубокой темной ночи, лишенной даже холодного света звезд. Одновременно, точно гимнастки-синхронистки, Кара и Мара повернули голову в мою сторону. Их бледные узкие лица, отмеченные печатью какой-то извращенной утонченности и худобы, вызывали мысли о чем-то неживом и искусственном. Сейчас они были похожи на двух змей, тонкие гибкие тела которых тесно переплелись между собою. И на этих бледных призрачных лицах с тонкими прорезями рта горели две пары обжигающе черных глаз – черных настолько, что сгустившийся на пустыре сумрак казался по сравнению с ними прозрачным и ясным. Затем рты – снова синхронно, секунда в секунду – расплзлись в уродливой улыбке, больше похожей на гримасу.

- Теперь можешь опустить меня на землю, - скомандовала Гретхен.

Словно загипнотизированная, я продолжала стоять, не в силах отвести взгляда от древних старух, молча сидевших на крыльце своего покосившегося фургончика.

- Девочка, - сказала Кара тихим шелестящим голосом, в котором мне послышался шорох тысяч самых отвратительных насекомых, какие только были созданы матерью-природой, - как же ты надоедлива...

- О, но ведь они все надоедлив, - вторила ей Мара, и мне показалось, что я слышу, как ветер вяло шевелит мертвой облетевшей листвой, - так надоедлив...

- Опустите меня! – потребовала Гретхен и ткнула своим холодным носом мне в ухо. Я вздрогнула и тут же пришла в себя.

- Здравствуйте, Кара и Мара, - сказала я. – Рада вас видеть. Я принесла вам Гретхен.

Я осторожно опустила Гретхен на землю, и крыса тут же припустила к фургончику, ловко взобралась по высоким деревянным ступеням и устроилась у сиамских близнецов на коленях. Худые костлявые руки с длинными тонкими пальцами принялись нежно поглаживать крысиное тельце.

Кара и Мара были единственными живыми членами цирковой труппы Дориана - настолько живыми, насколько само слово «жизнь» было применимо к этим странным, пугающим созданиям, будто бы явившимся из миров бесконечно далеких и зловещих. Но боялась я этих старух вовсе не из-за их внешнего вида, способного вызвать дрожь даже в самом отважном и безрассудном сердце, не из-за их бездонных черных глаз, в которых, точно хищный зверь, притаилась угроза, не из-за их едва слышимых, но таких отчетливых голосов, а из-за того, что я впервые за всю свою долгую, полную разлук и скитаний жизнь встретила кого-то, кто был древнее меня. Никто не знал, кто такие Кара и Мара и откуда они явились, действительно ли их зовут этими странными рифмующимися именами или что привело их в цирковую труппу. Казалось, что близнецов окутывает какая-то скользкая липкая тайна, распространяющая вокруг удушающий зловонный запах – запах древнего, первобытного зла. Я не знала, сколько им лет, но в одном не сомневалась: Кара и Мара пришли в этот мир задолго до моего рождения, быть может, даже задолго до всего человечества. Дориан тоже чувствовал это (все чувствовали) – чувствовал и испытывал страх.

- Ты прилетела сюда на свет нашего фонарика, - сказала Мара и захихикала, - как мотылек...

- Несмышленный мотылек, - сказала Кара, - девочка, ты так глупа...

- Как вы тут поживаете? – за долгое время нашего знакомства я научилась не замечать пренебрежительного тона и презрения, которое – в той или иной степени – присутствовало едва ли не в каждом слове, сказанном близнецами. В конце концов, они никогда не угрожали мне, а если и оскорбляли, то как-то шутя, словно бы невзначай. Близнецы были до ужаса брезгливы и относились с презрением ко всем, кто их окружал, включая Дориана, всякий раз, при разговоре с ними, складывалось впечатление, что близнецы попросту терпят меня. Да, скорее всего, так и было. Хотя Дориан говорил как-то, что со мной они разговаривают куда охотнее, чем с другими, большую часть членов труппы Кара и Мара не удостоивали даже словом, ограничиваясь полным отвращением и неприязни взглядом.

- Она спрашивает, как мы поживаем, - сказала Мара.

- Неужели ей и вправду интересно? – сказала Кара.

- Вполне возможно, - пискнула на их коленях разомлевшая от поглаживаний Гретхен.

- Очень интересно, - подтвердила я.

- Ты так любознательна, девочка, - сказала Кара и наградила меня улыбкой – ее узкие синие губы растянулись и чуть выгнулись, словно бы ими двигали чьи-то невидимые пальцы.

- Но они все любознательные, - сказала Мара.

Близнецы смотрели на меня и улыбались – казалось, что их лица сливаются в одно, превращаются в маску какой-то древней жестокой богини.

- Вообще-то, - пискнула с их коленей Гретхен, единственное существо, на которое чары близнецов не действовали совсем, - ей уже пора идти. Дориан, должно быть, заждался...

- Ах, Дориан, - сказала Кара.

- Ее любовничек, - сказала Мара.

- Девочка, у тебя совершенно нет вкуса.

- Он такой вульгарный.

- Дориан смешной, - сказала Гретхен.

- Ладно, - сказала я, - мне, пожалуй, и правда пора.

- Иди прямо, никуда не сворачивай, - сказала Гретхен, - и выйдешь прямо к его фургончику...

Я махнула близнецам, развернулась, чувствуя как они буравят своим взглядом мою спину, и зашагала через пустырь к проходу между фургончиками, откуда лился слабый дрожащий свет.

Я шла недолго – минуты две – три. Затем фургончики расступились, и на хорошо освещенной полянке, возле разноцветной громады циркового шатра, я увидела высокую рыжеволосую фигуру, стоящую возле фургончика. Дориан, конечно же, ждал меня.

Глава Третья

За то время, что мы не виделись, Дориан совсем не изменился – время будто бы не замечало его. С момента нашей первой встречи в послевоенном Берлине на его почти совершенном лице не появилось ни одной морщины, ни одной складки, в густой, огненно-рыжей шевелюре не было ни единого седого волоска. Только в его серых, задумчивых глазах, обычно живых и любопытных, порой, появлялась глубокая усталость. И тогда с вечно молодого, безупречного, как на картинах прерафаэлитов, лица смотрели тусклые безжизненные глаза многолетнего старика, уставшего от окружающей суеты и мечтающего лишь об одном – о быстрой и безболезненной смерти. Впрочем, такое

случалось нечасто – лишь в моменты, когда Дориан, не находя в себе сил, падал духом и поддавался тоске и отчаянию.

Сейчас же он стоял в ярком свете развешанных повсюду гирлянд и смотрел на меня своим обычным озорным взглядом, будто бы замышлял какую-нибудь каверзу, которые он очень любил. На его щеках и подбородке остались следы клоунского грима, а похожие на сноп искр волосы были жутко растрепаны. Я подумала, что именно это и очаровало меня в нем при нашей первой встрече – серые игривые глаза, в глубине которых пряталась какая-то детская нежность, копна рыжих, как у викингов, волос, которым шла и самая модная прическа, и самая отчаянная растрепанность, слегка задумчивое и брезгливое выражение его геометрически красивого лица.

На Дориане были его широкие, донельзя нелепые клоунские штаны ярко-желтого цвета и белая тонкая майка, сплошь вымазанная краской. Видимо, недавно репетировал.

- А вот и ты, о моя Европа, - воскликнул Дориан визгливым голосом Мсье Баттерфляя, его сценического персонажа, который вот уже на протяжении нескольких десятилетий неизменно веселил взрослых и пугал детей. Сама я не очень любила Мсье Баттерфляя, о чем ни раз говорила Дориану. Мсье Баттерфляй представлял собой просто-таки апофеоз морального уродства – все его шутки отдавали какой-то трудно уловимой, но в то же время вполне отчетливой болезненностью, что, очевидно, и было основной причиной успеха Мсье Баттерфляя у широкой публики. Мсье Баттерфляй считал, что большинство женщин (для их же собственного удовольствия) следует посадить на кол. Мсье Баттерфляй придерживался мнения, что все, чье лицо по несчастливой случайности отмечено родинкой, заслужили только одного – концлагеря и газовой камеры. Мсье Баттерфляй не уставал сообщать, что целенаправленно уничтожает домашних питомцев всех своих соседей, делясь при этом рецептами «варенья из морских свинок» и «леденцов из кошачьих глазок». С каждым годом образ Мсье Баттерфляя становился все более макабрическим, а все выступления неизменно превращались в совершенно невыносимый гиньоль. Мне всегда было трудно поверить, что все эти шутки сочиняет Дориан – настолько мерзкими и тошнотворными они были. Пару раз я чуть было не поссорилась с ним из-за этого, и Дориану пришлось долго и обстоятельно объяснять мне, что Мсье Баттерфляй родился в самый разгар Первой Мировой, когда вся Европа пребывала в шоке из-за внезапно развернувшейся перед ней бездны. Мсье Баттерфляй, объяснил Дориан, был протестом против войны, ее точной, без прикрас, копией – он унаследовал все ее пороки и ее уродливую философию. Он должен был пробуждать в людях отвращение к войне и какое-то время весьма успешно справлялся с этой непростой задачей. А потом война закончилась, а Мсье Баттерфляй остался. Я вложил в этот образ столько сил и фантазии, сказал Дориан, что просто не мог бросить его. Мсье Баттерфляй был самым лучшим из того, что я сделал своими собственными руками, без помощи магии. С тех пор я старалась больше не поднимать этой темы, лишь иногда, когда Дориан забывался и начинал разговаривать со мной отвратительным голосом Мсье Баттерфляя, напоминая ему о своей неприязни к клоуну-садисту. Вот как сейчас.

- Прощу тебя, Дори, - сказала я устало, - я пришла повидать тебя, а не Мсье Баттерфляя.

- Как будет угодно богине, - Дориан картинно поклонился мне, и я увидела, что он совершенно босой. – Я так долго ждал тебя, - продолжал он, улыбаясь, - где же ты была, в каких краях бродила?

- Ты прекрасно знаешь, где я была, Дори, - сказала я, вдруг поняв, что совсем не могу на него злиться. – Сначала созерцала пирамиды, а потом слушала божественный смех... И тебе не стоит ходить босым по мокрой траве – простудишься...

- Если простуда – это та цена, которую я должен заплатить за то, что бы ты простила меня, о Диона, что ж, так тому и быть. Ради тебя я готов подхватить самый отчаянный насморк...

- Я хочу есть, - сказала я.

- Что ж, богиня, - улыбнувшись, сказал Дориан, - в таком случае сойдемся на куске свинины?

Я познакомилась с Дорианом в одном из берлинских кабаре, после Первой Мировой войны, когда Европа всеми силами пыталась забыть четырехлетний кошмар, даже не подозревая, что в самом скором времени ее ждет новый, куда более страшный и разрушительный. В Берлин я приехала из Москвы, не столько спасаясь бегством, сколько ища мирной и спокойной жизни – чтобы по улицам можно было ходить, не опасаясь того, что в любую секунду тебе могут продырявить пулей голову. На деле же, я просто променяла один хаос на другой. Послевоенный Берлин представлял собой зрелище в высшей степени странное, а порою и неприятное. Он был наводнен приезжими со всех концов света, грязные, плохо освещенные улицы кишели нищими, бродягами, просящими подати инвалидами – ветеранами недавней войны. На каждом шагу подстерегала какая-нибудь опасность, вездесущие карманники так и норовили лишить тебя последних денег, а с наступлением вечера на улицы выходила и более серьезная публика – убийцы, насильники, сутенеры. При этом, жизнь в Берлине была ключом. Кабаре, похоже, пребывали в самом расцвете, собирая под свои уютные своды самую разношерстную публику. Открывались киностудии, издательства, галереи. Художники и музыканты были активны, как никогда. Казалось, что каждый пытается сбросить с себя остатки страшного морока, каковым стала для всех недавняя война. Никто не хотел помнить о войне, жизнь шла своим чередом, а в ней и так было слишком много боли и несчастий.

Я ехала в медленном и холодном поезде в компании эмигрантов, которые всю дорогу молчали – видно было, что решение об отъезде за границу далось им нелегко. В России осталось все их имущество, друзья и близкие, в России остался их дом. Им было гораздо тяжелее, чем мне, приехавшей в Берлин в поисках размеренной и обустроенной жизни. В отличие от меня их ждала бедная, полуголодная и неустроенная жизнь. Многие из них так навсегда и останутся в этом чужом враждебном городе – найдут свой покой в братской могиле, куда их закопают вместе с нищими, попрошайками и выброшенными на улицу ветеранами. В те времена мало задумывались о гуманизме. Молодое поколение стремилось скорее похоронить предыдущее – впрочем, его ждала участь куда более страшная.

Первые несколько недель в городе меня обуревала чудовищная скука. Практику я пока не наладила, клиентов почти не было, и я целыми днями просиживала за чтением скучных толстых книг, изредка выбираясь на прогулку или на базар за продуктами. Я сняла просторную квартиру, но за все это время так и не обустроила ее – почему-то у меня появилось ощущение, что надолго в Берлине я не задержусь. Это было странно. Я приехала сюда с намерением прожить здесь, по крайней мере, несколько лет. И вдруг – такой неожиданный поворот. За свою жизнь я привыкла доверять своему предчувствию – оно еще ни разу не обманывало меня. Поэтому я просто жила в ожидании скорых перемен в роскошной полупустой квартире, окна которой выходили на оживленную и шумную улицу. Очень скоро я окончательно впала в уныние – нечеловеческая скука навалилась на меня тяжелым серым зверем, угрожающим проглотить меня целиком, если я в срочном порядке что-нибудь не придумаю.

- Грустите, фройляйн? – как-то обратился ко мне Франц, швейцар, человек пожилой и необычайно учтивый. Настроение у меня было просто ужасное, к тому же на улице вот уже четвертый день лил дождь.

- Простите?

- У вас очень грустный вид, фройляйн, - улыбнулся он, - вот я и позволил себе поинтересоваться. Надеюсь, я не обидел вас?

- Нет, что вы, Франц – нисколько... Это все проклятый дождь, - ответила я и попыталась изобразить улыбку. Видимо, удалось мне это не слишком хорошо.

Франц сказал:

- Знаете, фройляйн, такая молодая и красивая девушка как вы, не должна грустить. Грусть – это удел стариков.

Я с тоской подумала, что, возможно, мне доводилось быть знакомой с его прабабкой, а то и более давними предками.

- Все в порядке, Франц...

- Поэтому, - продолжал он, - я позволю себе дать вам один совет. Неподалеку отсюда совсем недавно открылось кабаре. Сам я там не был, так как не имею привычки посещать... столь шумные заведения, но репутация у кабаре самая хорошая. Говорят, что после одного вечера, проведенного в этом заведении, грусть и хандра улетучиваются сами собой. Если фройляйн будет угодно, то я дам более точный адрес.

Первой моей мыслью было, конечно же, отказаться. Я не разу не бывала в кабаре, хотя была наслышана об этом развлечении берлинской богемы. Выступления поэтов в кабаре чередовались с самыми развязными танцами, вслед за грустной, исполненной чуть не вселенской скорби мелодией мог зазвучать какой-нибудь энергичный современный танец, а официанты всегда были готовы приготовить для вас какое-нибудь особое, не указанное в меню блюдо, щедро приправленное абсентом и кокаином. Посещение кабаре могло привести к скоропостижному браку, а могло и к самоубийству. Кабаре было зеркалом той странной, промежуточной эпохи, когда едва ли не все стремились быть несерьезными и жить только одним днем – все равно что бабочки-однодневки.

Я определенно не принадлежала к этой категории людей, но скука буквально одолевала меня. Поэтому – и совершенно неожиданно для себя – я согласилась.

- Буду очень признательна вам, Франц, - сказала я.

- Одну минуту, фройляйн, - он отошел за невысокую конторку и быстро записал на бумажном квадратике адрес.

- Благодарю вас, Франц. Сегодня вечером они открыты?

- Они открыты каждый вечер, фройляйн, - улыбнулся Франц.

Кабаре называлось «Ундина» и не понравилось мне сразу. Но поскольку мне просто необходимо было развеяться, я твердо решила остаться до конца вечера и посмотреть все заявленные в программке номера. Выступления поэтов – стены кабаре были увешаны фотографиями с их автографами (я заметила даже фотографию Рильке) – были до обидного однообразными и совсем не смешными, хотя многие изо всех сил старались развеселить публику, экзотические танцы не впечатляли, а единственный куплетист – Стефан Морга, как было заявлено в афише – пел какие-то странные, ностальгирующие по временам Веймарской республики песенки. Впрочем, блюда были отменными да и вино хорошим. Я сидела в одиночестве, отбиваясь от приглашений потанцевать, а то и вовсе нескромных предложений.

Дориан выступал ближе к концу, когда поэты прочитали все свои скабрзные стишки, танцовщицы устали от танцев, все песни были спеты, а публика была в достаточной степени пьяна, чтобы не доверять своим глазам. Обычные фокусы нередко наряжаются в одежды самого настоящего чуда. Дориан же проделывал все с точностью до наоборот – выдавал первостатейные чудеса за дешевые фокусы и трюки. Поначалу я не обратила на него внимания – фокусник как фокусник. В те годы таких, как он можно было встретить едва ли не в каждом крупном (и не очень) городе Европы.

На Дориане красовался пошлый плащ-накидка с характерной красной подкладкой и совершенно невообразимый фиолетовый цилиндр, из которого он время от времени доставал самые разнообразные предметы (по заказу зрителей) – в основном, бутылки с французским вином. Я сидела не так далеко от сцены и уже подумывала отправиться домой, когда вдруг поняла, что человек, показывающий фокусы – самый настоящий маг.

Магию от фокусов отличить очень просто, но Дориан проделывал каждый из своих хитроумных трюков таким образом, что иногда даже у меня возникали сомнения в их магической природе. С точки зрения практикующего *высокую* магию, то, что вытворял на

сцене Дориан – кощунство чистой воды. Глумление над святыней. И, думаю, Дориан прекрасно знал об этом – в каждом его жесте, чересчур эффектным и насквозь дешевом, присутствовала какая-то издевка, поначалу вызвавшая у меня неприязнь.

Я наблюдала за ним, абсолютно не понимая, что этот человек, прекрасно овладевший магическим искусством, делает на сцене столь неприятного заведения, как он вообще посмел выставлять магию на посмешище? Дориан, между тем, веселился от души, в его репертуаре был полный набор известных еще с давних времен балаганных чудес – чтение мыслей, превращение воды в вино, вызывание духов. Публика ахала и аплодировала, пребывая в полной уверенности, что ее (весьма ловко и умело) обводят вокруг пальца.

- Я – величайший маг из ныне живущих! – торжественно объявлял Дориан, доставая из шляпы свежесотворенного кролика, и публика заходила в аплодисментах.

По воле Дориана кролик обращался в красивую, неизвестной породы птицу, птица, теряя свое переливающееся оперение, вдруг оборачивалась длинной шипящей змеей, а та, в свою очередь, на глазах хохочущей публики становилась изящным модным галстуком, который Дориан, раскланиваясь, повязывал вокруг шеи.

- Этот парень – настоящий гений, - сказал мне один из моих новоиспеченных кавалеров, который, получив отказ пойти с ним в пятницу в оперу, тем не менее, все никак не желал оставить меня в покое. – Хотел бы я знать, как он проделывает свои фокусы...

- Быть может, это магия? – сказала я.

- Магия? – у него вырвался смешок. – Прошу вас, не смешите меня, фройляйн! Кстати, как насчет оперы в пятницу?

- Дамы и господа, - крикнул Дориан со сцены, - настало время прощаться! Я уйду так, как и положено величайшему магу современности!

Он вскинул руки в резком вызывающем жесте, круто повернулся на каблуках своих лакированных штиблет спиной к залу и просто исчез, испарился в воздухе. Над сценой прошуршал его черный, с красной подкладкой плащ, упав поверх стола, за которым сидела какая-то статного вида дама с дымящейся папиросой в длинном перламутровом мундштуке. Фиолетовый цилиндр повис на какое-то время в воздухе, быстро вращаясь вокруг своей оси, а затем с глухим стуком упал и покатился за сцену, где и пропал, вслед за своим хозяином. Зал взорвался аплодисментами.

- Вероятно, у него в шляпе магнит, - сказал мой ухажер. – Все очень просто и хитро!

На сцене тем временем появился конферансье – лысый карлик с детским, почти младенческим лицом.

- Дамы и господа, - объявил он, - позвольте еще раз представить – Дориан Великолепный!

Вот и псевдоним под стать, подумала я.

Дориан вышел на сцену, широко распахнув тяжелый, бардового цвета занавес. Он довольно улыбался, кивал и картинно кланялся на каждый восторженный выкрик из зала. Это был его ежевечерний триумф.

- Бис! Бис! – все настойчивее доносилось из зала.

- Желание публики для меня закон, особенно, когда в зале так много прекрасных дам! – и Дориан посмотрел на меня. – Итак, - объявил он, - последнее чудо!

В зале воцарилось молчание. Какое-то время Дориан просто стоял на сцене, оглядываясь по сторонам, словно ища кого-то. Затем он вдруг заметил конферансье рядом с собой, ухмыльнулся и слегка коснулся затылка карлика рукой. В ту же секунду вся лысина конферансье покрылась яркими благоухающими цветами. До меня донесся сладкий запах цветущих роз. Карлик взвизгнул и схватился за голову. Пальцы его осторожно, словно прикасались к огню, дотронулись до головы, столь густо покрытой самыми разными цветами, что, казалось, на ней надето сразу несколько париков. Он

испуганно таращился на Дориана, явно не понимая, что происходит. Зрители едва не падали со стульев от смеха, будучи уверенными, что перед ними разыгрывают очередной отретпетированный номер. Дориан сорвал с головы карлика самую большую, алого цвета розу, поднес ее к носу, вдохнул приторный аромат и кинул мне. Бледный от страха, карлик дрожащими руками ощупывал свою голову.

- Рано или поздно в жизни каждого из нас наступает весна, мой маленький друг, - сказал Дориан и похлопал карлика по плечу. – Но, как это не прискорбно, за весной всегда следует осень...

Он провел рукой над головой карлика, и цветы тут же облетели, с едва слышным шорохом роняя на сцену разноцветные лепестки. Приглядевшись, я заметила, что они из бумаги – как и та роза, которую Дориан швырнул мне через зрительный зал.

Продолжая держаться за голову, карлик, спотыкаясь и чуть не падая, попятился от Дориана и скрылся за кулисами. Я не сомневалась, что Дориан уже припас для него подходящее объяснение того, что произошло на сцене.

На следующий день я встретила Дориана возле своего подъезда. Он стоял у высоких стеклянных дверей, безупречно одетый, с букетом цветов в одной руке и тростью с серебряной рукоятью в другой. В первые мгновения, когда он подошел ко мне, протягивая букет, я не узнала его. Я даже подумала, что это недавний кавалер каким-то образом раздобыл мой адрес и теперь пришел еще раз попытать счастья и пригласить меня в оперу.

- Букет для богини, - сказал Дориан.

- Ах, это вы... - сказала я, всеми силами стараясь скрыть удивление от неожиданной встречи.

Впрочем, мне это не удалось. Дориан улыбнулся.

- Тоже бумажные? – нашлась я, принимая букет.

- На сей раз нет, фройляйн, - сказал он. – Живые. Вырастил сам, по дороге...

Краем глаза я заметила, что сквозь двери за нами с улыбкой наблюдает Франц. Он стоял за своей конторкой в немного съехавшей набок фуражке и делал вид, что записывает что-то в раскрытом перед ним журнале.

- За очень долгое время, - сказал Дориан, - вы единственная, кто смог...поймать меня, фройляйн...

- Знаете...Дориан Великолепный, в былые времена вас могли бы распять за такое... Кое-кто посчитал бы это величайшим кощунством из всех возможных...

- В наше время, фройляйн, когда все поля старушки-Европы покрыты цветами, выращенными на крови миллионов погибших, больше не существует такого понятия, как «кощунство», - ответил Дориан, и на сей раз я так и не смогла понять кривляется он или говорит всерьез.

- Но, надо признать, - сказала я, - в своем деле, вы настоящий виртуоз, герр Дориан.

- Прошу вас, фройляйн – поморщился он, - не надо всех этих «герр», это меня унижает...

- Хорошо, - я кивнула, - но только при одном условии.

- Каком же?

- Прекратите называть меня «фройляйн».

- Как будет угодно богине, - и Дориан одарил меня своей широкой пленительной улыбкой, отозвавшейся каким-то колдовским блеском в его красивых серых глазах.

В общении Дориан оказался очень милым. Неприязнь, возникшая у меня к нему во время его выступления в кабаре «Ундина», очень быстро прошла, сменившись каким-то почти восторженным чувством, а после – и легкой влюбленностью. Иными словами, Дориан очаровал меня. Мне нравилось в нем абсолютно все – его понимающий все на свете взгляд, его удивительно пластичная манера двигаться, его скупая жестикуляция, его умение точно угадывать мои желания, его непринужденность и способность увлечь

разговором на абсолютно любую тему. Дориан был остроумен, но при этом позволял себе разные милые и приятные глупости. Он был гораздо моложе меня, но всякий раз, как я шла с ним под руку, я чувствовала себя так, словно бы мне только что исполнилось восемнадцать. Пожалуй, у Дориана был только один недостаток – чрезмерное, прямо-таки женское любопытство. Казалось, что ему до всего есть дело и на все имеется уже заранее подготовленное мнение. Впрочем, как говорится в одном фильме: у каждого свои недостатки.

Мы гуляли по вечернему Берлину, словно парочка Робинзонов открывая для себя этот уютный и загадочный город. Мне казалось, что каждая улица, по которой мы проходили, каждый переулок и тупик, не знающие света фонаря, таят в себе какую-то тайну. И ключи от этой тайны находятся у Дориана, моего отважного проводника, ведущего меня по этому зыбкому, призрачному городу, очертания которого начинали медленно расплываться и таять с наступлением сумерек.

- Если мне позволено будет заметить, фройляйн, - как-то обратился ко мне Франц, когда я вернулась с очередной поздней прогулки по Берлину, - ваш кавалер, судя по всему, очень приличный и надежный человек.

- Ох, Франц, даже не знаю... - сказала я.

- Верьте мне, фройляйн, - Франц улыбнулся, - уж я-то пожил на этом свете и вижу людей насквозь...

Вероятно, все и обстояло именно таким образом, но Дориану, прекрасно владевшему искусством иллюзии, ничего не стоило обмануть даже такого человека, как Франц. Наверное, даже меня.

- Скажи, - спросил Дориан, - ты любишь цирк?

- По правде говоря, не очень, - призналась я.

- Эх... А я вот хотел тебя пригласить.

- В цирк? – я едва не рассмеялась.

- А разве я не говорил тебе, что у меня есть собственный цирк?

Я удивленно посмотрела на него.

- Не припоминаю.

- Ну так вот: у меня есть собственный цирк. Очень особенный.

- Чем же он особенный? – Дориан снова заинтриговал меня, но я старалась не показывать этого. Мы сидели за столиком в каком-то роскошном ресторане, куда Дориан привел меня, сказав, что здесь прекрасно готовят рыбу. Дориан не спеша потягивал вино из бокала (бокал едва касался его бледных губ) и не отрываясь смотрел на меня.

- Но ведь ты же не любишь цирк, - усмехнулся он. – Так что, какая тебе разница?

В эти мгновения он походил на кота, забавляющегося с беспомощным мышонком. Понятно, что роль мышонка отводилась мне. Но я для нее совсем не подходила.

- Если это твой цирк, - сказала я, - то я просто обязана в нем побывать.

- Право, не стоит делать что-то, что тебе не по душе просто из вежливости. Обещаю, что я не обижусь.

- Ну нет, - сказала я, - упустить такую возможность. Но, может быть, это ты, Дори, пригласил меня просто из вежливости?

Дориан выглядел уязвленным. Он поставил бокал с недопитым вином на стол и поднялся.

- В таком случае, - сказал он, обходя стол и подавая мне руку, - имею честь пригласить тебя...

- Приглашение принимается.

Разумеется, цирк Дориана не походил на те, в которых мне доводилось бывать прежде. Дориан по праву гордился своим творением – огромный, размером с Рейхстаг, освещенный со всех сторон шатер раскинулся где-то на окраине Берлина, рядом с заросшим, заброшенным парком, плавно переходящим в глухой темный лес. До цирка мы

добирались окольными путями, Дориан то и дело оглядывался, словно бы ожидал погони или слежки, вообще был нервным и почувствовал себя спокойно, лишь оказавшись в пирамидальном городе, который сразу же, как только моя нога ступила на пустынную, заросшую низкой жесткой травой улицу, вызвал у меня глубокий ужас. Я оторопело смотрела на высокие каменные пирамиды, на огромное красное солнце, медленно опускающееся на город, на неподвижные тени, поглощавшие холодный свет и не вызывающие ничего, кроме омерзения. Я было подумала, что цирк Дориана расположился на одной из улиц мертвого города. Но Дориан, заметив, что я сильно напугана, взял меня за руку и повел дальше, пока мы, наконец, не оказались на городских задворках, среди множества раскрашенных в самые разные цвета фургончиков.

- Судя по всему, ты нечасто путешествуешь между мирами? – спросил Дориан.

- Не очень люблю это занятие, - сказала я. – Никогда не знаешь, где можешь оказаться.

- По мне, - сказал Дориан, - именно в этом и все удовольствие.

- Каждому свое, - я пожалала плечами, - и потом – с тобой путешествует огромная труппа. А я на протяжении долгих лет живу одна.

- Нет, богиня, - Дориан взял меня под руку, - ты больше не одна.

Цирк Дориана предназначался для особой публики – для людей, знавших о магии не понаслышке. Случайных посетителей здесь не бывало. На представления обычно собирался весь цвет европейского общества – здесь были политики, художники, музыканты и безумные оккультисты. Кто-то из них уже занимал видное положение в обществе, кому-то только предстояло его занять. На представлениях Дориана перебивала едва ли не вся будущая фашистская верхушка – в те времена многие из них интересовались древней магией и возможностью ее практического использования. Публика пребывала на представлении по специальным приглашениям, в крытых экипажах, с повязанной вокруг глаз тряпкой – чтобы не запомнили дорогу. Дориан лично выбирал каждого гостя.

- Знаешь, - как-то признался он, - такой власти, как у меня нет больше ни у кого...

- Иногда ты напоминаешь мне моего отца, - нахмурилась я. – Не будь столь самоуверен.

- А где сейчас твой отец?

- Он умер. Погиб.

- Однажды, - сказал Дориан, - моя власть будет столь беспредельной, что я легко смогу дать Костлявой пинка.

- Никому не избежать смерти, - вспомнила я слова Шадлах, - даже боги рано или поздно умирают...

- Я думаю, - сказал Дориан, - тебе стоит поближе познакомиться с моей труппой.

Первое, что я почувствовала, познакомившись с циркачами, был самый настоящий ужас – ужас, куда более сильный, чем тот, что я испытала, созерцая массивные и мрачные пирамиды несколько часов назад. Все члены Дориановой труппы – от уборщиков и разнорабочих до укротителей и стриптизерш были абсолютно и безнадежно мертвы. Я поняла это, едва взглянув на них – каждое движение, которое они производили, каждое слово, срывавшееся с их губ, были пропитаны смертью. И, тем не менее, они двигались, они смеялись, они разговаривали – одним словом, вели самую обычную жизнь цирковых артистов.

- Если хочешь, - предложил Дориан, - можешь рассмотреть их поближе... Их тела почти совершенны. Распад не коснулся их кожи, она такая же, какая была при жизни...

- И все равно, - сказала я, - ты можешь думать, что победил смерть, но на деле лишь отсрочиваешь ее.

Дориан поддерживал в них жизнь при помощи изобретенного им эликсира, который, помимо всего прочего, был крайне эффективным средством шантажа. Дориан жестоко наказывал тех, кто не подчинялся ему или выказывал недовольство какими-либо

его действиями или словами. В конце концов, никто не хочет умирать, а Дориан, каким бы жестоким он не был, предлагал им то, что они искали: вечную жизнь. Инъекцию эликсира он делал собственноручно – он вообще мало кому доверял. Формулу эликсира, по его собственным словам, он держал в самом безопасном месте на свете – у себя в голове. Именно осознание того, что он владеет величайшей тайной всех времен и превращало Дориана в законченного параноика, выходящего из себя при малейшем подозрении, как правило, ложном и неоправданном. Дориан, как и множество мечтателей, поэтов, ученых, был буквально одержим мечтой о бессмертии. И, как и множество мечтателей, поэтов и ученых, он был абсолютно сумасшедшим – как кладбищенский сторож, на протяжении всей своей жизни коротающий ночи среди могил и склепов. Только кладбище в жизни Дориана заменял его цирк – впрочем, если учитывать известные обстоятельства, разница была не столь и велика.

Однако очень быстро я привыкла ко всей цирковой труппе – в большинстве своем ее составляли добродушные и дружелюбные люди, чья близость к смерти ничуть не изменила их, а, напротив, сделала их куда человечнее тех, кто, как и я, принадлежал к надменному и жестокому миру живых. Не смотря на паранойю Дориана, который время от времени выходил из себя и начинал самым жестоким образом истязать циркачей (до физических жестокостей, конечно, не доходило), никто из них не жалел о своем выборе и вспоминал о прошлой жизни, как о чем-то далеком и неприятном или как о дурном сне, который наконец-то закончился. Казалось, что под высокими сводами передвижного цирка они отыскивали потерянный рай.

- Вы будете смеяться, - сказал мне однажды Себастьян, высокий голубоглазый юноша с простым и добродушным веснушчатым лицом, который мог жонглировать чем угодно и в любом количестве, - но я обрел счастье только умерев...

Я знала про него не так и много (в основном со слов Дориана) – несмотря на всю отзывчивость и доброту, Себастьян был человеком скрытным и о прошлом, впрочем, как и все в цирке, вспоминать не любил. Дориан любил шутить, что жизнь Себастьяна – сюжет для классической трагедии. Родился в бедной семье, рано потерял мать и отца, воспитывался в сиротском приюте, где подвергался ежедневным избиениям, как со стороны жестоких воспитателей, так и со стороны не менее жестоких сверстников, затем встретил и полюбил девушку, которая никак не могла принадлежать ему из-за его низкого происхождения, в двадцать лет из-за изнурительной работы заболел чахоткой, которая в конце концов и свела его в могилу.

- В жизни Себастьяна, - проговорил Дориан, - было только одно по-настоящему светлое событие – встреча со мной. Я изменил всю его жизнь. Я подарил ему душевный покой.

- У него была любовь, - напомнила я.

Дориан построил гримасу.

- О ней он тоже вспоминать не любит.

У всех в цирке была своя трагическая история, своя несчастная любовь и своя бесславная смерть, из объятий которой их спас Дориан – всадник на белом коне (хотя многим он, вероятно, казался всадником Апокалипсиса). Каждый из них грезил о лучшей – спокойной и безмятежной – жизни и каждый обрел ее здесь, в Дориановом цирке.

И только две ноты вносили диссонанс в фантастическую симфонию цирковой жизни – Кара и Мара. Близнецов боялись абсолютно все, включая Дориана и анархистски настроенных обезьян. В этом даже было что-то абсурдное – несколько десятков мертвецов испытывали сильный, почти животный ужас перед парочкой живых, сросшихся друг с другом старушек. Однако, этот ужас был легко объясним – казалось, что в присутствии близнецов вянут цветы и темнеет и сгущается воздух. В одном их холодном бесстрастном взгляде было сконцентрировано просто запредельное количество чистого, развращающего все и вся зла. Помню, что едва увидев эти старые, похожие на мумий создания, я подумала,

что именно этот, лишающий воли взгляд сделал возможной недавнюю войну и вообще все те несчастья, которые выпадали на долю человечества.

Близнецы бесцельно бродили по территории цирка, злобно шипя на всякого, кто попадался им на пути. Каждое их слово звучало, точно приговор или проклятие. Время от времени их бледные, вечно недовольные лица искривляла уродливая ухмылка – близнецы находил себе минутное развлечение. Какое-то время я вызывала у них стойкий интерес. Близнецы следовали за мною всюду, куда бы я ни шла.

- Ты очень странная букашка, девочка, - говорила Кара.

- Странное маленькое насекомое, - вторила ей Мара.

- Мы знаем, кто ты такая...

- Да, мы знаем про тебя все.

И близнецы принимались хихикать. Я изо всех сил пыталась быть с ними любезной, хотя желала только одного – отделаться от них, как можно скорее.

- В таком случае, вы, должно быть, очень проникательны, - сказала я, понимая, что говорю какую-то глупость.

- Ох, девочка, ты умеешь говорить?

- Я слышала, как оно произнесло несколько слов.

- Тебе лучше молчать девочка...

- Слова тебе не идут...

- Они портят твою красоту...

- Вот разве что древние слова...

- Ты ведь их знаешь, верно?

- Произнеси несколько...

- Повесели нас...

- А то мы их совсем забыли...

- Но ведь это было так давно...

Я произнесла Слово Молчания – чтобы наложить на неугомонных близнецов заклятие и заставить их замолчать.

Кара и Мара захихикали.

- Глупое насекомое, - прошипела Кара, заходясь в сухом давящемся смехе.

- Глупая, глупая бабочка, - вторила ей Мара.

- На нас твоя дешевая магия не подействует...

- Слишком слабая, слишком дешевая...

Встретившись взглядом с близнецами, я вдруг поняла, почему моя магия оказалась бессильна. В конце концов, в начале было Слово, было множество Слов, был Язык. И этот Язык дал имена предметам и существам, которые явились в мир после того, как было произнесено первое Слово. Таким образом, Язык обрел власть над всем сущим – именно так родилась древняя магия, чья славная эпоха закончилась при падении Башни. Язык повелевал всем в мире и только над одним он был безвластен – над тем, что пришло в мир задолго до него.

Я смотрела на Кару и Мару и понимала, что вижу существ, куда более древних, чем Самое Первое Слово. Ни одно из Слов не имело власти над ними. Кара и Мара явились прямым из древней пустоты, предшествовавшей творению. Они были настолько стары, что при одной мысли об этом меня охватывала леденящая дрожь.

- Девочка все поняла, - сказала Кара.

- Возможно, она не такая и глупая...

Близнецы захихикали и заковыляли прочь, к своему фургончику, который стоял, как всегда, где-то на отшибе. Так состоялось мое знакомство с близнецами.

В тот месяц я бывала в цирке так часто, что, казалось, переселилась туда из своей берлинской квартиры. Поэтому когда Дориан объявил мне, что цирк снимается с места и предложил отправиться вместе с ним, я без раздумий согласилась.

За это время я хорошо узнала Дориана – во всяком случае, у меня сложилось такое впечатление. Кое-что мне в нем не нравилось (например, его жестокость и властность по отношению к своей трупше), кое-что даже пугало (то, как он порой смотрел на меня), но все же я была уверена в том, что человек он, во всяком случае, неплохой. Дориан был со мною открыт и честен, охотно отвечал на все мои вопросы, рассказывал о себе и о своих странствиях. Я знала, что ему любопытно бы было узнать обо мне побольше – о моем детстве, о моей семье, о Башне, но поскольку эти воспоминания были для меня довольно-таки болезненными, я не спешила выкладывать ему все в ответ на его искренность и откровенность. Дориан же, как истинный джентльмен, не настаивал.

Оказалось, что он старше, чем я думала. Его отец был инквизитором, безжалостным религиозным фанатиком, находившимся на хорошем счету у Ватикана и потому располагавшим во вверенных ему краях по истине безграничной властью. Дориан вырос в атмосфере строгой дисциплины, жесткого подчинения и постоянного страха – отец не делал скидок ни для кого. (Помню, как я подумала тогда: «Выходит нам обоим не повезло с отцами».) Он был набожен, законопослушен и просто чудовищно жесток.

- Знаешь, - сказал во время своего рассказа Дориан, - теперь-то, несколько веков спустя, я понимаю, что он был попросту болен. В конце концов, люди с нездоровой психикой были и будут всегда. Но тогда он казался просто воплощением божьего гнева. У отца были очень странные представления о том, что такое добродетель или смирение. О том, какой образ жизни должен вести истинный христианин. По его мнению, жизнь христианина – это ежедневное страдание, боль, пытка. Поэтому он с ранних лет истязал меня, истязал мать, слуг, истязал самого себя. Ежедневные избиения – к такому сложно привыкнуть. И, тем не менее, мы привыкли. Ты бы видела, как он хлестал себя плеткой – гораздо сильнее, чем меня или, например, мою мать. При этом он был глупым и недалеким человеком. Верил во все эти суеверия. Всюду искал ведьм, жил в состоянии постоянного подозрения.

- Прямо, как ты, - сказала я.

Дориан слабо улыбнулся.

- Почти. Знаешь, мой отец был просто помешан на катарах. Даже ведьм, которые по его словам стояли за спиной у каждого добропорядочного христианина, выжидая момента, чтобы совратить его с истинного пути, он боялся куда меньше. Катары стали его манией. Он считал, что души сожженных катаров могут переселяться в тела живых людей и полностью подчинять их волю себе. Поэтому он подозревал в катарской ереси даже священников... Да что там – домашних животных, скотину и птицу... Это была настоящая мания. На моей памяти по обвинению в катарской ереси он предал огню бесчисленное количество собак, кошек, коров и свиней, лишая тем самым пропитания целые семьи. А ведь тогда голод был обычным делом. От голода умирали ежедневно. А потом, - Дориана на мгновение замолчал, - потом он понял, что ведьмой, которая стояла за его спиной, была моя мать. Он забил ее до смерти в пыточном подвале – сжигать пришлось уже мертвое тело. С тех пор я был для него сатанинским отродьем, которое, если бы не милость господня, следовало бы предать огню вслед за чудовищем, произведшим его на свет. Но поскольку во мне текла и его кровь – кровь истинного христианина – у меня еще был шанс обрести спасение. Отец прочил меня в монахи. Но у меня-то, понятно, были совсем другие планы...

Это была темная история. Дориан считал, что его мать стала жертвой чьего-то навета, а то и обычных сплетен, каковые и в те времена распространялись с такой же скоростью, как и в нынешние. Самому отцу, не смотря на все его безумие и подозрительность, вряд ли бы могло прийти такое в голову. Он просто не смог бы вообразить, что он, инквизитор, человек сведущий в ересях и ведовстве, выбрал себе в жены могущественную ведьму, которая околдовала его и теперь воздействует на его разум, обращая в сатанинскую веру.

- То, что он так жестоко обошелся с ней, - задумчиво проговорил Дориан, - лишнее свидетельство того, что он просто не мог предвидеть подобного поворота событий... Предполагалось, что отец сумеет определить в женщине ведьму, только взглянув на нее.

Обычно, отец Дориана так и поступал. Едва он посещал с визитом какой-нибудь город или деревню – он сразу же находил в толпе несколько ведьм (обычно женщин, отличавшихся красотой или стройностью фигуры), которые позже подвергались публичному сожжению или закидыванию камнями на центральной площади.

- Самое интересное, что отец искренне верил в то, что это были ведьмы. Я хочу сказать, он не делал этого для устрашения или отчетности. Когда он находил в толпе ведьм, он был уверен, что это бог наделил его такой властью – властью искать и находить скверну.

Через некоторое время после смерти матери, когда безумие отца усилилось настолько, что даже вышестоящие чины, наделившие его безграничной властью, стали задумываться, не совершили ли они ошибку, Дориан, выбрав момент, сбежал из дома, прихватив с собой лишь некоторое количество пищи.

- Я никогда больше не встречался с отцом. Но знаю, что он умер несколько лет спустя в полном одиночестве, всеми забытый, сумасшедший старик, извергающий проклятья всякий раз, как мимо него проходила женщина. Его руководство, в конце концов, лишило его власти, и его карьера, а вместе с ним и слава жестокого и беспощадного человека, быстро сошли на нет.

За время наших странствий я многое узнала о Дориане. На его долю выпало множество самых удивительных событий, примечательных знакомств и фантастических случайностей. Когда вечером, после представления он начинал рассказывать мне об очередном эпизоде из своей жизни, мне казалось, что я слушаю длинный приключенческий роман, в котором чего только не было – и благородные рыцари, и мудрые алхимики, и жестокие церковники, избличающие повсюду козни дьявола, и таинственные события, которые не обошлись без участия потусторонних сил, и самое настоящее волшебство.

- Знаешь, Дори, - как-то призналась я, - иногда я очень сильно завидую тебе. Ты побывал в стольких местах, принял участие в исторических событиях, со столькими людьми был знаком... И не только с людьми...

- Уверен, богиня, - лукаво улыбнулся он, - тебе тоже есть что рассказать. В конце концов, ты прожила гораздо более длинную жизнь, нежели твой покорный слуга.

- С твоей стороны, Дори, весьма бестактно напоминать мне о моем возрасте.

Наши странствия продолжались около тридцати лет – за это время Европа – мир – успели пережить самую разрушительную войну за всю историю и кардинально измениться. Мир, в который я вернулась, был абсолютно незнаком мне – точно бы я попала в другое измерение, похожее на наше, но все же сильно отличавшееся от него.

Фургончик Дориана – маленький, неказистый, со следами некогда яркой краски – представлял собой крайне любопытное строение. Стоило распахнуть его покосившуюся скрипучую дверцу, как перед твоими глазами разворачивался огромный мраморный зал с извилистыми лестницами, ведущими на верхний этаж, с изящными колоннами, подпирающими расписанные потолки, с высокими окнами, пейзажи за которыми менялись по прихоти хозяина фургончика, с гладкими полированными полами, с яркими горящими люстрами и светильниками столь причудливых форм, что было трудно отнести их к какой-либо эпохе. Должно быть, Дориан изрядно потрудился, создавая столь богатый изысканный интерьер. Впрочем, во всем этом сказочном великолепии, в роскоши и богатстве обстановки присутствовала какая-то детскость, чрезмерная избыточная пышность, граничащая порой с откровенной безвкусицей. Вероятно, именно так представлял себе роскошную жизнь маленький, забытый отцом мальчик из небольшого провинциального городка в центральной Европе. Я была уверена, что, не смотря на

приобретенные могущество и власть, не смотря на высокомерие и умение подать себя, Дориан по-прежнему остается тем мальчишкой с непростой судьбой, ищущим спасения в мире собственных грез.

Дориан пропустил меня вперед, и как только моя нога ступила на зеркальные плиты пола, одежда на мне преобразилась. Джинсы и куртка исчезли, и теперь на их месте красовалось элегантное вечернее платье с редкими вкраплениями серебра, которое переливалось и блестело в ярком свете хрустальных светильников. Платье было подобрано с безупречным вкусом – Дориан всегда умел угадывать мои желания. Уличные сапоги на ногах сменились легкими черного же цвета туфельками на тонких и высоких каблуках, передвигаться в которых было удивительно легко и просто. Я остановилась у высокого зеркала в резной золоченой рамке, украшенной переплетениями каких-то фантастических растений, из зарослей которых выглядывали единороги. Вокруг моей шеи сияло изумрудное ожерелье, идеально дополняющее платье и туфли.

- Знаешь, Дориан, - сказала я, - тебе нужно прекратить этот трюк с моим переодеванием...

- Богиню что-то не устраивает?

- Просто с меня сняли одежду так быстро, что я даже не успела этого заметить...

- Клянусь, что я не смотрел, - сказал Дориан.

Дориан тоже преобразился. Уродливый клоунский костюм сменила элегантная военная форма какого-нибудь гусара девятнадцатого века с аксельбантами и эполетами – именно так, порой, изображают принцев в книгах для девочек. Впрочем, этот наряд был словно бы сшит для Дориана или Дориан был рожден, чтобы носить его, не снимая.

- Мадмуазель, - сказал Дориан, - позвольте пригласить вас отужинать со мной.

- Приглашение принимается...

Он взял меня под руку, и мы направились к накрытому столу, который стоял в глубине залы. Среди серебряных блюд, тарелок и хрустальных бокалов было расставлено несколько подсвечников с зажженными свечами. Дориан отодвинул передо мной стул с высокой готической спинкой, помог усесться, обошел стол и сел напротив.

- Надеюсь, ужин приготовили, а не наколдовали? – улыбнулась я.

- Разумеется, - кивнул Дориан, - я нанял лучшего повара...

Как-то раз Дориан, чтобы сэкономить время, решил прибегнуть к магии для приготовления пищи, но что-то напутал, в результате чего вся пища приобрела вкус пропитанного укусом картона – вкус, вне всякого сомнения, изысканный, но в последнюю очередь предназначенный для людей. С тех пор, всякий раз, как мы садились ужинать, я задавала ему этот, ставший ритуальным вопрос.

- Я никогда не повторяю одну и ту же ошибку дважды, - успокоил меня Дориан.

Посуда за столом пришла в движение – широкие блюда и графины с вином передвигались по столу, тонко нарезанные ломти мяса соскальзывали в тарелки, спиртное наполняло высокие узкие бокалы, соусницы аккуратно наклонялись над тарелками, роняя на пищу аккуратные капли. Выглядело все это очень забавно и как-то по-детски. Удобная бытовая магия – еще немного, и пища сама прыгнет тебе в рот. Неожиданно для себя, я захохотала.

- Я подумал, - весело проговорил Дориан, - что небольшое представление не помешает. А то все слишком чопорно и торжественно. В конце концов, мы в цирке...

- Попроси вон тот графинчик с красным вином наполнить мой бокал!

- Разумеется.

Графинчик шустро обогнул широкое серебряное блюдо с мясом, ловко пробрался по проходу между соусницей и вазой с фруктами и в мгновение ока очутился возле моего бокала. Крышка на графинчике задвигалась в такт произносимым им писклявым словам:

- Сударыня, разрешите наполнить ваш бокал этим божественным нектаром?

- Извольте, - сказала я.

Графинчик тут же подпрыгнул, завис в воздухе, прозрачная крышка скользнула в сторону, и в бокал плеснулась узкая полоска вина.

Во время ужина мы разговорились о цирке и о том, куда Дориан двинется дальше.

- Пока не знаю, - он неопределенно пожал плечами, - честно говоря, я немного устал – столько лет странствую... Может, осяду здесь на какое-то время...

- А как же преследователи? – напомнила я.

Он усмехнулся.

- Чепуха. Цирк надежно защищен.

- Кстати о цирке. Животные содержатся просто в ужасных условиях.

- Животные в порядке, - проворчал он.

- Не думаю. У Марциала просто ужасная клетка – когда ее в последний раз убрали? Присцилла совсем грустный. Обезьяны курят какую-то дрянь...

- По-твоему, мне стоит покупать им кубинские сигары?

- Сигары – не сигары, а что-нибудь попроще мог бы...

- Эти обезьяны дымят по двадцать четыре часа в сутки, - воскликнул Дориан возмущенно, - знаешь, во сколько мне может влететь это их привычка?

- И поэтому ты наколдовываешь эту твою, прошу прощения, махорку? Может лучше наколдовать немного золота?

- Ты же знаешь, - вздохнул Дориан, - алхимия требует осторожности и точных расчетов. Я не могу постоянно превращать металл в золото. А ведь мне нужно содержать целый цирк!

- Ох, ну конечно – все это обычные отговорки!

- Животные в порядке, правда, - продолжал оправдываться Дориан. – Присцилла – он ведь всегда такой. Не понимаю, как он терпит тебя.

- Не нужно было обижать его, - сказала я, - и называть женским именем.

- Но я же не знал, что он такой злопамятный. Обещаю, что когда-нибудь я отпущу его обратно в лес. А Марциал вообще в клетке не ночует. Ты же знаешь, какой он общительный – просто всеобщий любимец! То в одном фургончике спит, то в другом! Да для него даже стол накрывают – ужинает он не хуже нас с тобой!

- И, тем не менее, обезьяны, - сказала я.

- Обезьяны – просто сборище анонимных алкоголиков. С моей стороны было досадной ошибкой создать их! Они умны, не отрицаю, но от них никакой пользы – они все выступления превращают в какой-то балаган. Боюсь, однажды они и мой цирк в карты проиграют!

- Да и Змею, - сказала я, - нужна клетка побольше. Ты ведь его не выпускаешь совсем, хотя бы увеличь клетку – вон как ты ловко с пространством управляешься.

- Змей – особый разговор, - вздохнул Дориан. – Если я его выпущу – сама знаешь, что тогда произойдет. Он ведь ядовитый – как миллион кобр. Но насчет клетки ты, пожалуй, права...

- Вот, вот – исправляйся, - кивнула я.

- А Гретхен ты случайно не встретила? – озабоченно спросил он.

- Случайно встретила. Она попросила отнести ее к близнецам.

Дориан поморщился.

- И как там...Кара и Мара? – брезгливо поинтересовался он.

- Все так же, ты же их знаешь.

Я пересказала Дориану свой недавний разговор с близнецами.

- Вот сучки, - пробормотал он. – Зачем только я их держу? Лишние траты. Все равно никто не хочет платить за их уродство.

- Вероятно, им многое известно, - сказала я, - потому-то ты их всюду и таскаешь за собой...

Или, подумала я, они сами таскаются за тобой. В конце концов, эту парочку не так-то и просто заставить делать что-либо. Что бы они ни делали, они делают только то, что выгодно им самим.

- Хотел бы я знать, - сказал Дориан с досадой. – Из них ничего и раскаленными клещами не вытянешь. Все, что я могу сказать, что эти двое старше, чем все человечество вместе взятое... Не удивлюсь если узнаю, что эта неразлучная парочка присутствовала при сотворении мира...

Очень может быть, подумала я. Во всяком случае, сами Кара и Мара не раз намекали на что-то подобное. Близнецам вообще был свойственно своеобразное, извращенное кокетство – насколько обычная женщина предпочитает скрывать свой истинный возраст, настолько эти двое просто обожали намекать на свою глубокую старость. Должно быть, именно это их поведение и бесило Дориана больше всего. И еще – его бессилие перед ними.

- О да, - сказала я, - близнецам известно многое. Вне всяких сомнений.

- Многое, - хмыкнул Дориан, - да эти двое в курсе всех грязных секретов и тайн, которые только есть в этом мире. Если мне удастся нащупать их слабое место, я могу стать... - не договорив, Дориан махнул рукой.

- Про Кару и Мару, - сказала я, - ходит множество слухов. Знаешь, кажется, их боится вся твоя труппа.

- Совсем недавно мне рассказали, что эти двое могут...разделяться... Якобы кто-то видел их гуляющих поздней ночью по территории цирка по отдельности. Говорят, что они ползали на четвереньках и что-то вынюхивали на земле, как собаки... Полный бред...

- Меня они тоже немного пугают, - призналась я.

- Кара и Мара запугают кого угодно. Но тебя ведь все равно тянет к ним, правда? Не думаю, что их стоит бояться. Кара и Мара любят пустить пыль в глаза, но вряд ли способны причинить вред...

Дориан и сам не поверил собственным словам. Кара и Мара, конечно, были способны на многое – ни Дориан, ни я даже представить себе не могли их истинных возможностей. Я могла лишь радоваться тому, что близнецы постоянно пребывают в своей всеистребляющей и всепрезирающей скуке и предпочитают колкие замечания и злые шутки действиям. Но при этом и я, и Дориан прекрасно понимали, что перед близнецами мы полностью бессильны.

- Как твоя работа над эликсиром? – поинтересовалась я.

Дориан стоял возле распахнутого окна и смотрел на огромную, окутанную кровавым свечением луну. Луна была такой близкой, что, казалось, можно коснуться ее поверхности, лишь вытянув руку из окна. Как-то Дориан уже показывал мне ее – эту кровавую и прекрасную луну. По его словам, именно так будет выглядеть луна в тот день, когда человечество прекратит свое существование – большая красная точка в конце длинного предложения.

Дориан даже не повернулся на звук моего голоса – эта его черта, в которой чувствовалось какое-то высокомерие, всегда раздражала меня. Иногда – просто выводила меня из себя. Но не сегодня – после всего я чувствовала себя слишком усталой, чтобы ссориться.

- Он ведь был красивым, да? – спросил Дориан, по-прежнему стоя ко мне спиной.

- Ты о чем?

- Язык, - сказал Дориан. – Язык, на котором общались до Смешения. До того, как Башня рухнула. Он, наверное, был прекрасным?

Я пожала плечами:

- Язык как язык. Может чуть более музыкальный.

- Знаешь, - сказал Дориан с раздражением, - я никогда не понимал вашего отношения – тех, кто помнит те времена. Того, как вы относитесь к Языку, к своему

прошлому, к магии... Вы будто бы не замечаете того, что обладаете Словами, что Слова подчиняются вам. Вы относитесь к ним, как к какой-то обыденности, к чему-то, что можно достать из кармана, повертеть в руках и убрать обратно. Вы обязаны Языку всем, что у вас есть – вашей властью, вашим долголетием, вашей силой... Но вы так высокомерны... Даже те из вас, кто посвятил изучению Языка всю свою жизнь – даже они грешат высокомерием...

Ну вот, еще одна тема, волнующая Дориана – его происхождение. Родившись в темные, «ублюдочные», как он сам обычно их называл, времена, он с непонятной ревностью относился к таким, как я, к аристократам, заставшим «Эру Божественного Языка». Конечно, он бы все отдал, что бы оказаться одним из нас, но времена и родителей не выбирают.

- Ты даже не представляешь, - как-то признался мне Дориан, - как сильно я завидую тебе и таким, как ты...

- Нечему завидовать, - ответила я тогда. – Ты прекрасно знаешь, чем это закончилось – веселого мало...

Дориан некоторое время смотрел на меня каким-то затравленным, даже жалобным взглядом, затем устало махнул рукой. Конечно, тебе не понять, сказал он.

- Прошу тебя, Дори, не начинай, - сказала я. – В конце концов, ты не многое потерял. И потом, ты не думал, что мы заслужили право на высокомерие? Ты ведь и представить не можешь, через что пришлось пройти каждому из нас. То, что ты принимаешь за высокомерие – на самом деле, обыкновенная усталость. Никто из нас больше не питает иллюзий насчет Языка. Мы все ни раз убедились, что Слова, не смотря на все их могущество, не могут изменить мир. Это просто слова – не больше, не меньше. Так что, пожалуйста, давай прекратим разговор на эту тему и проведем этот чудесный вечер в более приятной... обстановке.

- Нет, - почти взвизгнул Дориан, - я закончу. Я не хочу, чтобы ты думала, будто бы только на вашу долю выпали все несчастья этого никчемного мира. Мне тоже пришлось многое перенести – и, тем не менее, я не превратился в одного из вас, в эстетствующую развалину, предпочитающую закрыть глаза на все несовершенства этого мира. Вы подменили все слова никчемными суррогатами, не оставили нам ничего, кроме красивой легенды, мифа, который поселяет в людях неутолимую жажду. Мы все живем в искусственном, уродливом мире, который вы создали для нас, чтобы мы не могли повторить вашей ошибки... Но на самом деле вы просто боитесь, что мы сможем сделать то, что вам оказалось не под силу...

Я улыбнулась и осторожно положила свою ладонь Дориану на плечо. Все-таки, не смотря свой возраст, Дориан по-прежнему оставался все тем же мальчишкой, дерзким и отважным мечтателем, решившим пойти наперекор всему – своему отцу, обществу, времени, всему миру. Я привстала на цыпочки и тихо прошептала на ухо Дориану одно из древних Слов. Оно не обладало никакой магией, это короткое и красивое слово, но порой сила его во сто крат превосходила даже самую сильную древнюю магию.

Дориан крепко обнял меня и притянул к себе. Красная луна в распахнутом окне стыдливо скрылась за грядой рваных перистых облаков, напоминающих стаю резвящихся драконов.

Интерлюдия Первая

По роду моей деятельности мне нередко приходится сталкиваться с тем, что – с определенной оглядкой на особенности моей профессии – можно и следует назвать «бытовухой». Собственно, «бытовуха» составляет основную часть того, чем мне приходится заниматься. Не битвы с зеркальными паразитами, не общение со зловещими сиамскими близнецами, явившимися из древней космической темноты, не философские беседы с говорящим волком и говорящей крысой и не путешествия по параллельным измерениям, а обычная – во всяком случае, обычная для меня – бытовуха. Порча, сглаз, проклятия и другие неприятные вещи, которые одни люди из, как правило, корыстных побуждений или зависти, накладывают на других людей. Гадание по рунам, гадание на картах Таро, составлением гороскопов и астрологических прогнозов – все эти процедуры на редкость похожи на сложные математические вычисления, построение графиков и решение формул и алгоритмов и хороши лишь в малых – умеренных – пропорциях. Когда же всего этого становится много, то магия – и это, пожалуй, самое неприятное в моей профессии – превращается в рутину, в нечто, отчего постоянно зеваешь и отчего, рано или поздно, начинает болеть голова. В нечто, что всегда пытаешься отложить на завтра, хоть это и нужно сделать сегодня. Рутинная – штука беспощадная, она наваливается на тебя и буквально обездвиживает, как тоска или депрессия. После составления нескольких гороскопов или прогнозов подряд я нередко чувствую себя опустошенной и усталой, как будто всю прошедшую неделю по двенадцать часов в сутки занималась рытьем траншей или прокладкой туннелей.

И уж если я решилась рассказать на этих страницах свою историю, – точнее, одну из историй – то без рутины и бытовухи просто не обойтись. Как бы я ни крутилась, стараясь разнообразить свои будни, от них не убежать и не спрятаться. Наоборот, с каждым годом сопротивляться их парализующему, как взгляд змеи, воздействию становится все труднее. Однако, я буду несправедлива, если скажу, что все бытовые случаи, которыми мне приходилось заниматься, были унылыми и вызывающими самую что ни на есть тупую скуку. В каждом деле бывают свои исключения, под внешне невзрачной оболочкой может скрываться событие куда более масштабное и необычное. И чуть ниже пойдет рассказ как раз об одном из таких случаев.

Я всегда стараюсь держать в холодильнике десяток – другой свежих яиц. При моей профессии без этого не обойтись. Во-первых, из яиц всегда можно соорудить вкусный омлет, который пробуждает сначала аппетит, а потом и вкус к жизни после долгого, утомительного рабочего дня. Во-вторых, без яиц не приготовишь гоголь-моголь, а у меня время от времени (под настроение) возникает желание опрокинуть стаканчик гоголь-моголя. В-третьих – и в главных – при помощи яйца можно без труда снять порчу. Внутреннее устройство яйца, уникальность и необычность которого подметили еще древние, позволяет, подобно губке, впитать в себя черную магию, подтачивающую человеческий организм. Поэтому яйцо, по крайней мере для меня, имеет значение первостепенное и всегда должно находиться под рукой. Сейчас я использую в основном куриные, но еще прекрасно помню времена, когда одно за другим изводила, чтобы избавить человека от порчи, перепелиные. Вообще же мне доводилось использовать яйца самых разных животных, включая крокодилы или, например, яйца удода. «Ab Ovo», – как говаривали когда-то римляне. И были абсолютно правы.

Особенно хорошо я запомнила один случай. Правда, произошел он не так давно – всего-то пару лет назад. Для человека, который пережил падение Вавилонской Башни, пара лет – все равно что короткий субботний вечер перед телевизором за чашкой сладкого чая. С другой стороны, за эти пару лет много чего произошло, что изменило мою жизнь

кардинально. Пару лет назад я еще могла позволить себе быть беспечной и наивной. В перерывах между глотками сладкого чая жизнь человека может неузнаваемо преобразиться (что со мной и произошло). Впрочем, об этом – не здесь.

Ко мне на прием записалась некая средних лет женщин. По вполне понятным причинам имени ее здесь я привести не могу. Впечатление она производила зловещее. Она была высока, худа, с длинной и тонкой шеей, худыми руками и узкими ладонями, затянутыми в черные перчатки, поверх которых блестело несколько старых, будто бы выцветших перстней. Лицо скрывает черная вуаль, видны только узкие скулы. Я обратила внимание на ее пальцы – они были настолько длинными, что возникало впечатление, будто бы в каждом из них присутствует одна лишняя фаланга. Не пальцы – а настоящие паучьи лапки. Не женщина – а черная вдова. Впрочем, едва только она переступила порог, как я ощутила ее ауру – ауру обычно спокойного рассудительного человека, с добрым сердцем и мирным характером. Вот только сейчас аура ее была буквально изуродована нахлынувшим на нее ужасом. Ужасом, которого она никогда прежде не испытывала. Одного взгляда на ее худые дрожащие руки, на ее острые плечи, вздрагивающие при малейшем скрипе или шорохе, на ее неуверенную походку, одного взгляда на ее призрачный, затянутый в черное силуэт было достаточно, чтобы понять, что женщина находится на грани помешательства.

Я коснулась ее плеча и прошептала Слово Спокойствия.

- Прошу вас, не волнуйтесь, - сказала я, - пройдемте в комнату. Все будет в порядке.

- Я... - начала была женщина, но не договорила.

Я сразу же запомнила ее голос. Не смотря на то, что он дрожал – это был очень красивый голос, голос по-настоящему доброго человека. Я даже попыталась представить себе ее смех (роскошь, о которой женщина, судя по всему, позабыла) – звонкий и жизнерадостный, как в старых советских фильмах.

Я усадила ее в мягкое кресло, сама, как и всегда, села напротив.

- Давайте я приготовлю вам цветочного чаю, - предложила я. – Поможет взять себя в руки и прийти в себя. Чтобы с вами не случилось, обещаю, что обязательно вам помогу.

- Я... не знаю... - в голосе женщины – замешательство и растерянность.

- Минуту. Я быстро. – я все-таки решилась взять на себя смелость и приготовить чай. Человека, впавшего в такое отчаяние, я не встречала уже давно. Обычно клиенты отказываются от чая, даже не смотря на то, что завариваю я его отменно – большинству не терпится приступить к сути дела, а кто-то предпочитает кофе (кофе в доме я не держу). Цветочный чай, рецепт которого я оберегаю точно так же, как Дориан формулу своего эликсира, порой оказывает гораздо более сильное и эффективное воздействие, чем Слова и вообще магия. Чашка горячего цветочного чая – именно то, что было нужно женщине.

Я вернулась в комнату и поставила перед ней чашку с чаем.

- Вот. Выпейте. Хотя бы несколько глотков. А потом все расскажете.

- Спасибо...

Я наблюдала, как дрожащей рукой она берет чашку, как подносит, каким-то чудом не опрокинув на пол ее содержимое, чашку к губам, как делает первый – маленький – глоток. Несмотря на сотрясающую все ее тело дрожь, в каждом ее жесте присутствовало какое-то достоинство. Причем достоинство врожденное, достоинство того сорта, которому нельзя обучиться, как, например, обучаются хорошим манерам. Обычно, такое достоинство встречается у благородных людей, благородных не по крови, а по образу жизни – у тех, кто никогда и ни при каких обстоятельствах не причинит зла себе подобному и не совершит дурного поступка. Таких людей во все времена было немного, но именно на них, а не на трех слонах и черепахе, и держится мир. И, как правило, именно на таких людей и обрушиваются все несчастья этого мира.

- Как вам чай? – спросила я.

- Очень...очень приятный...вкус. Я такого никогда не...не...не пробовала, - удивительно, но она даже улыбнулась. Должно быть, для этого, ей пришлось собрать в

себе все силы, какие у нее были. Ее бледные, будто бы обескровленные пухлые губы едва шевельнулись, но и этого было достаточно, чтобы разглядеть искреннюю, по-прежнему красивую улыбку.

- Отлично. Допивайте чай. Это поможет. Обещаю. Только не торопитесь.

Она пила чай аккуратно, маленькими и осторожными глотками. Края ее черной вуали оставались неподвижными, но время от времени я ощущала на себе ее испуганный и усталый взгляд. Я могла бы без труда прочесть ее мысли, но не стала этого делать – я вообще редко прибегаю к своим способностям. В противном случае, я рискую потерять всякий вкус к жизни. Установленный факт: тот, кто слишком часто пользуется магией очень быстро впадает в депрессию, а то и сходит с ума. К тому же попытка прочесть ее мысли была бы самым настоящим варварским актом неуважения. А своих клиентов я уважаю. Кроме тех, кто хочет навредить другим людям, конечно.

Женщина бесшумно поставила чашку на блюдце и села более прямо.

- Так что у вас за проблема? – спросила я.

По телефону ее было очень сложно понять. Женщина находилась в истерике, бормотала что-то о каких-то пятнах, сыпи и надписях, покрывших все ее тело, о том, что ее кожа горит, что она не может уснуть и что скоро умрет.

- Я...сейчас...секунду...

Судорожными движениями она принялась один за другим стягивать с пальцев перстни. С глухим тревожным стуком она клала их на стол рядом с чашкой. В ее движениях мне почудилась глубокое отвращение и брезгливость, как будто она держала в руках не предметы украшения, а личинки насекомых. Все так же судорожно женщина сняла перчатки – сначала левую, затем правую. Затем осторожно приподняла черную кружевную вуаль, развязала черный шелковый шарф, скрывавший ее шею, и опустила строгий высокий воротник с острыми углами, чтобы я смогла лучше разглядеть кошмарные и уродливые шрамы, проступившие у нее на коже. Я едва сдержала себя, чтобы не поморщиться – настолько ужасная картина предстала моим глазам. Мне казалось, что за долгие годы практики я научилась держать себя в руках, но произошедшее с женщиной вряд ли смогло бы оставить кого-нибудь равнодушным. Моя правая рука автоматически стала подниматься ко рту, но я все же удержала себя от этого слабавольного жеста.

Лицо, шея и руки женщины были изборождены глубокими пересекающимися шрамами, рубцами и похожими на синяки пятнами неприятного темно-лилового цвета. Женщина напоминала прокаженную, обезображенное тело которой вот-вот начнет гнить и разлагаться. Некоторые шрамы складывались в буквы, которые, в свою очередь, образовывали слова – самую отчаянную ругань. ШЛЮХА, СУКА, МРАЗЬ, а то и похлеще. Каждое из этих слов повторялось, как минимум, трижды – ругательства накладывались друг на друга, на некоторых участках кожи буквы и вовсе были выпуклыми. Но ужаснее всего было лицо женщины. Худое и измученное, сведенное гримасой отчаяния, оно было покрыто сочащимися гноем язвочками, поверх которых был на скорую руку нанесен защитный дезинфицирующий крем. А на высоком, с едва проступившими морщинами лбу, подобно безобразной звезде, красовалась выпуклая сине-лиловая свастика, словно бы оттягивающая кожу изнутри. И с этого некогда красивого, умного и доброго лица на меня смотрели два темных, блестящих от слез глаза. Я могла только гадать, каких усилий стоило женщине прийти ко мне на прием и показать мне свое изуродованное тело.

Женщина сидела напротив меня и молча плакала. Две тонкие струйки слез катились по ее худым, покрытым сыпью щекам. Я могла лишь еще раз удивиться ее стойкости – ведь на ее месте рыдали бы даже мужчины. Да что там рыдали! Скорее всего, позабыв о всякой гордости, умоляли меня помочь им – и не исключено, что на коленях (мужчины вообще часто любят вставать на колени, очевидно, полагая, что этот, в сущности бесполезный, жест может чем-то помочь им).

- Как давно у вас эти...раны?

Женщины потребовалось какое-то – и весьма продолжительное – время, чтобы найти в себе силы ответить.

- Несколько...несколько недель... Поначалу я не обратила на это внимания... Это были мелкие незначительные точки... Сначала...сыпь появилась...появилась на руках, и я подумала, что это просто обычное раздражение... Тем более, что у меня очень чувствительная кожа, и раздражение может начаться из-за чего угодно – из-за слишком холодной или из-за слишком горячей воды, из-за того или иного материала, из-за укуса комара, из-за...из-за чего угодно... Потом, - она ненадолго замолчала, тяжело дыша и глотая ртом воздух, - потом сыпь стала...распространяться. Перекинулась на спину, на грудь, на шею, на ноги... Вот тогда я впервые ис...испугалась. Сильно испугалась. Я обратилась к врачу, но он сказал, что волноваться не стоит, что это просто аллергическая реакция. Посоветовал мне есть как можно меньше сладкого, - женщина всхлипнула. – Как можно меньше сладкого – нелепость какая-то... На какое-то время я успокоилась, а потом...потом... сыпь превратилась в эти багровые пятна, появились шрамы, рубцы и...и...- она так и не смогла произнести слова, только осторожно коснулась рукой своего лба.

Не желая больше смущать меня своим внешним видом, она подняла руку, чтобы опустить вуаль, но я остановила ее и помотала головой.

- Не торопитесь. Я должна кое-что проверить.

- Ох, конечно...

- Секунду.

Я оставила ее в гостиной, а сама прошла в соседнюю комнату и открыла свой магический шкафчик, где хранила самые разные необходимые для работы предметы. Старые книги, на потертых страницах которых были зашифрованы сильные магические заклинания, не раз выручавшие меня в казалось бы безвыходной ситуации. Несколько свитков с откровениями древних алхимиков, спасенные из охваченной пожаром Александрийской библиотеки. Магические амулеты из разных концов света – из Африки, из Южной Америки, из Австралии, из Норвегии. Каждый из этих амулетов обладал уникальными свойствами и имел свою удивительную историю, конец которой, правда, всегда был один: амулет попадал мне в руки и оказывался в моем магическом шкафу. На самой верхней полке, под защитой составленного мной заклинания (а это, скажу я вам, куда прочнее и надежнее, чем пуленепробиваемое стекло) стояли ряды склянок самых разных форм и размеров с разными жидкостями и порошками, смешивая которые в определенной последовательности и консистенции можно было получить мощное снадобье, предназначенное для тех или иных целей. Признаюсь, что я вообще-то не очень люблю всю эту возню с ингредиентами – отнимает много времени, сил и нервов. Никогда не задумывались, почему многие колдуньи такие нервные? Вот, вот...

В самом нижнем ящичке я хранила несколько старых колод карт Таро, некоторые из которых были нарисованы рукой подлинного колдуна, и в каждой карте, помимо скрытого смысла, была заключена самая настоящая магия. Разумеется, пользоваться этими колодами в работе я не могла (слишком большой риск), но время от времени я любила просто разглядывать их, любясь причудливым рисунком и отыскивая все новые детали, которым раньше удалось спрятаться от моего внимательного взгляда. (Впрочем, изображения в одной из колод подвижны, и время от времени на карте объявляется какой-нибудь новый персонаж, совершенно удивительный и непонятный.)

В другом ящичке лежали дощечки с вырезанными на них скандинавскими рунами. Они достались мне от древних скальдов, среди которых я жила одно время, обучаясь их сложному и так не похожему на вавилонскую магию искусству. Каждая из этих дощечек, которые за несколько сотен лет совсем не пострадали от времени, вырезалась специально для меня с определенным пожеланием. Добрым пожеланием.

Но сейчас меня интересовал самый крайний справа ящичек – там я хранила свое *особое* зеркало. Не будь его, и моя работа существенно бы осложнилась. Особое зеркало

ничем не отличалось от своего сказочного коллеги – оно показывало только правду. При помощи этого зеркала, которое мама изготовила к моей десятой осени, можно было легко заглянуть в душу абсолютно любого существа, можно было увидеть будущее этого мира и, наверное, даже узнать секрет бессмертия, который не дает покоя Дориану. Зеркало показывало не обычное отражение человека, а то, как человек выглядит на самом деле. Порой, посмотрев в зеркало, я обнаруживала, что под личиной человека скрывается существо, природа которого не имеет ничего общего с человеческой.

Я вернулась в гостиную, отодвинула чашку и положила на столик зеркало. Собственно, я и так не сомневалась, что на женщине лежит страшная и отвратительная порча, но увидеть все собственными глазами лишний раз не помешает.

- Будьте добры, - попросила я, - придвиньтесь ближе к зеркалу.

- Конечно...

Женщина присела на самый краешек кресла, и ее худое изможденное лицо, вдоль и поперек исполосованное шрамами, отразилось в бездонной глубине маленького зеркала. Лицо женщины, ее шея, грудь, все тело были опутаны подрагивающими липкими нитями, неумолимо напоминающими покрытую слизью паутину. Невидимые обычному взгляду, эти липкие нити, управляемые чьей-то рукой, с каждым днем все плотнее стягивались вокруг свое жертвы, выдавливая из нее последние жизни.

- Порча наложена мастерски, ничего не скажешь, - подумала я. – Очень скоро все ее тело будет напоминать выжатый лимон...

Кто бы ни наложил порчу он тщательно и хладнокровно рассчитал все последствия, заранее спланировал каждый возникший на теле шрам, каждый синяк, каждый рубец. Вероятно, он даже составил что-то вроде мысленного чертежа – изощренной и запутанной схемы будущих увечий. Я буквально видела, как чья-то невидимые руки, вооруженные циркулем и остро заточенным, точно скальпель, карандашом как на листе ватмана выстраивают на теле женщине зловещую геометрию синяков и шрамов. Я давно не сталкивалась с чем-то настолько мерзким и бесчеловечным. Глядя в зеркало, я не ощущала ничего кроме глубокого чувства отвращения и тошноты. Переплетения липких нитей вокруг лица и рук женщины чуть подрагивали, на нитях уже образовывались небольшие тугие комочки, узелки – свидетельство того, что процесс входит в свою финальную стадию. Обычно такие случаи заканчиваются либо самоубийством, либо разрывом сердца – ведь даже у самого сильного человеческого сердца есть свой предел. Те, кто накладывает порчу, любят шутить, что всегда предоставляют человеку выбор – уйти добровольно или дождаться окончания «сеанса». Обычно этим занимаются колдуны или колдуньи самого низкого пошиба, те, чьи возможности весьма ограничены, а сердце прогнило насквозь. Они ничего больше не могут, ничего не умеют, в их душе нет места доброте или состраданию, все, что им знакомо – только злоба и зависть, и только потому они жаждут одной лишь власти и могущества, пусть и весьма ничтожного. В конце концов, для того, чтобы почувствовать себя богом, достаточно раздавить таракана. Моя мать, не смотря на всю ее доброту, лишала таких людей их магических способностей, памяти и рассудка, а уж отец, не особенно колеблясь и без лишних разговоров, отправлял на тот свет.

Снять порчу – какой бы сильной она ни была – в общем-то несложно. Но не менее важно в этом деле выявить личность того, кто эту порчу наложил. В противном случае, злоумышленник наложит порчу снова – по собственному опыту я знаю, что такие люди никогда не останавливаются. Достичь своей цели, убить человека, свести его с ума – является для них первостепенной задачей. Каждый из них – тех, кто накладывает порчу при любой возможности – живет в ограниченном, изначально неправильном мире, мире, в котором нет света и тепла, в мире, где не имеет значение ничего, кроме поставленной – обычно, весьма ничтожной или незначительной – цели. Отсюда и упорство этих доморощенных колдунов, не имеющих представления даже об основах магического

мастерства. Впрочем, дискутировать с колдуном (или колдуньей) о магии я не собиралась. Все, что нужно, как говаривал мой отец – это найти и нейтрализовать.

- Вы знаете, что со мной? – спросила женщина.

Все это время она, должно быть, пристально наблюдала за каждым моим движением, и мое молчание подействовало на нее угнетающе.

- Порча, - ответила я. – При том, довольно сильная.

- Ч-что?..

- Вы главное не волнуйтесь, - сказала я.

- Вы...вы сможете мне помочь?

- Конечно, - я улыбнулась.

Женщина сидела напротив меня и тяжело взволнованно дышала.

- Снять порчу – для меня не проблема, - продолжила я. – Но это только полдела.

- А что...что...

- Понимаете, - сказала я, - порча не возникает сама собой. Это дело рук человеческих. То есть кто-то ее на вас наложил. Скорее всего – и я в этом не сомневаюсь – это сделал кто-то, с кем вы хорошо знакомы. Может быть, очень близкий человек – родственник или подруга.

- Но этого...этого не может быть... Зачем? За что?

- У того, кто это сделал, есть своя причина, поверьте. Зависть, месть, обычная злоба – эти люди не руководствуются принципами морали... Они привыкли смотреть на весь остальной мир, как на мусор, а на людей, как на средства для достижения своих целей. Просто, когда я вычислю его и назову вам его имя – прошу не реагируйте слишком бурно... Это может быть, кто угодно... Даже тот, кого вы считали своим близким другом.

Женщина смотрела на меня широко раскрытыми, ничего не понимающими глазами. Может, мне и не стоило рассказывать ей обо всем сразу, а нужно было действовать постепенно, шаг за шагом?

- Впрочем, - сказала, чтобы хоть как-то изменить ситуацию, - всем этим мы займемся несколько позже, когда вы поправитесь... Сейчас главное – избавить вас от порчи.

- А это...это...

- Это не больно, - поспешила успокоить ее я, - и не займет много времени. Если знать как, порчу можно снять за несколько минут.

- Вам уже приходилось...делать...это прежде?

- Конечно. И не один раз. Не беспокойтесь. Я только схожу на кухню и сразу вернусь.

Не очень мне и по душе разговаривать со взрослым человеком, как с ребенком, комментируя каждое свое действие и постоянно успокаивая его, но в таких случаях почти все ведут себя одинаково, потому что завладевший ими ужас имеет одну природу, пусть и искусственную. Помимо физических мучений, порча имеет обыкновения причинять страдания душевные, расстраивать ум и расшатывать нервы. Финальная стадия порчи – картина страшная, вызывающая в памяти самые чудовищные образы. Финальная стадия – потеря рассудка. Даже если излечить такого человека физически, он уже никогда не станет прежним, не придет в себя и так и останется жить в кошмарном мире преследующих его видений. Подобно рою завывающих призраков, эти галлюцинации, созданные его же собственным расстроенным воображением, ни оставят его больше ни на секунду и исчезнут только в момент его смерти.

На кухне я открыла дверцу холодильника и взяла пару яиц (одно про запас). Затем подошла к шкафчику с посудой и, привстав на цыпочки, дотянулась до голубого пластмассового тазика. Вот и все, что мне потребуется для того, чтобы снять порчу. Не так и много, согласитесь.

Теперь важно все проделать точно и аккуратно. Аккуратность в деле снятия порчи – вещь первостепенная. В конце концов, я не хочу, чтобы яйцо под моей ладонью треснуло в тот момент, когда я буду катать его, точно шар по бильярдному столу, по лбу клиента. (Случалось со мной и такое, ведь все мы учимся на своих ошибках, а в молодости, когда только начинала практиковать, я, помнится, ошибалась очень часто; размазанный по лицу клиента желток – это, конечно, смешно, вот только, как правило, общее состояние подвергшихся порчи клиентов совсем не располагает к тому, чтобы над ними смеяться). Поэтому я шепотом произнесла Слово Мастерства, чтобы ничто не отвлекало меня и не мешало сосредоточиться, и вернулась в комнату. Я поставила тазик на стол, положила в него – одно за другим – яйца.

- Что...что вы собира...собираетесь делать? – спросила женщина тихим испуганным голосом, как будто чьи-то холодные, затянутые в резиновые перчатки руки раскладывали перед ней какие-нибудь хирургические инструменты неизвестного предназначения или орудия для пыток.

- Не волнуйтесь, - успокоила ее я, - это не займет много времени. Пару минут – не больше...

- Вы собираетесь...собираетесь?..

- Вот именно, - кивнула я, - я собираюсь снять порчу. К счастью снять ее можно простым способом – для этого вовсе не обязательно повторять ритуал наложения порчи в обратном порядке, как иногда об этом пишут в бульварных газетах и в разных глупых книжках.

- Хорошо... А то я думала, что будет...будет больно... А я так устала терпеть боль... Я не вынесу еще больше боли...не вынесу...

- Вам и не придется, - улыбнулась я.

Я взяла одно из яиц и, обогнув столик, подошла к женщине.

- Будьте добры, поднимите вашу вуаль и запрокиньте голову. Чтобы я могла положить яйцо на ваш лоб.

Женщина выполнила в точности все, что я сказала. Она устроилась в кресле, запрокинув голову и закрыв глаза. Она почти не дышала и издали, вероятно, походила на тощий изуродованный труп. Я осторожно положила яйцо на ее лоб. Яйцо было холодным, и женщина вздрогнула.

- Все хорошо, - поспешила успокоить ее я. – Теперь главное не шевелитесь. Я просто пару минут повожу яйцо по вашему лбу. Знаю, что это странно и непривычно, зато помогает. И еще как. Способ испытанный – им еще в древнем Вавилоне пользовались.

- Мой отец защитил кандидатскую по культуре древнего Вавилона, - сказала женщина.

- Я могла ее читать? – спросила я, медленно, со всей осторожностью катая овальное яйцо по ее иссеченному шрамами и обезображенному лиловой свастикой лбу.

- Не думаю, - сказала она, - ее опубликовали лишь однажды – да и то очень и очень давно.

Разумеется, чтобы избавить человека от порчи, просто поводить куриным (или каким-либо еще) яйцом по лбу – недостаточно. Важно, чтобы этот процесс совершал человек знающий и обладающий опытом, как это теперь принято говорить. В противном случае, даже представить страшно, сколько бы яиц размазались о чьи-нибудь лбы или лица. Соприкасаясь с человеческой кожей, яйцо начинает впитывать в себя всю негативную энергию, которая, точно пробравшийся внутрь клещ, высасывает из человеческого тела остатки жизни. Двигая яйцом по лицу женщины, я как бы совершала целебную медитацию – настройку поврежденного организма на правильный, жизненный лад. Собственно говоря, умение почувствовать человеческую душу, суметь проникнуть внутрь – именно это, а не обычное яйцо, избавляют страдающего человека от порчи. И, конечно, здесь не обойтись без специальных слов, которые я, передвигая яйцо, постоянно повторяла еле слышным шепотом. Это были слова надежды и исцеления, слова света и

слова жизни, слова внутреннего покоя и гармонии, те слова, которые вселяют в человека волю и желание жить.

Я чувствовала, как яйцо тяжелеет и затвердевает, словно бы превращается в камень. Наливается какой-то черной и зловещей жизнью – тем, что до этого притаилось в теле бедной женщины, а теперь вдруг очутилось в ловушке, из которой нет выхода. Вавилонская магия в действии. Я продолжала повторять слова, пока не почувствовала, что женщина свободна – вновь открыта для жизни и простых житейских радостей, о которых за последние пару недель она, должно быть, совсем позабыла. Voila – процесс завершен!

- Ну вот и все, - сказала я.

- И теперь...теперь...все это...

Женщина коснулась рукой своего лба, в надежде, что чудовищное клеймо исчезло, но свастика, разумеется, была на месте. Одно дело – избавиться от порчи. Совсем другое – ее последствия. Для того, чтобы следы исчезли совсем, требуется какое-то время.

- Теперь это все...исчезнет?

Женщина жалобно посмотрела на меня.

- Разумеется. Для полного восстановления потребуется несколько дней, может быть неделя, у всех – по-разному. Но я вам обещаю, что улучшения будут заметны уже к вечеру.

- Неужели...неужели...

- Порча снята, - улыбнулась я.

Я вернулась за столик, вытащила из тазика неиспользованное яйцо («Могла бы и не брать, - с сожалением подумала я, - вечно я в себе сомневаюсь...») и пододвинула тазик ближе к себе.

- Вот посмотрите, - сказала я.

Затем я осторожно ткнула яйцом о край тазика, и яйцо треснуло. Из разбитой скорлупы в тазик хлынула пузырящаяся черная жижа, похожая на ожившую тьму. Она растеклась по дну, а в самом центре этой невероятно вонючей черноты двигались, постоянно меняясь и издавая мерзкий писк, какие-то очертания. Иногда перед нами возникало злобное перекошенное лицо, которое тут же превращалось в комок пульсирующих щупалец, иногда очертания складывались в некую фигуру с невероятно длинными и худыми руками и ногами, затем фигура переходила в какое-то фантастическое существо, собаку или волка с двумя головами. Черная жижа на дне тазика чем-то неумолимо напоминала океан Солярис из фильма Тарковского, но только в глубине этой жидкой концентрированной темноты не было жизни.

Женщина, не отрываясь, смотрела в тазик, в одночасье позабыв и о шрамах, покрывавших ее тело и о свастике на лбу и даже не ощущая ужасного зловонного запаха, который распространился уже по всей комнате. Ее узкая, затянута в перчатку ладонь медленно поднялась к раскрытому в гримасе испуга рту – безжизненное и автоматическое движение.

- Такая вот штукавина сидела внутри вас, - сказала я. – Неприятная, правда?

- Что...что это такое?

- Так выглядит ваша порча.

Женщина продолжала смотреть в тазик, словно бы на его дне лежало что-то очень дорогое для нее, но вместе с тем неприятное и отталкивающее. Реакция вполне типичная. Я наблюдаю ее вот уже на протяжении многих лет.

- Минутку.

Я взяла тазик и ушла с ним на кухню. Там я поставила его на подоконник и накрыла специальной материей, на которой перед этим я произнесла несколько Слов. Затем прошла в ванную, взяла с полочки освежитель воздуха и вернулась в комнату. Женщина так и сидела на своем месте, прижав руку ко рту – словно бы и не заметила моего ухода и исчезновения тазика.

- Все позади, - сказала я. – Вам больше не о чем волноваться. Больше не будет боли, страданий... Порча снята.

- Но...кто? – спросила женщина, глядя прямо перед собой широко раскрытыми невидящими глазами, которые в этот момент походили на пару стеклянных шариков, вставленных в пустые глазницы.

- А вот это, - я сняла с флакончика колпачок и принялась разбрызгивать освежитель по комнате, - нам еще предстоит выяснить...

Комнату постепенно наполнилась приятным и легким цветочным ароматом.

- Выяснить? – переспросила она.

- Ага, - кивнула я, - но не сегодня. Вам нужно прийти в себя. Вы должны сначала поправиться.

Собственно, найти виновника – моя первостепенная задача. В противном случае, кто даст гарантию, что он этого не повторит. А я уверена, нет, не уверена, я знаю, что повторит. Такие всегда повторяют. Они, как назойливые паразиты, раз за разом будут пытаться делать это снова и снова, какими бы незначительными и ничтожными не были их истинные намерения.

Перед уходом я протянула женщине пакетик с чаем.

- Вот, возьмите.

- Что это? – она вопросительно посмотрела на меня.

Странно, но вуаль она опускать не торопилась. Хороший знак, решила я.

- Просто чай. Цветочная смесь. Пейте его, пока не пройдут все ваши...синяки. По одной – две чашки день будет вполне достаточно. Он поможет вам восстановить ваши душевный покой и равновесие и набрать силы, которые вы растеряли.

- Огромное вам спасибо, - она бережно убрала пакетик с чаем в сумочку.

- Да, еще кое-что.

Женщина вопросительно посмотрела на меня.

- Через...ну, скажем, неделю, когда силы окончательно вернуться к вам, а все следы исчезнут, мне будет необходимо осмотреть вашу квартиру.

Она кивнула.

- Конечно. Я обязательно позвоню вам.

Я почувствовала, как жизнь возвращается к ней, проникает через поры в ее худое, практически истощенное тело.

- У вас ведь есть какой-нибудь фотоальбом? Ну, знаете, с фотографиями друзей, родных, близких?... Или может быть просто фотографии? Что-нибудь в этом роде. Мне бы это очень помогло...

- Да, разумеется...

Сегодня у всех есть фотоальбомы – массивные, распухшие от фотографий тома. Мне вдруг вспомнились далекие времена, когда фотография была подобием роскоши и встретить ее можно было только в богатых домах или в домах образованных людей. В те времена мне приходилось вычислять виновника порчи совсем иными способами. Едва ли не каждый такой случай – в сущности обычная бытовуха – превращалась для меня в запутанную детективную историю, достойную пера Конан Дойла или Агаты Кристи, где нужно было тщательно изучить все имеющиеся улики и на их основе воссоздать «картину преступления». Вот тогда мне точно было не до скуки. В те времена скучали разве что русские помещики – впрочем и на них, рано или поздно, находилась проруха.

- Отлично, - сказала я. – Тогда до встречи. Жду вашего звонка.

- Всего хорошего. Я обязательно позвоню.

Я проводила женщину до лифта и лишь, когда его двери захлопнулась, и кабина двинулась вниз, вернулась в квартиру.

- Пожалуй, - подумала я, - я заслужила чашку какао...

Она позвонила мне через несколько дней. Бодрый жизнерадостный голос, полный восторга и обычной радости, о которых она уже успела позабыть. Первые несколько минут нашего разговора она продолжала благодарить меня, напрочь игнорируя все мои слова.

- Я не знаю, как вы это сделали, - сказала она, несколько успокоившись и поумерив свой пыл, - но все шрамы, все синяки – абсолютно все прошло! Даже эта ужасная свастика на лбу исчезла!

- Искренне за вас рада.

- То, что вы сделали – это настоящая магия!

- Более или менее...

После всех этих восторгов и громких слов мы, наконец, договорились о встрече. Напоследок она пообещала угостить меня чаем и накормить домашним печеньем. Не самая приятная перспектива. Домашнее печенье – как и печенье вообще – я не люблю. От него полнеют быстрее, чем от жареной индейки. А я прекрасно знаю, что сбросить лишний вес не поможет никакая магия! Разве только фатальная доза радиации...

Женщина жила в одной из новостроек, на Юго-западе, в уютной, со вкусом обставленной трехкомнатной квартире. Строгость здесь соседствовала с какой-то чисто-женской свободой и непринужденностью. Старинная мебель, которая в прошлые дни, вероятно, украшала рабочий кабинет какого-нибудь государственного чиновника, не привыкшего к ярким аляповатым цветам, удивительным образом гармонировала с цветастыми обоями и картинами на стенах – жизнерадостными натюрмортами с какими-то фантастическими цветами, которых я не встречала даже в самых отдаленных и непохожих на наш мирах. Тяжелые тома с классическими произведениями и скучными трудами по истории и философии дополнялись дешевыми изданиями дамских романов в мягких обложках с дурацкими картинками, изображающими целующихся в самых нелепых позах мужчин и женщин.

Квартира мне очень понравилась – тот, кто в ней жил был явно неординарным, умным и жизнерадостным человеком. Мне понравились фарфоровые светильники и люстры, прозрачный тюль на кухонном столе, ворох пальто на вешалке в прихожей, разбросанные на журнальном столике в гостиной поздравительные открытки еще советских времен – каждая деталь этой трехкомнатной квартиры. Вот только было одно но... Повсюду, куда бы ни падал мой взгляд, я видела следы какого-то гниения, разлада...

Квартира, охваченная порчей, зрелище столь же неприятное, что и *порченный*, как выражаются некоторые мои коллеги, человек. Казалось, что стены набухли под воздействием влажной гнили, стали липкими, а из образовавшихся трещин с неприятным звуком сочится какая-то слизь. Пол и потолок выглядели не лучше. Каждая вещь, каждый предмет в квартире будто бы состарился и находился на пороге смерти. Зеркала помутнели, картины затянула какая-то тусклая пелена. Пейзаж за окнами преобразился неузнаваемо – виной тому были стекла, превратившееся в некое подобие кривых зеркал. Разумеется, обычному взгляду это незаметно, однако, подсознательно, человек, на которого навели порчу, воспринимает именно эту картину – отсюда и состояние острой депрессии, усталости, страха и отчаяния. Ты словно бы попадаешь в картину какого-нибудь сюрреалиста (в лучшем случае). Очистить квартиру, в принципе, несложно – всего-то пара Слов. Что я сразу же и сделала. Поочередно обошла каждую комнату, каждое помещение, раскрыла шкафы и тумбочки – чтобы нигде не осталось заразы. Постепенно квартира приобрела прежний вид – исчезло это ощущение затхлости и гнили, пропало искажение в окнах, предметы будто помолодели, пища на кухне больше не источала приторное зловоние.

- Что ж, - улыбнулась я, - теперь дело за малым... За тем малым, что навел на вас порчу!

Женщина хихикнула каким-то нервным смешком. На ее лице еще кое-где остались слабо заметные следы бывшего кошмара, которые теперь походили на тонких белых червячков, вытянувшихся и замерших, словно в ожидании.

- Ждать тут нечего - подумала я.

- Пожалуйста, проходите.

Она провела меня на кухню, усадила возле окна, вышла и через какое-то время вернулась с пухлым фотоальбомом в руках.

- Пожалуйста...

Она положила томину передо мной, а сама устроилась напротив.

- Может быть, сначала чаю с печеньем? - поинтересовалась она.

- Нет, нет, позже – сейчас нам важно вычислить злоумышленника, - я надеялась, что после того, как я назову ей имя виновного, она позабудет и о чае и – самое главное! – о домашнем печенье.

К счастью долго искать не пришлось. На третьей или четвертой странице мой взгляд словно магнитом притянуло к некоему персонажу крайне неприятной наружности. Это был он. Тот, кто навел порчу. Короткие черные волосы, мясистый нос, синюшные губы и маленькие хитрые глазки. В принципе, даже если бы он не был колдуном, он бы все равно привлекал к себе внимание. Какой типаж!..

- Будьте добры, - я передала фотографию женщине, - не подскажете, кто здесь сфотографирован?

- Конечно, - женщина посмотрела на фотографию. – Это муж моей сестры.

Она помолчала какое-то время, затем добавила:

- Очень...неприятный человек. У нас с ним с самого начала незаладилось. Не хорошо, наверное, так говорить, ведь ничего плохого он мне не сделал, но он всегда вызывал у меня какую-то...неприязнь...

Неожиданно до нее дошло.

- Так это...это...

- Да, это он, - кивнула я. – Навел на вас порчу. И довольно сильную.

Какое-то время женщина молчала, глядя на фотографию ставшими вдруг грустными и усталыми глазами. Затем произнесла:

- А знаете, я совсем не удивлена... Наверное, я бы сама об этом догадалась... Рано или поздно...

Интуиция редко обманывает нас, а первое – ошибочное, как принято считать впечатление – оказывается верным. Как и в этом случае.

- Понимаете, - продолжала объяснять женщина, - дело в том, что у меня есть подозрение, что он женился на моей сестре исключительно из-за выгоды – она очень богатый человек...

- Вы пытались с ней об этом говорить?

- И не раз...

- И что?

- Она и слушать ничего не желает. Просто наваждение какое-то...

В принципе, картина ясна. Скорее всего, об этих разговорах стало известно мужу-колдуну – вот он и повеселился от души. Не люблю таких – мерзкие типы. Все что им нужно – хорошая взбучка. Это не проблема – сейчас устроим.

Из своей сумочки я аккуратно достала один из своих магических трофеев – увесистое хрустальное яйцо с элегантным замочком. Оно досталось мне совершенно случайно, при обстоятельствах, достойных стать частью какого-нибудь авантюрного, а то и фантастического романа. Однажды в Лондоне мне передала его на хранение одна колдунья из России, которая скрывалась там от таинственных преследователей. Вещицу я взять согласилась, но даже и представить себе не могла, что из-за нее я стану объектом самого пристального внимания не только со стороны русских революционеров, которые при помощи данного артефакта хотели уничтожить русскую монархию, но и со стороны

Скотланд-Ярда, после того, как яйцо было взято мной на хранение, подозревавшего во мне агента российских спецслужб, что было просто верхом абсурда. Я будто бы очутилась в одном из романов Честертона, а то и вовсе в каком-то дурном водевиле. Самое забавное в этой истории то, что я так и не узнала, чем она закончилась. Побывав в Скотланд-Ярде, я решила больше не задерживаться в холодном дождливом Лондоне, собрала вещи и села на ближайший пароход до материка. Хрустальное яйцо с сопроводительным письмом я оставила в камере хранения одного из банков, предупредив, что его должна забрать женщина средних лет, которая говорит с сильным русским акцентом. Однако, распаковывая в каюте чемоданы, я вдруг обнаружила то самое яйцо, которое должно было мирно дожидаться своей настоящей хозяйки в одной из камер хранения. Будучи магическим артефактом, хрустальное яйцо само выбрало себе хозяина. С магическими предметами такое часто случается – ни про один из них нельзя сказать, что он принадлежит тебе. Они находятся в вечном поиске своих истинных хозяев.

Я щелкнула замочком, раскрыло яйцо и извлекла оттуда длинную и острую иглу. Женщина смотрела на все эти мои манипуляции с нескрываемым страхом.

- Что это? – спросила она. – Зачем?

- Ох, не бойтесь, - поспешила успокоить ее я. – Это для него.

Я кивнула на фото...

- А зачем... игла?

- Для одной крайне забавной процедуры – смотрите.

Я положила нужную фотографию на столик и, прицелившись, проткнула иглой изображение колдуна. В тот же момент его лицо на снимке съежилось и стало черным, с фотографии на нас смотрело изображение какого-то сморщенного уродливого существа с маленькими блестящими глазками. Лицо его было буквально перекошено от боли. Не даром говорят: как аукнется, так и откликнется. А ведь это лишь крайне несущественная часть той боли, тех мучений, что пришлось вынести женщине.

Увидев зловещую трансформацию, произошедшую с изображением мужа ее сестры, женщина вскрикнула и даже вскочила со стула.

- Не бойтесь, - сказала я, - теперь уже все в порядке. Больше он никогда и никому не причинит зла. У него вообще теперь серьезные проблемы.

Проблемы действительно серьезные. С этой иглой – главное не переборщить. А я боюсь, что переборщила – уж больно мерзкая у него была рожа. Игла обладает способностью лишать человека не только магических способностей, но и рассудка – серьезная вещица... Убить императора с ее помощью – пара пустяков. И никакие бомбы ни в кого метать не надо...

- Я думаю, - сказала я после некоторой паузы, - что вам стоит позвонить вашей сестре и как следует обо всем поговорить. Я думаю, что теперь она, как минимум, прислушается к вашим доводам.

- А что делать с фото? – спросила женщина.

- Что хотите. Но я бы сожгла – уж больно оно неудачное.

Я осторожно убрала иглу обратно в хрустальное яйцо, спрятала яйцо в сумку. Воспользовавшись смятением женщины, я быстро собралась и поспешила уйти – уж больно не хотелось мне пробовать ее домашнее печенье. Кому нужны лишние килограммы?

Глава Четвертая

Моя мать была одной из тех, кто в совершенстве владел Языком. Поскольку Язык, осколки которого теперь разбросаны по всему миру, являлся языком аристократии, то наивысшая степень его использования заключалась не в сотворении магии посредством слов, а, напротив, в подавлении магического эффекта (значения) каждого слова. Не так-то и просто пожаловаться на дурную погоду, когда каждое из произносимых тобой слов обладает силой навсегда погасить солнце. Так вот: моя мать это умела. Она пользовалась Языком свободно, Слова подчинялись ее воле, магия была для нее подобием дрессированного зверька – она никогда не позволяла стать ей чем-то большим. Основное правило мага: ты контролируешь магию, а не магия тебя. Правда, далеко не всем это оказывалось по плечу. К примеру, мой отец, прославившийся на весь Вавилон, как грозный, не знающий пощады маг, освоил Язык только частично. Он мог рассуждать на военные или политические темы, мог спорить о законах природы и премудростях философии, но такие вещи, как любовь, поэзия или смерть были ему недоступны. Точнее, рассуждая о них, отец вынужден был прибегать к наречию простолюдинов – в противном случае он рисковал стать жертвой последствий самых невероятных. Умение матери использовать Язык внушало ему чувства благоговения и страха – он считал ее, как он сам нб раз признавал, воплощением одной из вавилонских богинь и потому никогда и ни в чем ей не перечил. По природе человек властный, любивший отдавать приказы и отстаивать свою точку зрения до последнего, в разговорах с женой он вдруг совершенно менялся. Отец признавал силу моей матери и прекрасно понимал, что он ей не ровня. Правда, стоило матери покинуть на какое-то время наш огромный дом, отец, чтобы хоть частично вернуть себе положение хозяина, начинал гонять всю нашу домашнюю прислугу, отдавая приказы самые нелепые и наслаждаясь этой своей камерной непродолжительной властью. Вряд ли мать одобряла это его поведение, – по натуре она была очень мягкой добросердечной женщиной и со слугами бывала всегда вежлива и приветлива – но я не помню, чтобы она хоть раз сделала ему замечание за эти его в общем-то детские выходки. Хотя и меня она ему не доверяла – наверное, поэтому отец так и не стал мне по-настоящему близким. С самых ранних лет меня воспитывала исключительно мать, отцу лишь изредка позволялось держать меня на руках (впрочем, он не особенно-то и интересовался мною). А в ее отсутствие моим воспитанием занималась Шадлах – любимая и верная служанка моей матери. Не будучи аристократкой по крови, Шадлах тем не менее неплохо владела Языком. Подозреваю, что ее умение в Языке превосходило умение отца – во всяком случае, о любви и смерти она рассуждала свободно, полагая эти два понятия единственно достойными внимания, все остальное для Шадлах было чем-то второстепенным. Благодаря стараниям Шадлах я еще в юном возрасте подробно узнала о том, что такое Эрос и Танатос и какую роль они играют в природе человека. В комнате Шадлах – мать выделила ей просторное и светлое помещение в верхнем этаже – было полно рукописных книг в кожаных переплетах, в основном на древнегреческом и арамейском. Шадлах была ученой и мудрой женщиной – мать очень гордилась своей дружбой с ней и не раз обращалась к ней за советом. Примерно так мы и жили: отец (крайне неубедительно) играл роль главы семейства, мать и Шадлах занимались моим воспитанием, а я просто наслаждалась жизнью. Вавилон в то время был прекрасным огромным городом, в котором находили себе пристанище выходцы из самых разных народов. Прогулка по улицам Вавилона всегда обещала новые яркие впечатления – воспоминания о них до сих пор не забылись и особенно дороги для меня. А потом отцы города возжелали построить Башню. Помню, мы с матерью проходили мимо места строительства. До огромного, пронзающего небо строения, каким изображена Башня в многочисленных легендах, было еще далеко – строители только-только заложили фундамент и обдумывали план дальнейших действий. Они столпились – я как сейчас

помню усталость на их морщинистых смуглых лицах – на краю гигантского котлована, и обреченно смотрели вниз, будто смогли различить на самом дне этой неглубокой бездны свою собственную погибель. Мать некоторое время наблюдала за развернувшейся перед нами картиной, затем обернулась, посмотрела на меня и произнесла на Языке:

- Очень скоро наша беззаботная жизнь закончится. Эти глупцы не понимают истинной природы той силы, против которой хотят восстать.

Но поскольку в те годы я была еще маленькой девочкой и ужасно хотела забраться на самую вершину башни, я, конечно же, не предала словам матери значения. А затем...затем было падение и страшное проклятие, навсегда стершее знание о Языке из памяти людей, а Вавилон – мой прекрасный Вавилон – превратился в город разбитой мечты.

Женщину, которая обратилась ко мне за помощью, я знала – и знала хорошо. Ее узкое, с острым подбородком и косыми скулами, лицо вызвало у меня в памяти целую вереницу образов из прошлого. Из далекого-далекого прошлого времен моего детства. Ее звали Хашад – Хашад-Пришедшая-с-Юга – и слухи о ней ходили задолго до того, как над Вавилоном вознесся массивный силуэт чудовищной Башни. Что это были за слухи? В основном, конечно, нелепые сплетни, которые торговки на базаре передавали из уст в уста, присовокупляя к общей и без того не отличающейся правдоподобностью истории все более фантастические подробности. О ней судачили завсегдатаи кабаков, когда все остальные темы были исчерпаны и когда количество алкоголя в их крови превышало тот самый порог, который отделяет человека от обезьяны. Говорят даже, что некоторые матери пугали своих чад именем Хашад. В общем, слава ее была довольно широкой. Поговаривали, что она оживляла мертвецов, заставляла богов овладевать телами людей, призывала демонов и наделяла птиц, кошек и рыб способностью разговаривать. Мать как-то рассказала мне, что Хашад практикует странную разновидность магии, которую, разумеется с известными оговорками, можно определить, как черную. Хашад не смогла овладеть всеми словами в Языке и потому решила на хитрость – она постигла сложные механизмы Божественной Грамматики и Формирования Слов и сама, в одиночку, создала несколько Слов-Гибридов, представлявших собой довольно сложные и запутанные комбинации Магических Знаков. Дело в том, что новые Слова в Языке появлялись при строгом надзоре Верховного Совета силами нескольких сильнейших магов, каждый из которых отвечал за одну из сторон Процесса, облегчая тем самым работу себе и остальным. Хашад же проделывала все в одиночку, производя на свет целые дюжины «контрабандных Слов», как порой их называли в Совете. Этими словами могла пользоваться только она, что давало ей огромное преимущество и, очевидно, порождало самые нелепые и страшные слухи. Хашад никогда не любила быть на виду, казалось, жизнь вообще не интересует ее; почти все свое время она проводила в своей лачуге где-то на окраине города, занимаясь созданием новых Слов. Мать – возможно, единственный человек, с которым Хашад хоть как-то общалась и к которому проявляла некое подобие уважения – рассказывала, что Хашад делает все это из побуждений, скорее, благих, нежели дурных. Подобно остальным магам Хашад желала изменить этот мир, не следуя при этом существующим правилам, установленным еще с тех времен, когда землю населяли боги. Мать никогда не осуждала Хашад, хотя и испытывала, всякий раз как та появлялась в поле ее зрения, некоторое беспокойство. Хашад была эмоциональной и непредсказуемой – казалось, ей ничего не стоит опробовать одно из своих словечек на каком-нибудь солдате (военных Хашад терпеть не могла) или чиновнике, вызвавших у нее приступ ярости. Но на моей памяти такого не происходило ни разу. Я запомнила Хашад, как молчаливую (даже гнев ее был немногословен), сосредоточенную и вечно погруженную в собственные мысли женщину, обладающую какой-то странной, яростной красотой (огромные черные глаза ее всегда ярко и страстно горели на смуглом изящном,

почти совершенном лице). Я никогда не чувствовала с ее стороны какой-либо угрозы и поэтому позволяла себе с Хашад довольно-таки смелые (учитывая, что при ее появлении даже такой бесстрашный маг, как мой отец спешил уйти в свои покои) вольности. Хашад никак не реагировала на них, какие бы глупости я ей не говорила, кажется, она довольно быстро привыкла ко мне и даже – пару раз – улыбнулась в ответ на мои заносчивые слова – правда, улыбка не шла ее серьезному, словно бы погруженному в раздумье лицу, видно было, что использует она ее нечасто и потому так и не научилась правильно растягивать свои красивые, вишневого цвета губы.

Незадолго до падения Башни с Хашад произошло несчастье – она не сумела правильно произвести расчеты, в результате чего на свет появилось Слово, которое Хашад так и не сумела произнести. Мать рассказывала, что начав произносить Слово, Хашад поняла, что не может остановиться, словно бы Слово стало бесконечным. Из ее рта вместе с хрипом вырывались нечленораздельные звуки – измененные до неузнаваемого состояния Буквы божественного Алфавита. Хашад промучилась несколько дней, пытаясь остановить процесс, пока, наконец, мать, прослышавшая, что с Хашад произошло что-то нехорошее, не решилась ей помочь. Мать лишила Хашад сначала дара голоса, затем – так как Слово все равно циркулировало в голове Хашад – стерла из памяти Хашад все приобретенные за долгие годы знания о Языке. Хашад не показывалась несколько дней – говорят, что все это время она оплакивала потерянный дар. Когда она пришла к нам – словно бы постаревшая с потухшими, безжизненными глазами – мать попросила меня оставить их наедине. Позже она рассказала мне, что Хашад попросила ее – знаками или письменно, уж не знаю – чтобы мать лишила ее памяти, Хашад решила забыть всю свою прошлую жизнь. После того визита я больше не встречала Хашад, хотя и вспоминала о ней время от времени. Поговаривали, что она ушла туда, откуда и пришла – на Юг. Поначалу слухи о ней продолжали ходить по городу, а потом рухнула Башня, и в общем хаосе, который охватил поверженный Вавилон, о черноглазой ведьме, как иногда ее называли, забыли.

И вот теперь Хашад в сопровождении какого-то молодого человека самой приятной наружности стояла в приемной, глядя на меня своими сверкающими черными глазами. Некоторое время я и сама молчала, непонимающе разглядывая странную парочку и соображая, что могло Хашад понадобиться от меня.

Тем не менее, я справилась с собой, усадила их, уселась сама, предложила цветочного чаю. Хашад и ее спутник отказались.

- Чем могу Вам помочь? – Все это время Хашад пристально смотрела на меня. Возможно, моя внешность не совсем стерлось из ее памяти, или, глядя на меня, она вспоминала мою мать?

- Наша история... - мужчина запнулся, посмотрел на Хашад, - наша история, может показаться несколько странной.

- К странностям я привыкла, - улыбнулась я. – Прошу вас, продолжайте.

- Хорошо, - он кивнул, нежно провел своей ладонью по ладони Хашад, улыбнулся ей, улыбнулся мне и продолжил, - так вот, моя жена, похоже, теряет память... Врачи не могут объяснить этого феномена. Простите, что я все рассказываю за нее, но жена...

- Я понимаю...

- Так вот, потеря памяти весьма существенна. И с каждым днем ее положение становится все хуже. Мы перепробовали все возможные способы: курсы терапии, новые методики и практики, экспериментальные препараты... Все, что только можно себе представить – ничего не помогает.

- Она забывает... события? – спросила я.

Хашад мотнула головой. Мужчина посмотрел на нее.

- Не только, - сказал он, - если бы все свелось к простой потере памяти – мы бы, наверное, никогда не пришли к вам. Дело в том, что из ее памяти напрочь исчезают целые спектры знаний, касающиеся разных вещей или явлений. Например, она забыла, что такое

вилка и для чего та употребляется. Она забыла, что такое вода и что такое жажда. Если бы я не обратил внимание на то, что она не пьет – все могло бы закончиться очень печально. Из ее головы постепенно исчезают все базовые знания, необходимые для элементарной жизнедеятельности. В совокупности с ее неспособностью говорить...- мужчина тяжело вздохнул и замолчал.

Я смотрела на них и размышляла – может ли происходящее сейчас с Хашад быть последствием магии моей матери? Скорее всего... И что же тогда мне делать? Несмотря на то, что практикую я уже давно (и успешно), мои способности все равно не идут ни в какое сравнения со способностями моей матери. Если бы я знала, где найти мать... Уж она бы знала, как помочь Хашад...

- Мы, - снова заговорил мужчина, - несколько раз проводили сканирование мозга... Врач сказал, что никогда раньше не видел ничего подобного. Он сказал, что ее мозг как будто живет назад во времени в то время, как весь организм продолжает, как то и предписано законами физики, двигаться во времени вперед. Поэтому, я вас очень прошу, помогите моей жене – в противном случае, я просто не знаю, что мне делать...

Я поспешила успокоить его.

- Я постараюсь помочь всем, чем смогу, - заверила его я.

- Скажите, - спросил он, - это может быть...я не знаю, проклятье?

- Нет, это не проклятье, - сказала я, - если бы это было проклятье я бы почувствовала это, как только вы переступили мой порог. Здесь что-то другое.

- То есть вы не знаете?

- Пока не знаю, но обязательно выясню. – Я посмотрела на Хашад. – Можно мне вашу руку?

Хашад смотрела на меня огромными удивленными глазами – глазами ребенка.

- Она...- мужчина замялся, - пару дней назад она позабыла, что такое...руки... Поэтому и...

- Все в порядке, - я наклонилась вперед, взяла Хашад за руку, посмотрела на ее мужа. – Могу я?..

- Разумеется.

Едва лишь мои пальцы коснулись ее мягкой смуглой кожи, я почувствовала сильнейшую магию из когда-либо виденных мною – магию моей матери. Тело Хашад было буквально переполнено ею – словно бы каким-то могущественным паразитом или болезнью. Я наклонилась к самому уху Хашад и шепотом произнесла одно из когда-то придуманных ею слов. На мгновение – или мне показалось? – глаза Хашад прояснились, словно бы она начала вспоминать. Но этот свет разума быстро потух под влиянием могущественной и древней магии моей матери.

- Что скажете? – спросил меня ее муж.

- Проблема отчасти мне ясна, - ответила я, - но больше пока я ничего Вам сказать не могу. Как только я найду решение – я свяжусь с вами.

- Хорошо, - они поднялись.

- Возможно, мне снова понадобится увидеть Ха...вашу жену, - сказала я.

- Разумеется, - он кивнул.

Когда они ушли, я села в кресло и стала думать. Что может помочь остановить этот процесс? Нужно некое универсальное средство, позволяющее нейтрализовать действие любой, даже самой сильнейшей магии. Возможно, Дориан сможет мне помочь. Или Кара и Мара – эти две особы уж точно знают что-нибудь об этом. Но, скорее всего, просто посмеются надо мной! Впрочем, попытка не пытка. С другой стороны, кто вообще сказал, что магию моей матери нужно останавливать? В конце концов, она использовала ее не для того, чтобы причинить Хашад вред или наказать ее за излишнюю самоуверенность (в каком-то смысле Хашад сама наказала себя), и забвение, поразившее мозг Хашад, вполне может оказаться чем-то благотворным. Конечно, она сама и ее муж (человек, судя по всему, милый и заботливый) испытывают из-за этого только страдания, но кто сказал, что

магию моей матери нужно останавливать? Так что же мне тогда делать? Будь здесь мать – она бы, безусловно, подсказала мне правильный ответ. Но моя мать, скорее всего, странствует сейчас где-то, может быть даже не по этому миру, пытаюсь отыскать наш потерянный навсегда Вавилон.

Я была уверена, что происходящее с Хашад связано с наложенными на нее моей матерью Словами. Другого объяснения просто не было. Все же мне следует посоветоваться с Дорианом, может быть даже попытаться счастья с Карой и Марой (в конце концов, чем черт не шутит). К тому же я просто обязана помочь Хашад – то, что из всех практикующих магов они пришли именно ко мне, конечно, не было простым совпадением или стечением обстоятельств. Еще в детстве Шадлах доходчиво объяснила мне, что совпадений в этом мире не бывает – все события связаны между собою некой невидимой нитью.

Реакция Дориана несколько удивила меня, впрочем, Дориан всегда был со странностями – настроение его, подверженное малейшим колебаниям, менялось в долю секунды, как у капризной девушки. Дориан мог начать говорить об одном, а затем перейти на тему абсолютно противоположную. Казалось, законы логики не затрагивают его вовсе – я не встречала другой такой переменчивой натуры, даже среди женщин. Порой эта его черта забавляла меня, но в больших количествах становилась просто невыносимой. Вот и теперь, Дориан стал расспрашивать меня не о симптомах и особенностях поведения Хашад, а о том, как она выглядит: цвет ее волос, форма глаз и губ, красивый ли у нее голос и тому подобные глупости, не имеющие никакого отношения к делу. Я не выдержала:

- Если так нужно, могу черкнуть ее адрес. Сходи полюбуйся...
- Черкни, - сказал Дориан.
- Знаешь, Дориан, ты умеешь здорово выводить из себя...
- У меня богатая практика, дорогая, - улыбнулся он, - несколько веков практики...
- И я вот подумала: почему бы мне не применить одно из Слов на тебе? Мне всегда было интересно, что из этого получится.

Самодовольная ухмылка в мгновение ока сползла с его хорошенького личика. Еще одна характерная черта Дориана (тоже забавная) – он верит практически всему, что ему говорят. Дориан всегда опасался, что я могу использовать на нем свою магию – секрет эликсира, который он хранил только в своей памяти (и никогда на бумаге), сделал из него настоящего параноика. И эта паранойя, порой, принимала формы самые экстравагантные. Дориан всегда наглухо запирали все окна и двери даже в самую отчаянную жару. Всегда вначале давал свой обед или ужин на пробу специально обученным животным. Всегда ставил напротив входной двери так называемое «зеркало правды», как он его называл, чтобы суметь определить шпиона, которого подослали к нему гипотетические «они». Если начать перечислять вещи, которых боялся Дориан – список получится внушительным. Чего стоит хотя бы его страх перед ежами и дикобразами. Разумеется, все это ни в коем случае не отменяло всех его многочисленных достоинств – в том числе и глубоких познаний в магии: в наложении и снятии заклятий, в чернокнижии и некромантии, в искусстве рун и в алхимии. Я не раз обращалась к Дориану за советом – правда он обычно превращал эту нашу «консультацию» в настоящий балаган, но предложенные им решения всякий раз оказывались верными.

Дориан посмотрел на меня с некоторым испугом.

- Ты ведь не сделаешь этого, правда? – вкрадчиво спросил он.
- Даже не знаю...
- Скажи, что ты шутишь, - взвизгнул он совсем уже по-женски. – Скажи, что это глупая шутка!
- Это глупая шутка, Дориан, доволен? А теперь, будь добр, соберись и помоги мне найти решение проблемы!

- Знаешь, раньше считалось, что если один маг приходит за советом к другому, то тем самым он признает его превосходство...

- Как угодно, - сказала я, - мне нужно что-то, за что я могла бы зацепиться... Ты должен помочь мне.

- Должен, - хмыкнул он, - как это по-женски! Заявиться к кому-то среди ночи, даже не поинтересовавшись, занят он или нет, и объявить, что он, оказывается, тебе должен!

- Так что это может, по-твоему, быть?

- А что это может быть? Твоя мать лишила ее дара голоса и стерла ей память. Странно, что ты приходишь за советом ко мне...

- Моя мать не желала причинять ей вреда. Напротив, она *помогла* ей.

- Ох, разумеется... Кто бы сомневался...- Дориан усмехнулся.

Он расхаживал по созданной им зале с высокими мраморными колоннами широкими важными шагами. Эхо от его мерных, словно бы рассчитанных шагов исчезало под высокими сводами. Правой ладонью он картинно водил по своему гладко выбритому подбородку, левой совершал неопределенные пасы. Заглядение – да и только! За все то время, что мы были знакомы, я так и не выработала какой-то определенной стратегии, которой стоит придерживаться при общении с Дорианом. Потому что знала: такой стратегии просто нет.

- Ну...- протянул он, - какое-то время, я уверен, ее магия действительно *помогала*, - буквально один в один скопировал он мою интонацию. – Но что произошло потом?

- Что?

- Ты мне ответь?

- Прекрати, - сказала я, - не говори загадками. Просто ответь и избавь меня от ненужной потери времени...

- Просто ответить – это же так скучно. К тому же, нам ли с тобой плакать о потерянном времени? У нас впереди целая вечность! – Дориан рассмеялся.

Чертов клоун, подумала я.

- Так что же произошло потом, Дориан? Просвети меня...

- Хм... какая недогадливая девочка! Потом рухнула Башня, глупая!

Вот ведь, с досадой подумала я, - ответ все это время был у меня под носом! Мне стало стыдно, что я сама не поняла, в чем дело, не сумела связать странный недуг Хашад с падением Башни. Шадлах предрекала, что когда Башня рухнет – наступит конец эпохи магии. Она была права лишь отчасти. После того, как Башня, воздвигнутая возгордившимися отцами города, обрушилась на провинившийся Вавилон, магия не умерла (магия, как мне кажется, умереть не может) – она изменилась. Множество магов лишились своих способностей, страшное проклятие просто-таки уничтожило их умение пользоваться Языком и Словами. Мою мать проклятие, однако, не затронуло совсем, но изменения коснулись ее магии. Возможно Слова, наложенные на Хашад матерью, в следствии искажения, вызванного падением башни, каким-то образом изменили свое значение (такое случилось). И все, что требуется – слегка подкорректировать их. Вполне мне по плечу!

- Я ответил на твой вопрос, дорогая?

- Да. Я очень тебе благодарна, - я собралась уходить.

- Так как насчет адреска? Чиркнешь?

Я пропустила его слова мимо ушей. Дориан рассмеялся.

Как только вернулась, я заварила себе цветочного чаю, чтобы сосредоточиться. Нужно было составить план корректировки – процедуры далеко не такой простой. Работа с Языком – одна из вершин магии. В мире осталось не так и много тех, кто еще помнит его и умеет с ним работать. Я провозилось несколько часов, прежде, чем план был готов. Что же, пришло время вернуть Хашад мой долг.

Трубку снял ее муж (его, кстати, звали Александр), кажется, он не узнал меня, голос его звучал подавленным. Вероятно, состояние Хашад хуже некуда, подумала я. Я назвала себя, сказала, что, кажется, знаю, что происходит и у меня есть решение проблемы.

- Она пропала, - сказала Александр. – Я нигде не могу ее найти.

- Когда это случилось? – спросила я.

- Пару часов назад. Как она могла пропасть из запертой квартиры? В конце концов, она же забыла, как пользоваться замком и что такое ключ... Это просто нонсенс...

Александр продолжал говорить, а я судорожно размышляла над тем, что могло случиться с Хашад и куда она могла исчезнуть? Без магии здесь не обошлось. Но кому и с какой целью потребовалось похищать Хашад? Ответ на этот вопрос я вряд ли смогу получить у Дориана. Не стоит даже и пытаться...

Интерлюдия Вторая

Поскольку современный мир далеко не древний Вавилон, где статус мага или колдуна значил очень многое и, как теперь принято говорить, обеспечивал человека до старости, я вынуждена зарабатывать деньги. Мне это не нравится – ну а кому это нравится? Я хотя бы занимаюсь тем, что люблю – магией. Правда на этом, если не жульничать, много не заработаешь, но на жизнь хватает. Во время практики с чем только не столкнешься: проклятие, порча, хроническая неудача и тому подобные, не слишком приятные вещи. Когда в твоей жизни подобных заказов становится слишком много, это значит только одно – время взять небольшую паузу, а то и поменять место. Я переезжала с места на место десятки, сотни раз – это всегда действует освежающе. Перемена обстановки и все такое... Но всякий раз все заканчивается одинаково: крупные, по-настоящему стоящие и интересные дела, которые могут сделать честь даже самому могущественному магу, оказываются похороненными под неподъемной грудой более мелких и незначительных заказов. Но порой и такие дела преподносят свои сюрпризы. Вот, например, один из таких случаев.

Ко мне обращается за помощью некий молодой человек. Одет он безупречно, его манеры, прическа, умение держать себя даже на грани отчаяния, выдают в нем человека неглупого и со вкусом, скорее всего занимающего видное положение в обществе и не имеющего ничего против, чтобы подняться еще на пару-другую ступенек по иерархической лестнице. Совсем забыла, иерархических лестниц ведь тоже больше не существует... по крайней мере на словах... Он выглядит сильно подавленным, но тем не менее старательно подавляет панические нотки в голосе и старается объяснить происходящее с ним, как можно более обстоятельнее и подробнее. Видно, что все в нем сопротивляется этому его визиту ко мне – разумеется, он не завсегдатай подобного рода мест, не верит в магию и колдовство, более того пару дней назад он вряд ли бы поверил, если бы кто-то сказал ему, что он будет сидеть у меня в приемной. Скорее всего, он просто бы рассмеялся. Но жизнь тем и прекрасна: сегодня веришь в силу научного прогресса, завтра вытираешь своим дорогим пальто пол в церкви.

Я сижу напротив него, смотрю в его водянистые голубые глаза, свет разума в которых уже почти потух, уступив места сумеркам суеверия, и пытаюсь придумать причину, чтобы отказать ему. Другого выбора у меня просто нет. Черную магию я не практикую. Молодой человек просит меня приворожить одну девушку, без которой он просто не может жить. Любовный приворот – это насилие и подчинение. Насилие и подчинение – столпы, на которых держится черная магия. Мне приходилось отказывать в подобных просьбах тысячи раз. Но это – первый, когда о любовном привороте меня просит мужчина. Обычно с подобными просьбами ко мне обращаются девушки. Понятно,

кого они хотят приворожить. Это всегда неизменно и всегда глупо. Тем более что приворожить человека навсегда возможно только в том случае, если сделать из него зомби, т.е. просто вскрыть ему черепную коробку, извлечь мозг и набить чем-нибудь наподобие ваты. В противном случае, любовный приворот обернется подобием недолгого наваждения. Даже в сказках, привороты снимались легко и просто – с помощью поцелуя. А реальная жизнь далеко не сказка – достаточно будет звука включенного телевизора или звонка мобильного телефона.

Молодой человек чуть не плача просит меня приворожить некую молодую особу, которая всецело завладела его сердцем, но я тем не менее медлю с ответом. Что-то тут не так. Я всегда это чувствую – какой-нибудь подвох, скрытую причину, что-то, что прячется под поверхностью. Молодой человек говорит:

- Мы были счастливы вместе. Она любит диско. И вкус маракуи. У нее родинка на левой щеке. Когда она говорит, то любит мечтательно растягивать некоторые слова.

- Это очень мило, - говорю я.

- Конечно, - соглашается он, - вот поэтому вы должны помочь мне вернуть ее...

- Вы сказали «вернуть»?

- Да. Мы ведь уже назначили дату...

- Дату?

- Нашей свадьбы.

- Это замечательно.

Пока он тщательно пересказывает мне все их свадебные планы, я размышляю над тем, что он мог такого сделать, чтобы она решила послать его подальше. Слишком часто включал кантри?

- И вдруг однажды, - говорит он, - она просто исчезла... Без объяснений, без прощальных писем, просто исчезла... Я пытался звонить ей, пытался встретиться, пару раз мне это удалось, но она говорила со мной так, будто видит впервые, будто я кто-то... чужой...

А вот это уже интересно. Может быть моим серым однообразным будням с цветочным чаем и телевизором пришел-таки конец?

- Она вас не узнавала?

- Все выглядело именно так.

- Может просто давала вам понять, что все кончено?

- Сначала я тоже так думал, - соглашается он, - а потом стали происходить странные вещи...

- Какого рода?

- Наши фотографии, - говорит он, - ее изображение на них... оно... как бы это сказать... стало исчезать...

- Вот как?

- Да. Сначала я думал, что это какой-то дефект, на который я раньше не обращал внимания... смазанное лицо и т.д., но потом она просто стала исчезать, постепенно... Это какое-то безумие. Вот посмотрите.

Он протягивает мне порядком помятый фотоснимок. Я смотрю на счастливую пару на фоне Эйфелевой башни, от которой остался только улыбающийся молодой человек. Рядом с ним – некий прозрачный силуэт, в очертаниях которого трудно угадать человеческое существо. Определенно, моим убийственно скучным будням пришел конец. Что же, надо помочь человеку. Тем более что без черной магии здесь не обошлось.

- Хорошо, - киваю я, - я посмотрю, что я могу сделать...

- Вы ее приворожите?

- Я этого не говорила.

- Но тогда как же...

- Возможно, приворот и не потребуется...

Он смотрит на меня ошарашено – очевидно последние клочки твердой почвы исчезли из-под его ног. Только что он благополучно похоронил свое рации, на которое опирался столько лет. Добро пожаловать в пещеру ужасов. Здесь другие правила и не так уютно, но зато так много кайфа!

Через пару дней, проделав над оставленной фотографией кое-какие манипуляции, я решаю навестить его у него дома. Живет он в каком-то фешенебельном комплексе со всеми полагающимися удобствами: теннисные корты, паркинг, тренажерный зал, даже зимний сад на крыше под стеклянным куполом. В лучших домах Вавилона просто бы рты разинули от такого. Прогресс, что тут скажешь...

Выглядит парень убитым, похоже, что за все эти дни он поспал всего пару часов, если не меньше.

- Проходите, - говорит он и широко распахивает передо мною дверь. Я с удовольствием переступаю порог – снаружи, в коридоре все буквально пропитано какой-то зловещей атмосферой. Как только я очутилась на территории жилого комплекса по всему моему телу выступили мурашки. Это как счетчик Гейгера, который всегда знает, где радиация и насколько она сильная. Да, без черной магии здесь не обошлось. Притом магии настолько сильной, что мне, возможно, придется хорошенько попотеть.

В его квартире, где все перевернуто вверх дном, это ощущение заметно слабее, но я чувствую, что враждебная атмосфера буквально ломится сюда. Невидимая защита вот-вот рухнет, и мне придется помешать этому. Нужно расставить свечи, произнести несколько Слов и выявить источник.

- Не желаете ли кофе, - вежливо спрашивает он.

- Да, пожалуйста, - лучше будет занять его чем-нибудь, чтобы не мельтешил перед глазами и не мешал своими расспросами.

- Сейчас приготовлю, - он удаляется на кухню и уже оттуда спрашивает: - с молоком или без?

Разумеется, с молоком – дольше готовить...

- С молоком, - отвечаю я, обходя углы и расставляя свечи. Над каждым из углов я произношу Слово Власти. Важно, чтобы обстановка было полностью под моим контролем. Черная магия опутала всю квартиру, весь этот дом, прочной и липкой паутиной, превратила его в кокон, внутри которого извращаются даже законы природы.

Через несколько минут он возвращается с чашкой кофе. Протягивает мне. Ради вежливости я делаю глоток и тут же морщусь – у кофе мерзкий вкус. Если он подавал такое своей подружке, понятно, почему она решила его бросить.

- Что-то не так? – обеспокоено спрашивает он.

- Молоко, - говорю я, - похоже, оно прокисло.

- Не может быть, - удивляется он, - его только утром принесли...

Вот оно!

- Только утром? – переспрашиваю я. – Вы уверены, что не перепутали его с другим пакетом или...

- Абсолютно уверен... В последнее время молоко что-то слишком часто скисает, - бормочет он недовольно.

Но вот и ответ – шерше ля фам, как говорят французы, если под «ля фам» подразумевать ведьму. Если в доме слишком часто киснет молоко, то объяснение здесь может быть только одно – ведьма. Параноики, который пару веков назад самозабвенно вкалывали на Священную Инквизицию, при всех их комплексах и шизофрении, идиотами не были и подмечали все верно. Тяжкое было время, нужно заметить. Европа едва не задохнулась гарью от сжигаемых тел. Ребята поработали на славу, в 60-ые годы двадцатого века, во времена психоделической революции и свободной любви, их бредовые фантазии могли бы иметь огромную популярность. Я всегда считала, что многие инквизиторы – потенциальные рок-артисты. Та же страсть к примитивным ассоциациям и

святая вера во все, что бы они не делали, включая такие глупости, от которых стало бы стыдно даже чертям в Преисподней.

Ну что же, осталось всего лишь найти ведьму и узнать, зачем ей это нужно. Скорее всего, кто-нибудь из соседей. Всего лишь нужно отыскать одну-единственную ниточку паутины и просто двинуться в указанном направлении.

- Почему бы вам не послушать музыку? – говорю я молодому человеку. – Мне нужно нанести один визит. Обещаю, что когда я вернусь, все у вас будет, как раньше.

- Ну тогда я включу джаз, - говорит он.

Определенно, даже, если я придавлю ведьму (а я ее придавлю, уж не сомневайтесь), ему все равно ничего не светит.

Он садится слушать джаз, а я выхожу в коридор. Рев саксофона доносится до меня, и я прикрываю дверь. Поиски приводят меня на чердак. Ну конечно, где же еще быть логову ведьмы, если не на чердаке или в подвале. Чердак – это еще ничего, а вот подвал... Ведьма стоит возле алтаря, на котором лежат какие-то кости. Она одета в дурацкое розовое платье. На ногах – милые туфельки, волосы подвязаны пышными белыми бантами. В руках – шарик. Под детским невинным личиком прячется уродливая гримаса старухи, которая, возможно, присутствовала еще при крещении Руси.

- Здравьете-здравьете, - говорит ведьма.

Я молчу, прикидывая, сколько Слов мне предстоит произнести для того, что бы разобраться с этим бардаком. Судя по всему, не так и много.

- Кажется, - говорит ведьма, - ты решила мне помешать...

- Зачем он тебе нужен? – спрашиваю я.

- Он? – ведьма хихикает. – Он мне совсем не нужен. В этом-то и проблема. Но скоро его не станет. Останется просто слуга. Еще чуть-чуть, и ниточка моей паутины проникнет в его мозг, как и в мозг каждого в этом доме. Он последний – все остальные уже мои...

- Все дело во власти?

- Во власти и в сферах влияния, - говорит ведьма, - сегодня я владею домом, завтра – кварталом, а послезавтра – кто знает, городом! Вот только ты мне мешаешь!

- Придется тебе потесниться, дорогая, - говорю я.

- Ох, я так устала от них, от их счастья, от их ежедневных радостей, от их любви и дружбы... Все эти люди – кто они такие? Могут ли они справиться со мной? Что они сделают, если однажды я войду в их дом и заберу их жену, их сестру, их мужа или отца... Что они сделают? Они будут просто молча наблюдать. Им никогда не одолеть меня. В этом причина моего превосходства!

Ведьма отпускает шарик. Шарик поднимается под потолок и лопается с громким хлопком.

- Проваливай, - говорит она мне, - сегодня я добрая и не буду трогать тебя...

- Благодарю, - отвечаю я, - а вот мне придется как следует проучить тебя...

Прежде, чем ведьма успевает разразиться руганью, я произношу два Слова – Слово Света и Слово Власти. Проклятой девчонке следовало бы делать домашнюю работу, а не просиживать целыми днями на чердаке, перекладывая с место на место высохшие кости, которые она, похоже, просто отыскала в помойке рядом с мясной лавкой.

Мы спускаемся по лестнице, я веду ее за руку. Жуткая старушечья гримаса навсегда исчезла с ее лица, она обо всем забыла, теперь она просто девочка, которой завтра предстоит отправиться в школу, ведь сегодня понедельник и ей наверняка задали так много уроков.

- В какой квартире ты живешь, - спрашиваю я.

- В сорок четвертой, - отвечает она.

Я звоню в сорок четвертую и передаю девочку ее матери, которая, похоже, уже начинала волноваться. Мать благодарит меня и приглашает на чай с тортом. Она слегка не в себе, похоже только отходит от воздействия магии. Я отказываюсь.

Молодой человек больше не слушает джаз. Он взволнован и, встретив меня, крепко обнимает. От него пахнет потом и кислым молоком.

- Она мне позвонила, - радостно объявляет он, - только что!

Ну, конечно, она тебе позвонила, думаю я.

- Рада за вас.

- Сколько я вам должен, - спрашивает он.

Услышав сумму, молодой человек несколько умеряет свой энтузиазм. Но что поделаешь – за любовь тоже нужно платить...

Глава Пятая

Утром я собралась уходить – в полдень у меня была назначена встреча с каким-то молодым то ли художником, то ли дизайнером (из разговора я так толком ничего и не поняла). Судя по всему, случай был серьезный – молодой человек упоминал что-то о картах Таро. А Таро – это всегда серьезно.

Дориан проснулся раньше меня, он вообще мало спал – двух-трех часов в сутки ему хватало. Большую часть свободного времени он старался посвящать работе: поиску вождельной формулы. В этом он мало чем отличался от средневековых алхимиков, которые с головой уходили в работу, жертвуя абсолютно всем – свои здоровьем, отдыхом, личной (и просто) жизнью. Дориан уединялся в одной из своих потайных комнат, заставленных самым фантастическим оборудованием, и просиживал там по несколько часов к ряду, склонившись над какими-нибудь магическими письменами, которые выводил при помощи своего пера, вырванного из крыла какой-то птицы из дальнего-дальнего мира, с величайшей осторожностью, боясь ошибиться хотя бы на миллиметр. В противном случае, формула грозила обернуться серьезной угрозой (Дориан как-то продемонстрировал мне несколько глубоких шрамов, оставленных на его коже одной из таких формул). Никто в целом мире не знал местонахождения потайных комнат Дориана – всякий раз они перемещались в пространстве (а порой и во времени) и могли находиться, где угодно, даже в разрушенном варварами Риме (к которому Дориан, надо сказать, питал известную слабость – в его фургончике разместилось несколько огромных залов, уставленных древнеримскими статуями и колоннами). А могли, например, и в одном из любимых Дорианом миров – в том же пирамидальном городе. Я бывала в этих комнатках всего пару раз, и то, Дориан сделал все возможное, чтобы запутать меня и сбить – если я вдруг вздумаю заглянуть в эти мрачные лаборатории в его отсутствие – со следа.

Я отыскала свою сумочку и достала из нее мобильник, чтобы посмотреть сколько времени. Половина десятого – нужно собираться. Я встала, быстро оделась, умылась в как нельзя кстати появившейся ванной и подошла к зеркалу, чтобы причесаться. В зеркале, рядом с моим растрепанным отражением, появилось опрятное и холеное отражение Дориана.

- Доброго тебе утра, моя Колдунья, - сказала отражение. – Я очень сожалею, что сейчас меня нет рядом с тобою, и я не вижу, как ты царственно потягиваешься или расчесываешь свои непокорные локоны, но у меня, как назло, скопилась масса неотложных дел! Поэтому я решил оставить тебе свое отражение!

Если честно, этот дорианов трюк ужасно меня раздражал. Уж больно напоминал какой-то автоответчик – здравствуйте, в настоящий момент меня нет дома, но я буду рад, бла-бла-бла... Уж лучше бы оставлял записку на ночном столике, как это делали в прошлые, непросвещенные века... У Дориана вообще была целая куча таких вот выводящих из себя недостатков. При общей чувствительности и даже чуткости по отношению ко мне, Дориан страдал от какой-то банальной невнимательности и

бесцеремонности. Качества, которые просто невозможно представить себе объединившимися в одном человеке, в одной натуре, в одном характере. Одно время я самым старательным образом изучала психологию, посчитав, что мне – при поем-то образе жизни – не помешает ознакомиться хотя бы с ее основами. (Шутка ли, но после падения Башни несколько весьма могущественных – куда могущественнее меня – магов, входивших в свое время в магический Совет, сошли с ума, не сумев выдержать бремени своего долголетия – не погибли во время магических изысканий, не стали жертвами иллюминатов, не умерли от чумы, а сошли с ума. А для мага нет ничего страшнее, чем сойти с ума – одним богам ведомо, какие бедствия может причинить одержимый безумием маг.) Возможно, продвинулся я еще немного в своих научных психологических изысканиях, я бы смогла объяснить столь странное и подозрительное поведение Дориана (самое банальное, что приходит на ум – раздвоение личности, доктор Джекил и мистер Хайд), но поскольку курс по психологии – по целому ряду причин – так и остался мною недослушанным, мне не оставалось ничего другого, как теряться в догадках и строить предположения и теории, одна фантастичнее другой.

- Отражение, конечно, бесплотно, - продолжал, между тем, вещать Дориан, комично жестикулируя, чем только мешал мне придать своим волосам более-менее цивилизованную форму, - но даже так ты сможешь почувствовать, как искренни и горячи мои к тебе чувства!

- Шут, - сказала я.

- Должно быть, ты злишься, о величайшая из колдуний, - сказал Дориан, - злишься и обвиняешь меня в дешевом лицедействе, в фиглярстве и в шутковстве! Для тебя – но только для тебя! – я готов быть, кем угодно – даже шутком! Ха-ха!

Разобравшись с волосами (несколько особенно непослушных локонов так и остались стоять торчком, образовав что-то наподобие дьявольских рожек, что в общем-то соответствовало моему настроению), я отошла от зеркала. Изображение Дориана тотчас же исчезло, но появилось вновь – сильно искаженное, как в елочной игрушке – на золоченом замке моей сумочки.

- К сожалению, - запищало оно (замочек-то на сумочке совсем крохотный) – я не смогу проводить тебя обратно...

Можно подумать, промелькнуло у меня в голове, ты провожал меня сюда – прислал ко мне Виктора, как впрочем и всегда...

-...но Виктор будет рад сделать это за меня, - продолжал пищать Дориан, - я проложил более короткий маршрут, исключив из него столь нелюбимые тобой Пирамидальный Город и Мир Несмолкающего Хохота. Так что дорога займет совсем немного времени!

Я бы не удивилась, если бы узнала, что Дориан и вправду считает, что тем самым (сокращением маршрута) он совершил нечто вроде подвига, а то и пожертвовал собственной безопасностью. И все – ради моего комфорта. Я не раз пыталась заговорить с ним на эту тему, – относительно его паранойи – но Дориан не желал ничего слушать. Враги окружали его повсюду. Враги преследуют его вот уже несколько столетий. Враги буквально дышат ему в затылок.

- Ты думаешь – что? – как-то на полном серьезе сказал мне Дориан. – Вот сейчас, в эту самую минуту, когда мы сидим с тобой в этом уютном и безопасном месте, наслаждаясь прелестным французским вином, где-то вынашиваются вполне конкретные планы по моему обнаружению. Я это точно знаю. Поэтому не надо рассказывать мне про манию преследования. Это здесь не при чем. Это вполне реальная угроза. Я – очень важная фигура. И потому должен быть осторожным.

Эти слова – особенно про «важную фигуру» – здорово рассмешили меня тогда. Я буквально прыснула, напрочь позабыв, что у меня в руках бокал какого-то очень дорогого и раритетного французского вина, в котором Дориан знал толк. Я захихикала, и мы с Дорианом едва не поссорились (в который раз?).

- Виктор будет ждать тебя...

Не в силах больше выносить этого писка, я вернулась к зеркалу, чтобы дослушать оставленное для меня сообщение в «нормальном качестве». Отражение Дориана тут же возникло рядом с моим:

- ...у моего фургончика. Я снабдил его компасом и подробными инструкциями. С Виктором ты можешь никого и ничего не бояться. Я бы доверил Виктору все жизни, кроме своей, разумеется! – отражение Дориана рассмеялось. – Шутка. В общем, Виктор будет тебе надежным защитником и проводником. Надеюсь, что в следующий раз я смогу все сделать лично. Ведь что может быть лучше долгой и увлекательной прогулки в компании с прекрасной колдуньей? На этом позволь попрощаться, моя Европа! Пока ты спала я уже оставил свой поцелуй на твоих устах...

Изображение Дориана стало блекнуть, пока не исчезло вовсе.

- Ну...- зачем-то произнесла я вслух, - мне пора...

Я перекинула сумочку через плечо, толкнула покосившуюся деревянную дверцу и вышла на крыльцо.

На улице стояло теплое, солнечное утро. Небо было высоким и чистым. Судя по всему, день обещал быть приятным. На крыльце, несколькими ступенями ниже сидел, ожидая меня, Виктор и внимательно изучал доверенный ему Дорианом компас. Почувствовав мое присутствие, Виктор обернулся.

- Сударыня, - сказал Виктор, поднимаясь и убирая компас в карман, - доброго вам утра!

- Доброго, - сказала я.

- Я провожу вас до дома. Вы готовы?

Я уже хотела кивнуть, как вдруг заметила Кару и Мару. Близнецы стояли в нескольких метрах от фургончика Дориана, опираясь на грубые деревянные палки, при помощи которых они передвигались, и наблюдали за нами с выражением какого-то холодного, бесстрастного любопытства на их узких, не отличимых друг от друга лицах. Кара и Мара были одеты в свои обычные черные балахоны и напоминали двух огромных бабочек-траурниц – черные глаза на бледных лицах полыхали завораживающим леденящим огнем, споря с солнечным светом.

Заметив близнецов, Виктор замолчал и отступил на пару шагов назад. Как и другие обитатели цирка он боялся Кару и Мару пуще адского пламени. К тому же Кара и Мара не жаловали Виктора, открыто издеваясь и насмехаясь над ним.

- Похоже, - сказал Виктор почти шепотом, словно боясь, что его могут услышать, - они хотят поговорить...

В этом он был прав. Кара и Мара не так и часто совершали прогулки по территории цирка, большую часть времени просиживая у себя в фургончике (в котором, между прочим, не был даже Дориан) или на крыльце, глядя на облака и играя с Гретхен. К тому же передвигались они с трудом – Кара и Мара вообще не любили производить какие-либо движения, из-за чего иногда напоминали парочку скульптур какого-нибудь художника-экспрессиониста, одержимого наркотическими кошмарами или приступами сумасшествия. Так что если Кару и Мару видели за пределами их фургончика, значит у близнецов было какое-то волнующее их дело. Как, например, сейчас.

Кара и Мара, не отрываясь, смотрели на меня. Я хотела поприветствовать их, подойти ближе, но неожиданно поняла, что не могу пошевелиться. На узких лицах близнецов расплылась улыбка. Мне показалось, что кончики их тонких, как нить, губ соприкоснулись, слившись в одну, похожую на анатомический разрез, усмешку

- Спешить? – спросила Кара.

- Дела? – спросила Мара.

Чтобы ответить, мне потребовалось совершить невероятное усилие – все равно что разбить прочную, сковывающую меня скорлупу.

- Меня ждет клиент, - сказала я. – Нужно быть вовремя...

- Вовремя, - повторила Кара и захихикала.
- Вовремя, - повторила Мара и захихикала.
- У вас...ко мне дело? – спросила я.
- Дело к тебе? – сказала Кара.
- Ты слишком много о себе воображаешь, девочка, - сказала Мара.
- Тогда, - сказала я, - если я ничем не могу вам...помочь, мы с Виктором, пожалуй,

пойдем...

- С Виктором, - сказала Кара.
- С этим дегенератом, - сказала Мара.
- Девочка думает, что может нам помочь...
- Думает, что она нам интересна...
- Какая самоуверенность...
- Какая глупость...

В такие моменты, когда Кара и Мара увлеклись бессмысленным диалогом друг с другом, награждая своего собеседника (в данном случае – меня) хлесткими характеристиками, мне хотелось лишь одного – послать близнецов куда подальше. Но что-то – возможно благоразумие или чувство самосохранения – удерживало меня от этого опрометчивого шага. Поэтому я просто стояла, терпеливо выслушивая все их оскорбительные комментарии.

- Самоуверенность должна быть вознаграждена, - неожиданно сказала Кара.
- О да, маленький подарок для маленькой глупой птички, - сказала Кара.

Я насторожилась. Кара и Мара редко когда раздавали «маленькие подарки» глупым маленьким птичкам, вроде меня. Точнее, они не делали этого никогда. По крайней мере, на моей памяти. Да и от других я ничего об этом не слышала. Кара и Мара должны были просто издеваться, ненавидеть и пугать всех вокруг или молча сидеть у себя в фургончике. Но уж никак не раздавать призы неразумным особям женского пола.

- Вероятно, - подумала я, - здесь какой-то подвох... Нужно держать ухо востро...
- Расскажи нам о своем клиенте, птишка, - сказала Кара.
- Да, расскажи нам об этом бедном идиоте, - сказала Мара.

Если бы кто другой попросил меня рассказать о клиенте – я бы, разумеется, отказала. Существуют правила, согласно которым разглашение любой информации о клиенте – мягко говоря, поступок нехороший. В конце концов, есть этика и личные принципы, которым я стараюсь ни при каких обстоятельствах не изменять. Но если речь идет о Каре и Маре, то все принципы летят к черту. К тому же я чувствовала, Кара и Мара не просто просят меня рассказать им о чем-то – они приказывают мне рассказать. Что им за дело до моего клиента, что вообще может связывать inferнальных близнецов с преуспевающим столичным дизайнером? Вселенная и правда устроена самым причудливым образом...

- Он не идиот, - сказала я, - он художник...и дизайнер.
- Мы никогда не слышали про дизайнеров, - сказала Кара.
- Мы не знаем, кто они такие, - сказала Мара.
- Нам это не интересно...
- Совершенно бесполезная информация...

Кара и Мара все-таки порядком мне надоели. Я разозлилась на них и нашла в себе смелость сказать:

- Я только не понимаю, как это касается вас?..

Дерзкий вызов в моем голосе вызвал у сестер лишь похожее на поскуливание хихиканье.

- Ох, ну разумеется, ты ничего не понимаешь, - сказала Кара.
- Такая глупая и неосторожная птишка, как ты и не должна ничего понимать, - сказала Мара.
- Знает...- начала было я, но близнецы неожиданно перебили меня.

- Ты играешь с огнем девочка, - сказала Кара.
- Нам будет жаль, если ты обожжешься, - сказала Мара.
- Ты так смешно порхаешь над пламенем...
- Так беззаботно...
- Мы любим за тобой наблюдать...
- Это все равно что хороший спектакль...
- Да, спектакль про дураков и любовников...

- Я очень тронута вашей заботой, - сказала я, не на шутку перепугавшись. Уж если сами Кара и Мара предупреждают меня об опасности, то дело, скорее всего, гораздо серьезнее, чем я могла подумать. Остается только выяснить, что у близнецов за интерес в этом деле. Но время поджимало, – меня ждал еще путь через несколько миров, который вопреки заверениям Дориана, скорее всего, будет довольно-таки утомительным – и я не могла больше задерживаться, пусть и для выяснения всех обстоятельств.

- Пусть бедный идиот умрет, - сказала Кара.
- Да, он сам это заслужил, - сказала Мара.

Я не сразу поняла, что близнецы говорят о художнике. Я подумала, что, возможно, Каре и Маре известно о предстоящей мне работе гораздо больше меня. За время нашего знакомства я успела привыкнуть к раздражающему и выводящему из себя всезнайству близнецов. Казалось, что они извлекали информацию из воздуха, из вакуума, из пустоты – все равно, что кролика из шляпы. Вот и сейчас, взглянув в их бледные тощие лица, на которых горели две пары черных глаз, я поняла, что Кара и Мара каким-то образом обо всем осведомлены.

- Заслужил? – переспросила я. – И чем же?
- Своей глупостью, - сказала Кара.
- Да, своей смердящей человеческой глупостью, - сказала Мара.

Ловко перебирая палками, близнецы приблизились ко мне на несколько шагов. Движения их были плавными и неестественными, будто бы они совершали движения не сами, а их двигала какая-то невидимая сила. Близнецы будто бы скользили по земле – все равно что на коньках. Их пытливые глаза уставились на меня, тонкие губы больше не улыбались, худые сморщенные руки опирались о палки. К самому моему горлу подступил комок, а все тело охватила предательская нервная дрожь.

- Он – мой клиент, - заговорила я, сбрасывая с себя оцепенения (казалось, что Кара и Мара наслаждаются этим моим состоянием, питаются нахлынувшим на меня страхом, дышат охватившим меня смятением). – Я сама разберусь с этим делом, без ваших советов...

- Делай, как знаешь, но помни, что Кара и Мара предупреждали тебя, девочка, - сказала Кара.
- Мы говорили тебе, что не стоит влезать в это дело, - подтвердила Мара.
- Неразумное дитя...
- Глупое человеческое создание...
- Ладно, - я вздохнула, - если это все, то мне пора идти...

Я резко повернулась и направилась к поджидавшему меня Виктору, который наблюдал за разыгравшейся сценой с подозрительным и в то же время испуганным выражением на лице. Неожиданно за моей спиной раздался голос Кары.

- А ты знаешь, что карты Таро появились задолго до первых людей?
- Да, их придумали древние боги, - подтвердила Мара.
- Для своей забавы...
- Вся ваша жизнь – это игра карт Таро...
- Так что не мешай богам разыгрывать очередную партию, девочка...
- Боги могут раздавить тебя, как червяка...

Близнецы разразились скулящим хихиканьем. От их слов меня охватила паника. Мне уже давно не было так жутко, к горлу подкатила тошнота, рука сама потянулась к

сумке, за телефоном. Мне захотелось позвонить художнику, сказать, что наша встреча отменяется, что у меня дела поважнее, что я ничем не могу ему помочь, что он сам виноват в случившемся, что я не обязана расхлебывать за него кашу, что я... Мне казалось, что я очутилась внутри одной из тех гигантских, поросших грубой травой пирамид, и теперь со всех сторон меня обступает глухая, пронизанная шепотом темнота. Противное и скользкое чувство животного страха, отвратительный смех близнецов, осознание собственного бессилия – все это навалилось на меня одновременно, тяжелым неподъемным камнем...

Я произнесла слово Спокойствия. В ту же секунду близнецы прекратили смеяться и посмотрели на меня долгим пристальным взглядом.

- Кара и Мара восхищаются тобой, пташка, - сказала Кара.
- Да, мы даже поставим на тебя пару блестящих монет, - сказала Мара.
- Ты – строптивая лошадка...
- Да, ты наш фаворит...

Ловко перебирая деревянными костылями, близнецы повернулись и заковыляли к скоплению фургончиков. Я заметила, что скопившиеся в той стороне люди тотчас рассеялись, точно бы растворились в воздухе.

Не смотря на то, что обратная дорога заняла от силы полчаса – сорок минут, я все равно сильно устала – все-таки переходы между мирами здорово утомляют. А вот Виктор, похоже, не устал совсем. Он стоял рядом, отчего-то довольный и улыбающийся каким-то своим мыслям. Он проводил меня до подъезда, откуда и забрал почти сутки тому назад.

- Ну вот, сударыня, - произнес он своим зычным голосом, - теперь, когда вы дома, разрешите откланяться!..

- Доброго пути, Виктор!

Я помахала ему вслед, глядя, как его огромный, похожий на великана силуэт, постепенно становится прозрачным.

Что ж, у меня в запасе было еще достаточно времени, чтобы отдохнуть, привести себя в порядок и выпить чашечку цветочного чая. Я вздохнула и зашла в подъезд.

Дома, сидя на кухне, я снова и снова прокручивала в голове сказанное близнецами. Почему вдруг Кара и Мара решили заговорить об этом? Какая им выгода в том, чтобы я не бралась за это дело? Поверить в то, что близнецы по доброте душевной решили помочь мне и предупредить об опасности, я просто не могла. Если Кара и Мара предпринимали какие-либо действия, на то всегда была причина – они бы не стали делать то, в чем не видели бы для себя выгоды. Другое дело, что понятие «выгоды» у близнецов резко отличалось от понятия ее у большинства людей. Кару и Мару не интересовали деньги (они их просто не интересовали, не считая блестящих монеток – Кара и Мара, точно две вороны, вообще питали слабость ко всему, что блестело), их не волновала власть (они и так обладали практически безграничной властью), они не искали бессмертия. Когда Кара и Мара упоминали о выгоде, то они имели в виду вещи, находящиеся за гранью всего того, что способен представить себе обычный среднестатистический человек.

- Так я ничего не выясню, - подумала я. – О чем бы там ни говорили Кара и Мара, мне этого не понять. По крайней мере, пока. Нужно поговорить с художником.

Мысли о Каре и Маре вновь всколыхнули во мне успокоившуюся было тревогу.

- Успокойся, - приказала я себе и допила чай, глядя в окно на резвящихся в чистом утреннем небе птиц.

Художник оказался довольно симпатичным молодым человеком с прямым тонким носом, аккуратным ртом и голубыми, немного водянистыми глазами. Светлые волосы были аккуратно уложены. Вообще он производил впечатление человека, который тщательно ухаживает за собой, даже не смотря на постигшие его беды. Общую картину

портили только мешки под глазами, говорившие о нескольких бессонных ночах, которые он провел, пытаясь выяснить природу своего недуга.

- Перерыл весь интернет, - признался он, - посетил, наверное, миллион сайтов, посвященных оккультизму и тому подобным вещам. Даже в Википедии смотреть пытался – ничего...

Он был очень испуган, говорил тихо, словно опасался, что его рассказ навлечет на него еще большие беды. Присмотревшись, я увидела, что его изящное ухоженное лицо сильно осунулось, разом сведя все его старания по приданию себе прежнего облика на нет.

- Вам нужно успокоиться, - выдала я свою контрольную фразу. – Я приготовлю вам цветочного чая. Он очень вкусный и кроме того полезный.

- Благодарю, - художник кивнул.

Через несколько минут я вернулась в комнату с дымящейся чашкой и салфеткой в руках. Он сидел в прежнем положении, не шевелясь и глядя в одну точку. На долю секунды я даже испугалась, что он умер. Но художник поднял правую руку и медленно провел ею по волосам. Посмотрел на меня. Я поставила перед ним чашку.

- Вот, выпейте.

Он осушил чашку в два глотка – и даже не обратил внимание на то, что чай был горячим. Вряд ли в мире нашелся бы кто-то, кому было бы хуже, чем этому в общем-то симпатичному парню. Сидя напротив него, я чувствовала, что он ввязался во что-то очень серьезное и крайне опасное. В большую игру, как сказал бы Дориан.

- Простите, но не могли бы вы повторить свой рассказ? – сказала я. – По телефону я, признаться, плохо поняла, в чем суть дела. Верно, из-за помех...

- Суть дела, - повторил он тихим и каким-то обиженным голосом.

Он расстегнул и закатал правый рукав, обнажив руку до локтя. Все эти действия он произвел с каким-то брезгливым выражением на лице, ставшим вдруг совсем бледным. По-видимому, это был как раз тот случай, когда мой цветочный рецепт совсем не действовал.

- Что это, по-вашему, такое? – шепотом выкрикнул он, вытянув руку на столик.

Я увидела колонки древних символов, какие-то смутно знакомые мне иероглифы, подобно искусной татуировке, испещрившие его кожу. Я вглядывалась в эти сложные, замысловатые знаки, стараясь разгадать их смысл. Но, разумеется, все было напрасно. Возможно, мама знала ответ, но она продолжала свое странствие, и связаться с ней не было никакой возможности.

- Только на правой руке? – спросила я.

- Что?..

- Эти... колонки знаков выступили только на правой руке?

- Если бы, - художник всхлипнул, - по всему телу...

Он коснулся рукой своего лица, словно бы опасаясь, что символы теперь проступили и на нем.

- Показать? – спросил он и стал расстегивать рубашку.

- Не стоит, - поспешила остановить его я. – Мне пока неизвестно их значение.

- Поначалу я думал, что это какая-то зараза... Знаете, сейчас такое время – всякое случается... Потом на одном сайте прочел, что это...эти символы могут быть связаны с мозгом... Вроде как стигматы, понимаете? Психосоматика и все такое... Думал, что, может быть, я сам себе внушил, что это какой-то психоз... Хотел уже обратиться в клинику, но потом, потом...

- Что потом? – я рассматривала символы, стараясь не прикасаться к ним пальцами.

- Потом они стали...стали светиться...- художник вдруг захихикал. – Как какие-то лампочки или гирлянда...

- Успокойтесь, прошу вас, - я придвинулась ближе к нему и произнесла Слово, которым обычно успокаивала своих клиентов.

Прекратив хихикать, он какое-то время молчал, словно бы впал в протрацию.

- Как-то ночью я проснулся, - сказал он совсем тихо, - а все мое тело источало яркий, красноватый свет. Все равно что жертвенный костер... Всюду на стенах горели символы, прямо как в детстве, когда бабушка водила меня в планетарий...

- Что вы при этом чувствовали? – спросила я.

- Кроме ужаса и ощущения, что я схожу с ума? – спросил он.

- Послушайте, - сказала я, - сейчас крайне важно восстановить всю цепочку событий. Мне важно знать причину, по которой ваше тело превратилось в азбуку.

- Да-да, конечно, - художник кивнул, - я понимаю...

- Так когда это с вами началось, - спросила я. – Я понимаю, что вам трудно говорить, что вам страшно, и вы опасаетесь за свою жизнь, но постарайтесь собраться.

Художник кивнул. Он закрыл глаза и просидел так минут, наверное, пять – молча и тяжело дыша. Наконец он открыл глаза и посмотрел на меня.

- Когда это началось? – спросила я.

- Сразу после того, как мне поступил тот заказ... Насчет карт Таро.

Рассказ художника

Вы будете смеяться, но в школе по рисованию у меня была тройка. Наш учитель, буквально помешанный на точности, не прощал мне нарушения пропорций, которыми грешили мои работы. Ничего удивительного в этом нет – раньше он преподавал черчение, предмет, в котором вообще не существует таких понятий, как «свобода» или «воображение». С другой стороны именно он, пусть я долго и не хотел признавать этого, научил меня искусству строгих форм, простых фигур и прямых линий. После того, как мне пришлось бросить живопись (оказалось, что доходов она не приносит, а мне нужно было на что-то жить) и заняться дизайном, приобретенные на его уроках навыки здорово мне помогли. Дизайн оказался именно тем делом, которое создало мне имя в определенных кругах и принесло некое подобие славы: ко мне вдруг стали обращаться с заказами. Я не брезговал ни чем – дизайн интерьеров, web-дизайн, какие-то сомнительные проекты по созданию новых линий самых разных продуктов. Кажется, за несколько лет я успел поработать во всех возможных областях – не отказывался ни от одного заказа, брался за все. Гонорары мои росли, жизнь становилась все более беспечной и необременительной, похоже, для меня не существовало уже ничего, чтобы я не мог себе позволить. Но всякий успех имеет и обратную сторону – неприглядную изнанку, которую принято скрывать от посторонних взглядов. Чем успешнее и востребованнее я становился, чем больше увеличивался мой счет в банке, тем яснее я осознавал, что больше *не могу* рисовать – кажется, мой талант покинул меня. Признаться, он и раньше был весьма незначительным, в художественном училище со мной не особенно церемонились и держали скорее для проформы – не самый талантливый ученик великодушного мастера, который, тем не менее, позволил ему обучаться в одном из самых известных и престижных вузов страны. Но даже при небольшом таланте, занятие живописью приносило мне то, что так и не смогли принести солидные гонорары – чувство того, что я не зря живу на этой планете, что есть что-то, что я должен делать, чувство внутреннего покоя и какой-то необыкновенной гармонии. Меня мало заботило, что думают окружающие о моих работах – я просто рисовал пейзаж за окном и был доволен собой и тем, что и как я делаю. И вот именно это и ушло из моей жизни – и ушло, казалось, безвозвратно. Я чувствовал себя ничтожеством, продавшим свою душу дьяволу, предавшим то единственное, что придавало моей жизни смысл. Разумеется, это все громкие слова, но с некоторых пор мысли, подобные этой, стали буквально преследовать меня. Я не мог сосредоточиться на работе. Не мог спокойно спать по ночам. Несколько раз у меня даже пропадал аппетит. Я поговорил с некоторыми своими друзьями по училищу, которые, подобно мне, тоже бросили живопись и занялись более прибыльным занятием. Все они грешили на возрастной кризис – мол, рано или поздно человек начинает оценивать, что хорошего он совершил в своей жизни за прожитый отрезок лет... «Ну а

поскольку, как ты понимаешь, ничего хорошего мы не совершили, - сказал мне один из них за чашкой кофе, - поскольку мы не завели семью, не построили дом, не вырастили гребаное дерево с финиками и апельсинами, поскольку мы изменили своему призванию – вот отсюда и эти мысли. Мы все их испытываем рано или поздно – и все по разному. Кто-то не может есть, кто-то нюхает кокаин, у кого-то проблемы с эрекцией – это все побочные эффекты. Мы знаем, что, в сущности, не сделали в жизни ничего хорошего, что в ней нет ничего, кроме дерьма, случайных связей и венерических заболеваний... Но зато есть деньги, и неплохие – на врача, по крайней мере, хватит...». Это было совсем не то, что я ожидал услышать. Из всего сказанного, я уяснил лишь одно: что кому-то в этой жизни еще хреннее, чем мне. Я, по крайней мере, не успел подсесть на иглу или окончательно сойти с ума. Поэтому я продолжал усиленно выводить на листах ватмана те самые простые фигуры, прямые линии и строгие формы и получать за них неплохие деньги.

- В конце концов, деньги тоже могут придать жизни смысл. Дело лишь в их количестве, - как говорил один из моих знакомых.

В общем, примерно так я жил, – бесцельно и наплевав на завтрашний день – занимаясь промышленным супрематизмом по будням и развратом по выходным. И вот тогда мне и предложили нарисовать карты Таро.

Прежде, чем нанести мне визит, незнакомец позвонил мне на мобильный.

- Простите, я не ошибся? Это вы занимаетесь дизайном?

- Да, но откуда у вас мой номер?

Должен заметить, что номер моего мобильного знает всего несколько человек, и я никогда не даю его свои клиентам, не говоря уже о посторонних или незнакомых людях.

- От одного доброго человека, - уклончиво отвечал незнакомец, и я вдруг понял, что его голос откуда-то мне знаком. Это был голос из моего детства, он вызывал в памяти какие-то непередаваемо яркие цвета и краски, целый хоровод давно позабытых образов, некогда согревавших мое сердце.

Я стоял, прислонившись спиной к стене, и слушал его голос – слушал, даже не вдаваясь в смысл произносимых им слов. На меня вдруг накатила волна вдохновения, неожиданно я вспомнил, *как именно* нужно рисовать – множество картин предстало у меня перед глазами, я видел каждую мельчайшую деталь. У меня возникло странное ощущение, что мне ничего не стоит воссоздать их на холсте или бумаге.

- Так...- спросил я, едва ворочая языком, - чем я могу помочь?

- О, у меня к вам небольшое дельце – работа, в сущности, пустяковая. Ничего громоздкого. Нужно нарисовать колоду карт Таро.

- Простите, Таро? – мне пришлось проделать над собой невероятное усилие, чтобы вникнуть в смысл сказанного. Желание повесить трубку и броситься рисовать буквально овладело мной, нереализованные *шедевры* так стояли у меня перед глазами.

- Ну знаете – карты Таро?

- По которым гадают?

- Да-да, именно! – радостно откликнулся незнакомец.

- Простите, я просто... Я просто никогда не держал в руках таких карт. И...

- Ничего, ничего! – перебил он меня. – Это даже к лучшему. Мне бы хотелось, чтобы вы начали все с нуля. Не пытались переосмыслить уже существующие образы, не занимались, так сказать, цитированием, хотя я и осознаю, что совсем избежать его не удастся, а начали бы все с чистого листа. Новый шут, новые любовники, новый дьявол...

- Хорошо, но мне тогда нужно будет узнать о них побольше... Значения и все такое...

- Нет ничего проще, - рассмеялся незнакомец, - могу порекомендовать вам пару весьма обстоятельных сайтов в интернете. Там вы сможете получить исчерпывающую информацию.

- Тогда нам, наверное, лучше увидиться – чтобы поговорить обо всем более подробно.

- Разумеется. Но у меня к вам еще просьба. К уже существующим фигурам и мастям. Вы должны будете придумать несколько новых – при встрече я расскажу, что имею в виду. Это просто, чтобы вы взяли себе на заметку.

- Вы хотите что-то конкретное? – спросил я.

- А вот это, - сказал незнакомец, - я оставляю на волю вашего воображения. Просто ознакомьтесь с тем, какие бывают карты и фигуры и придумайте что-нибудь свое. Я доверяю вашему воображению. Мне посчастливилось видеть несколько ваших работ и...

- Вы имеете в виду дизайн? Не думаю, что здесь уместно говорить о воображении...

- Дизайн? – переспросил незнакомец. – Нет-нет, я не интересуюсь дизайном! Признаться, я с трудом представляю себе, что это вообще такое! Я говорю о ваших картинах – о вашей живописи.

Остаток того дня и всю ночь я провел, лихорадочно покрывая листы бумаги набросками и рисунками. На меня словно бы снизошло озарение – я рисовал и все не мог остановиться. Я словно бы вернулся в годы своей юности, когда вдохновение не оставляло меня ни на секунду. Сна у меня было ни в одном глазу, желудок, в последние годы ставший капризным и нетерпеливым, почему-то не требовал пищи, все мое тело переполняла какая-то нечеловеческая энергия – я чувствовал, что могу рисовать, не прерываясь, хоть несколько дней подряд, хоть неделю, хоть месяц.

Я остановился только около полудня, когда за окном всю светило яркое дневное солнце. Несколько минут я колебался – не перенести ли мне на бумагу и его? Но я сделал уже достаточно набросков – их хватило бы и на сотню полноценных картин. Они лежали в беспорядке на моем рабочем столе – покрытые карандашом и грифелем листы бумаги. Я не стал складывать или сортировать их, как привык делать со своими работами по дизайну. В конце концов, творчеству изначально присущ известный хаос, беспорядок помогает постичь природу творческого акта. Порядок же, необходимый при работе, по существу, вреден для творчества – порядок должен быть только в голове. Да и то – это порядок совершенно иного рода.

Проспал я недолго, пару часов, не больше. До прихода заказчика у меня оставалось еще несколько часов, и я решил потратить их на новые наброски.

Заказчик произвел на меня самое благоприятное впечатление, хотя после его ухода, я, неожиданно для себя, понял, что не могу вспомнить его лицо. Помню одежду (элегантный костюм тройка и темный плащ с длинными лапами), помню его голос (приятный баритон, внушающий доверие и сразу же располагающий к себе), помню манеры (осторожные и немного вкрадчивые, словно бы он боялся совершить лишнее движение и вызвать тем самым мой гнев). Но вот его лицо... Я совершенно не запомнил внешности незнакомца. Всякий раз, как я пытался представить себе его лицо – оно словно бы тонуло в тумане, в какой-то густой, размывающей все дымке. Была и еще одна странность: незнакомец не пожелал мне назвать своего имени. Впрочем тогда, пребывая в сильнейшем возбуждении из-за вернувшегося ко мне вдохновения, я не придал ничему этому значения. Мало ли в Москве людей со странностями? У каждого из двенадцати миллионов живущих здесь можно отыскать по одной, а то и по две. Да я и сам, так сказать, не без греха.

Незнакомец протянул мне руку.

- Очень приятно. Признаться, именно таким я вас себе и представлял.

Он скинул плащ и быстрым, но плавным движением повесил его на вешалку.

- Где нам лучше поговорить? – спросил он.

- Проходите в комнату.

Он уселся на диване, достал из внутреннего кармана пиджака толстую колодку каких-то старинных продолговатых карт и положил ее на стол передо мной.

- Это чтобы вы примерно представляли, что от вас требуется. В конце концов, никакой интернет не заменит настоящих вещей. Хотя со временем... - незнакомец усмехнулся.

- Простите, - сказал я, - но я еще не заглянул на те сайты, о которых вы упоминали...

- Ничего страшного, - он небрежно махнул рукой, - времени еще полно. В сроках я вас не ограничиваю.

- Это радует, - улыбнулся я. – Признаться, я не люблю срочных заказов. Вся эта спешка, она, знаете...как-то негативно сказывается на результате...

- Прекрасно вас понимаю!

Незнакомец постучал указательным пальцем по принесенной им колоде.

- Но только обещайте мне одно, - сказал он.

- Что именно?

- Ни в коем случае не злоупотребляйте вот этими картами – они так для ознакомления. Для общего, так сказать, представления. Я же хочу, чтобы вы целиком и полностью доверились своему воображению. Создали что-нибудь радикально новое. Не бойтесь экспериментировать.

- Это несложно, - сказал я.

- Вот и отлично!

Незнакомец выглядел довольным. Он взял в руки карты и стал раскладывать на столе пасьянс.

- Вы умеете гадать? – спросил я.

- Немного. Хотя, признаться, не особенно и люблю это занятие. В Таро для меня главное – символы, образы, композиция. Чисто эстетический подход.

Он протянул мне – рубашкой вверх – карту.

- Вот, взгляните.

Я взял карту, перевернул ее. Это был восседающий на троне Дьявол.

- Взгляните на рисунок. Видите, какое у Люцифера лицо? Обычно его изображают серьезным, злобным. А здесь – этаким весельчак с рожками. Почти сатир. Это, конечно, не самый удачный пример авторской фантазии, но нестандартный подход налицо. Вот именно этого я и хочу от вас – нестандартного подхода.

Я вернул карту незнакомцу.

- В общем и целом, - сказал я, - требования мне понятны.

- Эти картам около трехсот лет, - произнес он, словно бы не заметив моей предыдущей реплики, - какой-то флорентийский художник... Неизвестный, конечно... Вполне очевидно, что это был быстрый заказ. Если вы приглядитесь внимательнее, то от вашего взгляда, конечно, не укроются многочисленные неточности и недоработки. Но это вполне простительно. Я купил эти карты у одного человека, утверждавшего, что он лично был знаком с мастером, который их нарисовал. Безумец, - незнакомец улыбнулся, - однако, несмотря на безумие, цену он за них заломил приличную...

Он передал колоду мне.

- В общем, вот вам для ознакомления.

- Хорошо, - я кивнул. – Как будут готовы эскизы, я позвоню.

- Я сам позвоню, - сказал незнакомец. – Я, знаете ли, занятой человек. Сегодня здесь, а завтра там. Почти, как Фигаро.

- Как угодно, - я пожал плечами.

- Ну, а теперь, - сказал незнакомец, - перейдем к главному – к оплате...

Я улыбнулся. Незнакомец достал из кармана блокнот и перьевую ручку, что-то быстро чиркнул на верхнем листочке, оторвал его, протянул мне.

- Этого достаточно?

Я посмотрел на сумму – она была не просто солидной, а неприлично большой. Первой моей мыслью было отказаться – все же, я никогда не был хапугой и не брал больше, чем мне причиталось. Незнакомец предугадал мое желание.

- Прошу вас, только не отказывайтесь, - произнес он с какой-то виноватой улыбкой, - мне ли не знать, чего стоят художнику творческие муки? Уверяю вас, я прекрасно знаю, что представляет собой творческий процесс, какая-то нагрузка и какие порой мучения он доставляет. Ни одна сумма не способна компенсировать все это. Так что – просто примите деньги.

Почему-то спорить с ним мне совсем не хотелось, так что я просто молча кивнул. Незнакомец поднялся, и мы пожали друг другу руки.

- Ну, значит, договорились, - сказал он.

Остальное вы и так уже знаете. Через несколько дней после визита незнакомца, все мое тело покрыли неизвестные мне символы. Я почему-то сразу связал это именно с Картами и Таро и таинственным визитером, которого с тех пор я больше не видел. Хотя мне есть о чем с ним поговорить – но он словно сквозь землю провалился. Загнал меня в капкан и теперь выжидает...

Некоторое время после столь долгого монолога художник молчал. Рассказ потребовал от него невероятных, просто нечеловеческих усилий, а ведь на протяжении последних нескольких дней он пребывал на грани нервного истощения. Еще немного – и его нервы сорвутся.

- Я не буду ничего от вас скрывать, - сказала ему я, когда почувствовала, что он вновь способен воспринимать информацию. – Ваше положение крайне плохо – я даже не уверена, что смогу вам помочь. Эти символы на вашем теле – они слишком древние... Возможно, если я смогу разобраться в их значении, тогда...

- Хотя бы попытайтесь, - сказал он. – Выясните, что со мной произошло. Я не хочу умирать от чего-то неизвестного... С детства не терплю неизвестность и неопределенность. У всего этого должна быть причина. Пусть ее не узнаю я – узнайте вы. Кто, зачем, почему... Мне кажется, это очень важно...

- Не стоит вешать нос раньше времени, - попыталась подбодрить его я.

Даже если он разобрал мои слова, он вряд ли обратил на них внимание.

- Это все какое-то безумие... Может быть, я сам во всем виноват, но тем не менее...

- Перестаньте, - резко сказала я, - уж в одном-то вы можете не сомневаться: вашей вины в этом нет! Я не знаю, кто и зачем выбрал вас для... для осуществления своего плана, но тому, что он сделал вряд есть оправдание...

- В этом мире не бывает невиновных, - зачем-то сказал он и замолчал.

Неожиданно я ощутила, что он совершенно расслаблен. Недавнее напряжение, которое чуть было не довело его до паники, улетучилось как-то само собой и сменилось теперь состоянием внутренней пустоты. Я вдруг поняла: он уже почти смирился с тем, что ему, скорее всего, предстоит умереть. Как будто бы он обратился ко мне не за помощью, а только за тем, чтобы я выслушала его недолгий рассказ, своеобразную исповедь, в которой он нуждался едва ли не больше, чем в исцелении.

Какое-то время молчала и я. Я все старалась подобрать слова утешения, пообещать ему, что все будет хорошо, что я обязательно помогу ему, что он еще вернется к своим занятиям живописью, но все это было бы в лучшем случае – пустой болтовней, а в худшем – самой обыкновенной ложью, к которой нередко прибегают разные «потомственные целительницы» и «астральные колдуньи». На этот раз мне попался тот случай, когда мало что зависело от моих усилий. За мою многолетнюю практику я сталкивалась с чем-то подобным всего пару раз, и оба раза чуть сама не стала жертвой обстоятельств. Я вдруг живо, во всех подробностях вспомнила далекий июньский день в Париже. Стояла аномальная жара, на низком, словно бы выжженном безжалостным

солнцем небе не было не единого облачка, земля в садах и парках потрескалась, цветы на аккуратных, ухоженных клумбах поникли. Изнемогая от духоты, обливаясь потом я старалась исправить вырезанные на дощечки руны. Эту дощечку подсунили под матрас моему клиенту, который находился теперь при смерти. Он – всего пару недель назад преуспевающий банкир, женившейся на одной из первых красавиц города – лежал у себя в спальне, плотные шторы в которой были опущены. Дышал он тяжело и сипло. Чудовищные волдыри, покрывшие все его распухшее тело, превратили его в похожее на огромную жабу чудовище. Я знала, что спорить с рунами бесполезно, что он уже лишился всего – благосостояния (его банк развалился), красавицы жены (она ушла, как только увидела во что превратился ее супруг), утонченных черт своего лица. Знала, что мне уже не спасти его, и все равно упрямо продолжала колдовать над рунной дощечкой. Он даже не смотрел на меня, он и сам понимал, что скоро ему предстоит расстаться с еще одной, возможно, самой дорогой вещью – со своей жизнью. Тогда я повредила одну из вырезанных рун, и действие заклинания едва не перекинулось на меня. Я увидела, как темная, напоминающая пучок темных переплетенных вен, сеть поползла вверх по моей руке. На какой-то момент паника охватила меня, но я вовремя взяла себя в руки, подобрала нужные Слова и остановила пагубное воздействие. К тому времени человек на кровати за моей спиной благополучно умер. То, что заклинание переключилось на меня, позволило ему покинуть этот мир тихо, мирно, без лишних мучений. Для меня это стало единственным утешением – всегда горько наблюдать, как умирает хороший человек, не совершивший в своей жизни ничего дурного. За дверью спальни меня ожидал его слуга – единственный человек, который не покинул его, после того, как его настигло несчастье. Взглянув на меня, он сразу же все понял.

- Обещайте мне одно, мадемуазель, - попросил он, - обещайте мне, что вы найдете того, кто сделал такое с моим хозяином.

- Конечно, - кивнула я.

И сейчас я оказалась ровно в той же ситуации. Скорее всего, уже не в моих силах спасти этого бедного художника, не в моих силах избавить его от страшной участи. Все, что мне остается – это облегчить его страдания и отыскать злоумышленника. Утешение не бог весть какое, но выбирать нам приходится редко.

- Если вам интересно, - вдруг сказал он, - я принес с собой эскизы и наброски...

- Эскизы?

- Карт...ну... которые я придумал. Я ведь почти завершил колоду.

- Это интересно.

- Взглянете?

- Да, конечно.

Он полез рукой в карман и извлек оттуда помятые, небрежно перехваченные тугой резинкой эскизы. Стопка была толстой и неровной – видимо, он очень спешил, когда собирал их вместе.

Не желая прикасаться к картам руками, я попросила его разложить их передо мной на столике. Художник удивленно взглянул на меня:

- Все настолько опасно?

- Просто не хочу рисковать, - пояснила я.

- Понятно, - он кивнул, стянул с пачки резинку и принялся раскладывать карты.

Взглянув на первые образцы, я даже улыбнулась. Он и правда сумел найти оригинальный подход к теме Таро – такого я прежде никогда еще не видела. Дама кубков была стилизована под гжель, рыцарь мечей – под хохлому, повешенный – под палеху. При чем стилистически все было выполнено безупречно – карты смотрелись очень органично, даже не смотря на то, что в самом рисунке присутствовала сильная и подчас едкая авторская ирония.

Заметив мою улыбку, он сказала:

- Вполне концептуально, как вы можете видеть. Тем более, что сейчас это модно.

- Мне нравится, - сказала я. – Не отказалась бы от такой колоды. Я, знаете ли, коллекционирую Таро.

- Был бы рад нарисовать их для вас, - сказал он с какой-то грустью и обреченностью в голосе.

Я промолчала. А что я могла ему ответить? Да, будьте добры, нарисуйте? Или все будет хорошо? Уж кто-кто, а я прекрасно знала, что ничего хорошего не будет, что все будет плохо, очень плохо. Быть может, именно сейчас он переживает последние спокойные мгновения в своей жизни.

Художник, между тем, продолжал раскладывать передо мной карты. Стилизованные экземпляры вдруг закончились, и теперь рожденные его фантазией карты не на шутку испугали меня. Это были действительно новые масти, какие-то невиданные арканы, деформированные фигуры и трудно понятные, но вызывающие неприязнь и отвращение сюжеты. Больше всего меня испугала разработанная художником новая символика – какая-то смесь эзотерической каллиграфии и индустриального дизайна. Здесь художник дал волю всем своим потаенным фантазиям: колючая проволока опутывала изуродованные тела, то ли людей, то ли животных, которые переплетались в каком-то буйном совокуплении. Каждый из придуманных им сюжетов непременно содержал элементы порнографии, а извращенный секс всегда соседствовал с не менее извращенным насилием. Другие карты изображали какие-то странные механизмы, в которые были включены целые куски человеческой плоти – оплетенные набухшими венами станки неизвестного предназначения, странные аппараты, усеянные длинными острыми иглами и снабженные грудью и половыми органами.

- Я вижу, вам неприятно, - сказал он.

- Не стану скрывать.

- Мне трудно объяснить, что заставило меня нарисовать новые карты именно такими. Я и сам не знаю – это был словно какой-то порыв.

- Самое интересное, - сказала я, - что эти карты никак не соотносятся с вашими стилизациями. Если тогда это была остроумная и талантливая шутка, то здесь...здесь вы как будто бы говорите всерьез. И вот в этом-то и проблема.

- Вы считаете, нарисуй я новые карты по другому...

- Не знаю, - сказала я. – К тому же, я почти уверена, что это не *вы* нарисовали карты.

- В каком смысле?

- Ну, вы же сами только что сказали, что не можете объяснить, что именно заставило вас нарисовать эти карты так, а не иначе... Очевидно, что кому-то просто был нужен ваш талант, рука художника... Вы уподобились медиуму – стали проводником чужих идей, чужих фантазий...

- Меня...использовали?

- Можно сказать и так.

- Но кто?

- Пока не знаю. И вот это-то и пугает меня. Тот, кто заставил вас нарисовать такое... Все это, - я кивнула на карты, - настолько бесчеловечно... И в тоже время обладает какой-то силой.

- Все настолько серьезно?

- Вы, сами того не подозревая, расширили круг священных символов, - сказала я. – Совершили то, на что никто не решился за целые тысячелетия. При иных обстоятельствах я назвала бы вас безумцем. Но вы всего лишь невинная жертва.

- Жертва? – переспросил он и усмехнулся.

- Это очень древняя магия, - сказала я, - ритуалы, которые достались нам в наследство от темных времен, когда всю землю скрывал первичный мрак. Все это требует жертвоприношения – крови... Те, кто проводят подобные ритуалы – перестают быть людьми.

Художник поморщился.

- Если честно, - призналась я, - мне еще никогда не приходилось сталкиваться с адептами древней магии. В конце концов, это опасно не только для жизни...

- Если все настолько серьезно, - сказал художник, - то с моей стороны будет просто подлостью втягивать вас в это...

Он принялся собирать карты и небрежно распахивать их по карманам.

- Подождите, - я остановила его. – Я не сказала, что вам нельзя помочь. Тем более, я не говорила, что отказываюсь от этого дела. То, что вы обратились именно ко мне – не просто совпадение.

- Знаете, - сказал он, - я уже порядком устал от всего этого. Будь что будет...

- Вы... ваша жизнь в опасности. То, что проявилось на вашем теле – первичные символы. Теперь я абсолютно в этом уверена. Ваша кожа теперь – все равно что золотое руно. За вами начнется охота.

Я не раз слышала, что изначально символы на картах Таро – были иными. Они были изобретены богами и предназначались для богов, ум человека просто не мог вместить их значения. Никто не знает, каким образом Таро попали в руки к человеку и причиной, каких бед и страданий они стали. Со временем человек сумел приспособить карты для собственного пользования, деформировав и упростив Первичные Символы и превратив их в известные всем кубки, мечи, жезлы и т.д. Многие могущественные колдуны и маги лишились рассудка, пытаясь восстановить Первичные Символы, теперь же они испещрили кожу художника, превратив ее в ценный трофей.

- Вы должны спрятаться, - сказала я.

- Спрятаться? С какой стати? Я и так умираю...

- Если вы спрячетесь, это даст нам немного времени и, возможно, я смогу обратить процесс вспять. Правда мне придется для этого проконсультироваться с одним человеком. Вы ведь никому не говорили, что с вами произошло?

- Нет. Только вам.

- Отлично. Поезжайте к друзьям, которым вы доверяете. Или, еще лучше, снимите номер в гостинице. Никто не должен знать, где вы находитесь. Как только на вашем теле проявится все колонки Первичных Символов – вас не пощадят. О том, где вы остановились, буду знать только я.

Художник молча посмотрел на меня и продолжил собирать со стола эскизы.

Сразу после ухода художника в комнате зазвонил телефон. Я посмотрела на экранчик – вместо номера ряды каких-то символов, напоминающих те, которые обычно сопровождают сообщение об ошибке в компьютере. Неужели придется менять мобильный?

Я раскрыла телефон, и мне в ухо ударил оглушающий шквал искаженных звуков, посреди которого вдруг раздался вполне отчетливый голос, будто бы состоящий из какого-то машинного гула. У меня создалось впечатление, что я разговариваю с холодильником или пылесосом.

- Первое и последнее предупреждение: не суйся в это дело, ведьма, - произнес голос, заставляя меня морщиться на каждом слове. Он – уже мой. Ты ничего не можешь с этим поделать.

- Если бы не могла, - сказала я, - то ты вряд ли бы стал названивать мне...

- Это просто предупреждение. Мне не нужны лишние жертвы. Но знай, я раздавлю тебя, если ты встанешь у меня на пути.

- Кто ты такой? – спросила я, стараясь сохранять спокойствие, что в сложившейся ситуации было не так и просто.

- Имя мне - Легион, - прошипел звонивший тысячью мерзких голосков, и из трубки хлынул оглушительный статический треск. Лишь когда в трубке раздалась гудка, я поняла, что это был смех.

Глава Шестая

После нескольких часов тщетных попыток найти решение проблемы и помочь бедному художнику, по неосмотрительности превратившему свое тело в пергамент для священных символов, я – как была – так и осталась ни с чем. Ответа не было, плюс к ощущению собственной беспомощности и – что самое неприятное – бесполезности прибавилось ноющая головная боль.

Что делать, когда не можешь найти ответ? Древняя истина гласит: если ребенок не может решить одну очень сложную задачу, он обращается за помощью к своим родителям. В детстве я тоже всегда так поступала – если не могла добиться чего-то собственными силами, просила помочь маму. (Отца тревожить было бесполезно – в то время он как раз планировал строительство башни, и мои – детские проблемы – казались ему чем-то ничтожным, не стоящим даже одной сотой доли его внимания.) Признаться, я бы и сейчас так поступила, находишь мама рядом. Но в отсутствии мамы, мне, очевидно, придется искать другие источники информации. Я зашла в настоящий тупик – давненько со мной такого не было. А уж если говорить начистоту, то со мной такого не было никогда.

Источник информации здесь мог быть только один: Дориан. Его знания во всем, что касалось магии и оккультизма поистине не имели границ. Даже мне, изучающей магию на протяжении столь длительного времени, было непонятно, как один человек может столько знать. Дориан представлял собой ходячую библиотеку. В его голове самым чудесным образом поместились тысячи и тысячи томов по оккультизму, магические гримуары, труды по истории магии, колдовские книги, справочники по магическим ингредиентам, а также миллионы самых разнообразных магических формул и рецептов. При чем все это пребывало не в хаосе, а было упорядочено, каталогизировано и разложено по полочкам, так, чтобы Дориан мог в любой момент снять нужный том с полки и получить те сведения, которые он искал. Дориан знал и умел много чудес и фокусов, но самым большим чудом был его мозг – если не совершенный, то близкий к совершенству. Казалось, что таким образом он стремится восполнить пробелы в своей биографии и свое не слишком древнее – не слишком «аристократическое», как он порой сам выражался – происхождение, которых очень стыдился. Его фантастические умения и необъятные знания стали его билетом в другой мир – в мир магии и волшебства, в котором Дориан намеревался занять одно из центральных мест.

- Когда-нибудь я стану королем, - любил шутить он, глядя на меня своими загадочными глазами, в озорном блеске которых пряталось нечто гораздо большее, чем обычная шутка.

Да я никогда и не сомневалась, что однажды Дориан громко заявит о себе. Даже если он не сумеет стать королем, то статус всеобщего авторитета и глубокого знатока магии и оккультизма был ему обеспечен.

Стоит ли говорить, что Дориан не раз выручал меня, когда мне требовалась помощь. Обычно его консультации проводились каким-то карикатурно высокомерным тоном. Он закладывал руки за спину, смотрел на меня, как учитель на не выучившую урока ученицу и принимался расхаживать по комнате.

- Так значит, - начинал он свой высокопарный монолог, исполненный чувства собственного значения, в данном случае, правда, совершенно справедливое, - прекрасная Европа никак не может подобрать к двери правильный ключ? А, между тем, барышня, все ключи в ваших изящных и нежных руках! Порой, можно располагать всеми частями головоломки, но, при этом, не сумеешь сложить их в единую картину. Вот поэтому особенно важно уметь взглянуть на проблему под необычным углом, умение этот угол отыскать и использовать для решения задачи!

Я не сомневалась, что и на это раз Дориан устроит для меня целое представление, наденет на лицо эту свою маску всезнающего учителя, заложит руки за спину и прочтет

длинную вступительную речь, полную издевательств и его фирменного странноватого юмора, который подчас бывал непонятным для всех, кроме самого Дориана. Придется его огорчить – сегодня мне было совсем не до шуток. Случай тяжелый, плюс эти звонки по телефону с угрозами в мой адрес. О, да, есть из-за чего беспокоиться...

Оставалось только связаться с Дорианом. Виделись мы всего сутки назад, и, скорее всего, он будет сильно удивлен моему известию. Ну что поделать, клиентов не выбирают...

Я вызвала Дориана, как и обычно, через зеркало – он специально оставил мне этот старинный предмет, чтобы, в случае чего, мы могли связаться. Я взяла зеркало за резную, украшенную драгоценными камнями ручку и слегка провела пальцем по амальгаме. По зеркалу, точно по поверхности миниатюрного озера, стали разбегаться круги. С каждым разом они становились все шире, в глубине зеркала показалась какая-то неразборчивая рябь, которая начала приобретать все более отчетливые человеческие очертания. Через пару минут из зеркала на меня смотрело лицо Дориана.

- Европа? – как я и ожидала, выглядел Дориан немного удивленным и, казалось, был слегка раздражен чем-то – словно бы я отвлекла его от какого-то важного занятия. Да, скорее всего, именно так все и было.

- Дориан, привет, - сказала я.

- Что-то случилось?

- Мне нужна твоя помощь.

- Ох, - сказал он, улыбаясь своей обычной, слегка ленивой, слегка издевательской улыбкой, - но ты же уже такая взрослая девочка. Неужели ты не можешь решить загадку сама?

- Мне не до шуток, Дориан, - сказала я, - дело серьезное...

- Да, но мы-то с тобой знаем, что по-настоящему серьезных дел не бывает. Их придумали банкиры и правительственные чиновники, чтобы заставить людей работать. Серьезные дела – это рабство...

Обычное для Дориана начало. Прежде, чем получить от Дориана всю нужную информацию, его еще нужно уговорить. А чем больше его уговариваешь и просишь, тем сильнее и невыносимее он кривляется. Сегодня он еще был не в духе (очевидно сказалось то обстоятельство, что я помешала его работе, которая конечно была единственным серьезным делом на свете), обычно Дориан не ограничивался просто словами и принимался гримасничать, подделывать акценты и интонации. В общем – продолжал свою цирковую деятельность.

- Поэтому, вот мой совет: брось это все. Откупори шампанского бутылку иль перечти «Женитьбу Фигаро»...

- Сегодня мне угрожали по телефону, - сказала я. – Мне не до шампанского...

- Кто? – спросил Дориан.

Голос его буквально за одну секунду переменялся, стали серьезным, даже каким-то строгим, в нем не осталось и намек на недавнюю клоунаду – я словно бы говорила с абсолютно другим человеком.

- В том-то и дело, что я не знаю.

- По-твоему, это серьезно?

- Серьезнее не бывает.

- Ты думаешь, угрозы не пустые?

- Вполне возможно. Одно могу сказать точно: тот, кто мне звонил – не шутил.

- С чем это связано, знаешь?

- Вероятно с делом, над которым я сейчас работаю.

- Что за дело?

- Нужно помочь одному парню. Похоже, он здорово влип.

- Знаешь, твоя практика всегда казалась мне чем-то в высшей степени безрассудным, - сказала Дориан. – Но ведь бесполезно пытаться отговорить тебя?

- У тебя просто нет шансов, - сказала я.
- Ну разумеется, - вздохнул он. – В конце концов, это так по-женски...
- Не отвлекайся, - сказала я. – Не забыл – мне нужна твоя помощь?
- Помню, помню...
- Хорошо. А то я уже сомневалась.
- Для начала, ты должна ввести меня в курс дела. Что за парень, чем занимается, в чем, собственно, состоит проблема.
- Наверное, тебе лучше послать за мной кого-то. Разговор будет долгим.
- Хорошо, хорошо, - Дориан нахмурился.
- В чем дело? – спросила я.
- Иногда ты заставляешь здорово поволноваться, - сказал он.
- Что это значит?
- Ничего. Я пришлю за тобой Виктора. Жди.

Пока я ожидала Виктора, меряя шагами квартиру и – чашка за чашкой – поглощая цветочный чай, позвонил художник.

- У меня все хорошо, - сказал он.
- Где вы остановились? – спросила я.
- Гостиница «Жасмин», - он продиктовал точный адрес и номер комнаты.
- Это на самой окраине, - сказала я.
- Да, я решил, что так будет лучше.
- У вас там спокойно.
- Все в порядке. Гостиница – настоящая дыра. Здесь вообще ничего не происходит.
- Очень хорошо. Оставайтесь в гостинице. Отключите сотовый и никуда не выходите. У вас есть, чем питаться?
- Все в порядке, не беспокойтесь.
- Отлично. Ждите. Очень скоро я вас навещу.
- Надеюсь, с хорошими вестями.
- Я тоже надеюсь, - сказала я и повесила трубку.

Виктор не заставил себя долго ждать. Он явился так быстро, как только мог. Видимо Дориан проложил на этот раз настолько короткий маршрут, что Виктору не пришлось даже использовать пространственный компас. Что же, в конце концов, речь шла о моей безопасности – хотя бы здесь Дориан проявил себя, как истинный джентльмен.

- Снова здравствуйте, сударыня, - сказал Виктор. – Печально встретиться с вами при столь грустных обстоятельствах.

- Что за ерунда, Виктор, - сказала я. – Какие еще грустные обстоятельства? Просто дело оказалось немного более сложным, чем я ожидала. Вот и все.

- В любом случае, сударыня, - сказал Виктор. – Со мной вы можете чувствовать себя в полной безопасности.

- Спасибо, Виктор. Я и не сомневалась.

Дориан встретил меня, как и обычно – с кривляньями и дурацкими шутками. Кажется, он уже напрочь позабыл о теме нашего недавнего разговора и о том, что мне, возможно, грозит серьезная опасность. Впрочем, по словам самого Дориана, серьезная опасность грозила и ему – ну да, конечно, ведь его постоянно преследовали какие-то люди...

- И вот, ты снова здесь – в моей блаженной обители, - крикнул мне Дориан с порога своего фургончика. – Признаться, я не ждал! Ужели ты не вынесла разлуки? Она была совсем недолгой, но даже краткий миг способен обернуться вечностью...

- Я не вынесла угроз по телефону, - сказала я, подойдя ближе.

Путь от моего дома до цирка и правда не занял много времени – минут двадцать – двадцать пять. Виктор провел меня по каким-то совершенно незнакомым мирам, один из которых я запомнила очень хорошо. В этом странном, полном самых ярких, фантастических цветов и красок мире, напрочь отсутствовали звуки – будто бы твои уши залепили ватой. Вокруг нас во всем своем сказочном великолепии протекала таинственная беззвучная жизнь: огромные, похожие на доисторические лиственные деревья степенно покачивались на ветру, налетевшем со стороны безбрежного моря; в небе, среди перистых облаков парили чудесные птицы с длинными узкими клювами и огромными черными глазами; по узким тропинкам, проложенным среди широких древесных стволов не спеша бродили местные обитатели, неумолимо похожие на людей, но все же сильно отличающиеся от нас более высокими лбами и синеватым оттенком кожи. Они вяло жестикулировали, открывали рты, но из них не вырывалось ни единого звука – весь этот огромный фантастический мир окутала полнейшая тишина. Точно бы чьи-то невидимые руки накинули на него огромное покрывало. Уже очутившись на территории цирка и неожиданно вздрогнув от нахлынувших на меня безжалостным каскадом звуков, я долго не могла избавиться от ощущения того, что мои уши заложены – прямо как после душа, когда вода попадает в ухо и долго не хочет вытекать обратно.

- Но я подумал, - продолжал Дориан, - что это лишь предлог. Простая хитрость, до которых ты, моя колдунья, большая мастерица... И...

- Заткнись, - грубо сказала я. – Мне сейчас не до твоего балагана. Мне нужна помощь.

- Возможно, нам всем нужна помощь, дорогуша, - сказал Дориан.

Впрочем, тон его уже был совершенно другим. Всякая шутливость, игривый тон исчезли – теперь Дориан просто старался быть вежливым.

- Проходи, - он распахнул дверцу фургончика, пропуская меня вперед.

Я поднялась по скрипучим деревянным ступеням крылечка и шмыгнула внутрь. Дориан зашел следом, прочно запер дверь, затем на мгновение прильнул к ней, внимательно всматриваясь в глазок.

- Осторожность никогда не помешает, - сообщил мне он, закрывая дверь еще и на какой-то магический засов, который мог взломать разве что взрыв атомной бомбы. – За тобой могли следить. Менее всего мне хочется, чтобы цирк обнаружили посторонние люди.

- У меня кое-что поважнее твоего драгоценного цирка, - сказала я.

- Интересно будет послушать.

Мы прошли в какую-то неизвестную мне комнату (которых вообще-то в дориановом фургончике бесчисленное множество) и уселись на мягкий кожаный диван.

- Чай будешь? – спросил Дориан.

- Чай? Нет, спасибо...

- Может, кофе?

- Я вообще не хочу пить.

- Что ж, тогда давай сразу к делу...

Я старалась рассказывать обо всем по порядку – даже упомянула Дориану о своем крайне странном разговоре с Карой и Марой, об их предупреждении и непонятной заинтересованности в этом деле.

- Близнецы всегда чувствуют, когда что-то неладно, - пробормотал Дориан с плохо скрываемой раздражительностью. – Возможно, тебе следовало послушать их совета. Они никогда не ошибаются. Я вот только не понимаю, зачем им это нужно? Какой у них интерес?

- Возможно, просто развлекаются. Ты же их знаешь... - предположила я.

- Уж кто-кто, а я их знаю очень хорошо, - хмыкнул Дориан. – Потому-то и удивляюсь. Эта парочка за все время нашего знакомства проявляла интерес исключительно к склокам, ссорам, мелким скандалчикам и к другим тому подобным

вещам. Что-то серьезное, глобальное их совсем не интересовало – исключительно человеческая мерзость и подлость. Целыми днями они только и делают, что сидят на крыльце своего убого фургона или шатаются по цирку, пытаясь поссорить друг с другом артистов или разжечь какую-нибудь склоку. И вдруг...

Я вдруг подумала, что пристальный нездоровый интерес близнецов к каким-то мелким человеческим грешкам, ко всему этому грязному нижнему белью был как раз тем, что и пугало меня в Каре и Маре больше всего. Казалась, что эта парочка, как никто другой в этом мире, знает об истинной сущности человеческой природы. Они смотрели на людей вокруг себя и видели одну только грязь.

- Ну, - предложила я неуверенно, - мы можем попробовать узнать все у них. В любом случае, это не так бессмысленно, чем сидеть здесь и строить догадки, что все это значит...

Дориан грустно рассмеялся.

- Узнать у них? – переспросил он. – Да это еще более бессмысленно. Близнецы просто посмеются над нами. Им доставляет удовольствие унижать людей.

- Но вполне очевидно, что у близнецов в этом деле какая-то выгода, - сказала я. – Так что, вполне возможно, что на этот раз Кара и Мара будут более сговорчивыми...

- Я знаю их дольше, чем ты, - сказал Дориан, - и за все время нашего...сотрудничества, близнецы и рта не раскрыли, когда от них требовалась какая-то помощь. Ничто не развлекает их больше, чем мучения окружающих. Быть может, они и живут только ради этого – чтобы наблюдать за всем этим...шоу...

- И все равно, - настаивала я, - мы не должны списывать их со счетов...

- Ты не должна, колдунья, - мягко поправил меня Дориан, - я в этом деле лишь помощник...

- Ну хорошо, я не должна...

- И все же, я бы порекомендовал тебе повременить с расспросом. По крайней мере, до тех пор, пока у тебя на руках не будет чего-то определенного, конкретного, чего-то, что, возможно, сможет вызвать их интерес. Быть может, тогда они будут более сговорчивы.

Скорее всего, Дориан был прав – в таких вопросах он редко ошибался. Признаться, меня и саму не очень-то и привлекала возможность разговора с близнецами. Мы виделись совсем недавно, а слишком много «Кары и Мары» попросту вредно для здоровья – ночные кошмары и все такое.

- Ладно, насчет близнецов согласна, - сказала я. – Как насчет остального?

- С остальным все еще сложнее, - сказал Дориан. – Я, как ты понимаешь, должен увидеть этого твоего...художника собственными глазами. Простым описанием здесь не обойдешься, сама понимаешь. Где, ты говоришь, он остановился?

- По-моему, в гостинице «Жасмин», это где-то на окраине города... У меня записан точный адрес...

- Это хорошо, - Дориан улыбнулся. – В таком случае тебе с Виктором придется снова побродить по мирам и привести парня сюда. Здесь он, кстати, будет в полной безопасности – не то что в какой-то дыре на окраине Москвы. К тому же его присутствие, скорее всего, заинтересует Кару и Мару, и у нас на руках окажется лишний козырь. Так что, принцесса, отправляйся в путь – а я тут пока все подготавливаю.

- Виктор, мы должны торопиться, - сказала я. – На этот раз, нам дорога каждая секунда.

- Понимаю, - Виктор кивнул. – Но маршрут – совсем короткий. Хозяин произвел расчеты, чтобы мы оказались прямо перед номером вашего художника.

- А если будут свидетели? – спросила я. – По-моему, это не лучшая мысль появляться в помещении, где нас могут увидеть. Все-таки последствия...

Последствия и правда могли быть. Увидеть сверхъестественное явление собственными глазами – разговор особый. Обычно, описывая сверхъестественное,

рассказывают о непередаваемых ощущениях, о каких-то возвышенных чувствах и чуть ли не о «музыке небесных сфер», торжественным гимном звучащей в ушах. На самом же деле – это реальный, нешуточный шок, который приводит к длительному стрессу. Не каждый может позволить себе наблюдать злостное нарушение законов физики, на которых, в основном, базируется мировоззрение большинства населения планеты и сохранить при этом ясный рассудок. Чувство страха и смятения – далеко не самое худшее, что может приключиться с человеком, которому довелось стать свидетелем какого-нибудь «чуда». Шок и стресс, в свою очередь, неминуемо приводят к помешательству, а то и вовсе к безумию. Мне всегда было интересно, сколько именно из тех, кто содержится в клиниках с безжалостным диагнозом шизофрения, были свидетелями сверхъестественных происшествий? Процент двадцать точно, а то и больше... На каждом, кто практикует реальную магию, лежит большая ответственность: не стать причиной чьих-то бед и душевных терзаний. Одно дело проводить перед клиентом какой-нибудь ритуал с применением обычных предметов, другое – показывать ему древнюю магию и наносить таким образом непоправимый вред его рассудку. Разумеется, мне не хотелось стать причиной чьего-либо сумасшествия.

- Хозяин это предусмотрел, - сказал Виктор. – Если кто-нибудь будет поблизости, проход попросту не откроется. Так что мы ничем не рискуем.

- Хорошо, если так, - сказала я.

- Вы готовы?

- Да, отправляемся.

Виктор достал из кармана компас, к которому, должно быть, успел уже привыкнуть – за последние несколько дней ему приходилось пользоваться им чаще обычного. Проход появился прямо перед нами, и мы шагнули внутрь – сначала Виктор, затем и я.

Мы очутились в каком-то темном месте – со всех сторон нас окружали силуэты то ли деревьев, то ли скал, дороги было не разобрать.

- Виктор, - позвала я, не на шутку испугавшись. Я несколько раз осмотрелась по сторонам и к своему ужасу не обнаружила его массивной фигуры.

- Я здесь, - отозвался он, и я наконец рассмотрела его.

Он стоял не так далеко от меня, склонившись и крутя в руке компас. С того места, где стояла я, он казался куском камня или скалы.

- Что-то не так?

- Не могу понять, - сказал он.

- Что именно.

- Где мы...

- В смысле, «где мы»?

- Проход должен был вести совсем в другое место – не в это...

- Может, ты что-то путаешь?

- Нет, я уверен. Это какой-то сбой. Координаты изменились, как только мы вступили в проход. Такого раньше ни разу не было.

- А где мы вообще?

- Не имею ни малейшего представления. Компас словно бы сошел с ума. Стрелка вертится не переставая – точно мы находимся во всех мирах сразу.

Мои глаза стали привыкать к окружающей темноте, и я подошла к Виктору. Он показал мне компас. Прибор вел себя действительно необычно – было похоже, что он надолго вышел из строя и требует серьезной настройки. А настройку мог произвести только Дориан.

- Все это очень странно, - сказала я, понимая, что говорю какую-то глупость.

- Как будто нарочно подстроено...

- Что ты сказал? – переспросила я, хотя услышала фразу и в первый раз.

- Я сказал, как будто нарочно подстроено...

Я почувствовала, как у меня по спине пробежал холодок. Неприятное ощущение, не сулящее ничего хорошего. Я с детства не любила его – не любила потому, что знала, что, как правило, это предчувствие чего-то нехорошего редко оказывается ложным. Но могло ли...

- Ты можешь открыть проход назад? – спросила я Виктора.

- В данный момент я совершенно бессилён, - сказал он. – Компас не слушает команд...

Он помолчал несколько секунд, а затем добавил:

- Похоже, мы здесь застряли...

Могло ли быть такое, продолжила я свои тревожные размышления, что некто оказался сильнее меня, сильнее Дориана? Сильнее или хитрее... У него хватило возможностей проследить за мной, подслушать наш разговор, затем испортить пространственный компас и загнать нас в ловушку? Я знала, что мысли, подобные этим, только разожгут проснувшуюся во мне паранойю, распалят ее до масштабов какого-нибудь глобального заговора, как это часто происходит с Дорианом. Поэтому я буквально заставила себя подумать о чем-то другом.

- Мы должны попробовать настроить компас, - сказала я.

- Бесполезно. Это довольно сложный и длительный процесс – хозяин тратит на него несколько часов. Компас – прибор хрупкий, требующий особого и деликатного подхода и наличия определенных знаний.

- Ерунда, Виктор, - сказала я. – Ты же знаешь Дориана. Для него сделать бутерброд – процесс хрупкий и требующий наличия определенных знаний.

Виктор посмотрел на меня, как мне показалось, с недоверием.

- К тому же, - продолжила я, - другой альтернативы я не вижу. Мы застряли здесь, застряли надолго, а если ничего не предпринять, то, может статься, мы застрянем здесь навсегда. Как ты думаешь, какова вероятность, что Дориан сможет отыскать нас? Миров миллионы – не существует даже какой-то более-менее надежной карты или путеводителя по ним. Мы должны что-то сделать. Так что, дай мне этот чертов компас!

- Вы правы, сударыня, - Виктор передал мне прибор.

Что мне делать с компасом, я не представляла, но какое-то время с видом заправского знатока вертела его в руках, крутила настроечные колесики, деловито щелкала пальцем по стеклу. Все эти действия, разумеется, ни к чему не привели. Стрелка под стеклом продолжала вертеться, как сумасшедшая.

- Вероятно, следует его открыть, сударыня, - предложил Виктор.

- Открыть?

- Совершенно верно, сударыня. Если вы перевернете компас, то увидите, что его можно открыть.

Я перевернула компас.

- Видите крепления? – Виктор деликатно указал на них пальцем.

- Да, - сказала я, - думаю открыть компас – это правильная идея.

Открыть, а что потом? Какое-то время я размышляла, затем махнула рукой и с силой надавила на крепления. Они тихо щелкнули, и дно прибора осталось у меня в руках. В глаза мне и Виктору ударило зеленоватое свечение, которым были окутаны внутренности прибора – ряды золотых и серебряных шестеренок, каждая из которых была самым тесным образом связана с остальными.

- Хм, - сказал Виктор.

- Все несколько сложнее, чем я думала, - сказала я.

- Одна из шестеренок не вращается, - Виктор показал, какая именно.

Действительно, одна из шестеренок – совсем маленькая, но очевидно крайне важная деталь – застыла, мешая движению остальных и нарушая ход всего механизма.

- Ты думаешь, проблема в этом?

- Вполне возможно, - кивнул Виктор. – Вы позволите, сударыня?

Он осторожно взял у меня компас и пристально взгляделся в механизм.

- Я могу ошибаться, сударыня, - сказал он, - но по-моему на нее нужно всего лишь надавить, протолкнуть чуть внутрь, на ее законное место.

- Давай попробуем, - сказала я, - терять-то нам все равно нечего...

Кроме компаса, подумала я, но вслух ничего не сказала.

Виктор коснулся неисправной детали кончиком указательного пальца, раздался тихий механический щелчок, и шестеренка на удивление легко встала на место. В ту же секунду весь механизм пришел в движение. Виктор аккуратно закрыл компас, проверил все крепления, затем перевернул его и посмотрел на стрелку.

- Ну что там? – нетерпеливо спросила я.

- Стрелка остановилась, - сообщил он. – Давайте попробуем открыть проход...

Проход открылся, и мы снова очутились на территории цирка. Судя по всему, прошло несколько часов – небо стремительно темнело, солнце скрылось за суровыми серыми облаками, стоял прохладный вечер.

- Похоже, - сказал Виктор, - время здесь и в том мире, где мы побывали, течет по-разному...

- Я уже заметила...

Меня вдруг охватило чувство злости и жестокой досады – на саму себя, на Виктора, на Дориана, на Кару и Мару с их вечными шуточками и недоговорками, на художника из-за того, что он обратился именно ко мне (хотя обратиться он к кому другому, он, вероятно, уже давно бы простился со своей жизнью), на того, кто подстроил эту ловушку (если это действительно была ловушка, в чем я все-таки сомневалась), на целый мир, равнодушный и не замечающий всех этих маленьких трагедий, которые происходят каждый день.

- Сударыня...

- Что, Виктор?

- Я думаю, нам лучше поторопиться...

- Верное замечание.

- Теперь должно быть легче, - успокоил меня он и открыл очередной проход.

Пройдя сквозь него, мы очутились в пустом, полутемном коридоре с целым рядом однообразных дверей. На полу был постелен потертый красный палас с безобразным узором, в дальнем конце светилось тусклым светом маленькое окно, под потолком мигала лампа. Гостиница «Жасмин» - другого я и не ожидала.

Виктор огляделся по сторонам.

- Тихо здесь, - сказал он.

Действительно, на этаже стояла полнейшая тишина, которую нарушали только наши с Виктором голоса. Ни звука не доносилось из-за прикрытых дверей или с лестницы, даже за мутным треснутым окном, выходящим на грязный внутренний двор, весь уставленный переполненными мусорными контейнерами, было как-то очень тихо – казалось, что все вокруг замерло в каком-то гнетущем напряжении или ожидании.

- Думаю, нам лучше поторопиться, - сказала я, стараясь не обращать внимания на охватившее меня дурное предчувствие.

Мы медленно, словно бы опасаясь чего-то, двинулись по коридору к номеру, в котором поселился художник. Она оказалась самой последней. Мы остановились, и я постучала. Никто не отвечал. Я постучала снова, более настойчиво. Тишина. Я заколотила в дверь, уже не сдерживая себя, давая всей тревоги выйти наружу. За дверью по-прежнему стояла все та же мертвая тишина. Я подергала ручку, толкнула дверь. Разумеется, она была открыта. Затертый штамп – как в каком-нибудь не очень изобретательном детективе. Дурное предчувствие лишь усилилось. Я хотела распахнуть дверь, но Виктор остановил меня.

- Не так быстро, сударыня, - сказал он почти шепотом. – Думаю, будет лучше, если я пойду первым. На всякий случай.

Я молча кивнула. Виктор осторожно приоткрыл дверь. Раздался тихий скрип. Виктор распахнул дверь пошире.

- Пойдите пока здесь, сударыня, - сказал Виктор.

- Вот еще, не собираюсь, - яростно зашептала я.

- Тогда держитесь за моей спиной – это может быть опасным...

Мы прошли в комнату, в которой царил беспорядок. Мне сразу бросился разбитый вдребезги телевизор. Кровать была перевернута, лампа на тумбочке – опрокинута. Широкое окно кто-то оставил открытым, и теперь влетающий в него ветер шевелил тяжелые занавески, так что казалось, что за ними кто-то притаился.

- Похоже, здесь никого нет, - сказал Виктор.

- Это все очень плохо, - сказала я. – Здесь повсюду следы борьбы.

- Не обязательно борьбы, - попытался успокоить меня Виктор. – Иногда некоторые постояльцы проделывают с номерами и более худшие вещи. Вы же не можете сказать наверняка, что хорошо знаете этого художника. Быть может, он был сильно расстроен, выпил лишнего, ну и... дал волю своим чувствам...

Мне ужасно хотелось верить в предложенную Виктором версию, но что-то внутри меня говорило мне о том, что на самом деле все обстоит гораздо хуже, что все мои самые мрачные опасения на сей раз сбылись.

Перед уходом я решила заглянуть в ванную комнату. Наверное, лучше бы мне было этого не делать. В ванной тоже царил полнейший беспорядок – зеркало разбито, занавеска на ванне содрана. Вот только повсюду – на кафельном полу, стенах, на клеенчатой занавеске влажно блестели темно-алые пятна.

- Это кровь, - сказала я вслух.

- Необязательно, сударыня, - сказал Виктор. – Это может быть, что угодно. А даже, если это и кровь, то сей факт вовсе не означает, что здесь было совершенно нечто ужасное. Он мог просто порезаться о зеркало...

Я оглядела ванную еще раз, мне показалось, что в каждом углу это тесного и душного помещения, в каждой трещине на кафельном полу или в стене затаился какой-то глубокий, почти животный ужас – словно бы чудовищное эхо того, что произошло здесь несколько часов назад.

- Вы неважно выглядите, - сказал Виктор. – Пожалуй, нам лучше уйти. В конце концов, находясь здесь, мы нарушаем закон. Я открою проход.

На сей раз Виктор был прав. Находиться здесь, в этом номере, я больше не могла – меня и саму охватил какой-то липкий и тошнотворный страх.

Виктор достал компас и открыл проход.

- Не отчаивайтесь сударыня, - сказал он. – Быть может, все не так и плохо.

- Нет, Виктор, - я помотала головой, - все очень и очень плохо. Хуже просто быть не может.

Виктор вздохнул и, отступив в сторону, пропустил меня вперед, в сверкающую воронку прохода.

Интерлюдия Третья

- Зайдите к Виктору Андреевичу – он хочет с вами пообщаться...

Я оторвалась от экселевского документа – непростое это все-таки дело, заполнять таблицу какими-то числами, значение которых не разгадать даже опытному нумерологу.

Секретарша – приятная, немолодая женщина, строго одетая, с аккуратно уложенными волосами и с тонкой папкой в правой руке – остановилась рядом с моим столом, стараясь не загораживать от меня окно. В каждом ее движении, безупречном и тщательно выверенном, чувствовалась деловая почтительность. Настоящий профессионал, ничего не скажешь.

- Вы не беспокойтесь, - сказала она (я так и не смогла запомнить ее имени отчества), - у Виктора Андреевича так принято – всегда лично говорить с новым человеком в офисе.

- Хорошо, - я кликнула мышкой и свернула документ.

- Я вас провожу, а то тут можно и заблудиться, - она одарила меня сдержанной, «рабочей» улыбкой.

Мы вышли из отдела статистики, куда я устроилась на должность младшего статиста, и двинулись по длинному коридору с рядами распахнутых дверей. За каждой из них находились бесконечные отделы – отдел рекламы, отдел логистики, отдел публикаций, отдел маркетинга, отдел международных связей и так далее, и тому подобное. Большой современный офис, от которого начинает тошнить в первый же рабочий день.

- Вас все устраивает? – спросила меня секретарша, когда мы поднимались по обитой паласом лестнице на второй этаж.

- Все хорошо, спасибо.

- Если есть какие-то проблемы с программным обеспечением – обращайтесь к системному администратору. Ну или ко мне, - и снова эта ее фирменная улыбка, точно такая же часть этого проклятого офиса, как бесконечные грамоты и дипломы в аккуратных рамочках на аккуратных стенах. Она была здесь кем-то вроде проводника – таким посредником между недостижимым начальством, которое лишь изредка снисходило до привилегии личного общения, и простыми работниками офиса, плебсом, как выразились бы в старые времена. Нельзя было не заметить, с какой гордостью и чувством собственного достоинства она исполняет эти свои обязанности. Классический немецкий подход – любая работа важна и достойна уважения. В конце концов, сходить наполнить для начальства чайник позволено не каждому. Тем более не каждому доверяют проводить работника на вершину офисного Олимпа – для сакраментальной аудиенции.

- Как вам офис? Привыкли? – у меня едва не закрипели зубы. Тем более, что мы оба понимали, что эти вопросы носят чисто формальный, необязательный характер. Просто по роду ее должности ей положено быть вежливой и приветливой, положено заботиться о нерадивых и вновь прибывших работниках, положено задавать все эти заранее заготовленные, ни к чему не обязывающие вопросы.

- Все хорошо, спасибо. Вроде, меня все устраивает...

Она едва заметно подняла правую бровь.

- Вроде?..

Я мысленно усмехнулась. Надо же внести в нашу официальную беседу хоть какое-то разнообразие – в конце концов, впереди целый рабочий день, не предвещающий ничего экстраординарного. Скука, тоска – да еще и в сон клонит.

- Ну, я же здесь не так и давно – требуется...адаптироваться.

- О, да, - она аж просияла, - на это нужно время. В любом случае вы всегда можете обратиться ко мне – всегда рада помочь. По любому вопросу. Могу даже порекомендовать пару мест, где можно вкусно и недорого пообедать.

Вкусно и недорого. Меня едва не перевернуло от этих слов. Не знаю, что в них было такого неприятного – но они принадлежали к тому разряду фраз и словечек, которые

характеризовали само это понятие – «офис». Я очень быстро уяснила это для себя, научилась сразу распознавать такие фразы. Гораздо быстрее, чем разобралась с экселевской программой.

Мы, наконец, закончили восхождение и остановились возле опрятного черного стола, аккуратно убранного и начищенного до блеска – ее рабочего места.

- Секунду, - сказала секретарша, устраиваясь за столом, - я должна записать время и вашу фамилию. Здесь так принято.

Она посмотрела на меня и, должно быть, подумала, что я удивлена (хотя на самом деле я была чертовски сильно утомлена).

- Знаю, - поспешила объяснить меня, - это кажется устаревшим, тем более, что сейчас все пользуются электронными карточками, но знаете в этой старомодной традиции есть что-то приятное, - она задумалась на секунду и добавила, - незыблемое.

Она раскрыла толстый, исписанный журнал, что-то чиркнула в нем, затем развернула и пододвинула его ко мне. Протянула ручку.

- Распишитесь, - она ткнула в журнал указательным пальцем с безупречно ухоженным ногтем, - вот здесь, где я поставила галочку.

Я расписалась. Пару секунд она смотрела на роспись, потом закрыла журнал, улыбнулась мне и встала.

- Я провожу вас до дверей...

Секретарша нажала на какую-то кнопку на столе, и прозрачная дверь, отделявшая нас от просторной приемной с огромным плазменным телевизором и жуткими карликовыми пальмами в кадках, щелкнула и открылась.

- Прошу вас, проходите, - она распахнула дверь, пропуская меня вперед.

Мы бесшумно пересекли комнату – палас, покрывавший пол, был настолько толстым и мягким, что звук шагов просто тонул в его густом, точно трава, ворсе. Секретарша постучала в белую пластиковую дверь с табличкой «Титов В. А., генеральный директор», и густой мужской голос ответил:

- Да-да?

Секретарша приоткрыла дверь.

- Виктор Андреевич, можно? Вы не заняты? К вам посетитель.

Посетитель – видимо, я. Ну просто с ума сойти! За пару дней работы в этом гудящем, разрывающемся от телефонных звонков, напичканном вечно работающими компьютерами, принтерами и факсами офисе, я получила впечатлений больше, чем, наверное, лет за десять своей жизни. Это было настоящее заколдованное место, другое измерение, в котором действовали свои законы, существовала своя этика и – что самое ужасное – своя логика. Постигание этой логики – дело непростое, некоторым для этого требуется несколько лет. Все зависит от того, насколько сильно ты хочешь стать частью коллектива. Едва оказавшись в офисе, я с ужасом поняла, что для некоторых людей – это вполне естественное желание. Быть частью коллектива. Корпоративная культура, которая при определенных обстоятельствах могла бы свободно конкурировать с безумными планами иллюминатов, для многих была вполне себе естественной средой обитания.

- Не беспокойтесь, очень скоро вы будете чувствовать себя, как рыба в воде, - сказала мне секретарша в первый день работы.

Теперь же я стояла перед распахнутой дверью и с досадой думала о том, что иллюминаты были обречены. В конце концов, они были лишь сборищем мечтателей и безумцев, не умеющих отличать собственные грезы от реальности. А вот корпоративная культура рано или поздно завоюет весь мир. Вполне возможно, что очень скоро все будет, как в, скажем, Японии. Одна из моих подруг, прожившая в Японии несколько лет, как-то рассказывала мне, что японская корпоративная система – это лишь слегка осовремененная и подретушированная версия старой японской культуры со всякими сегунами, гипертрофированным чувством долга и преданности и самураями. Например, между людьми, работающими на разные – конкурирующие – корпорации не может быть никаких

отношений. Несчастливая любовь и все такое. Неслучайно в Японии такие богатые и древние традиции самоубийства. Они и сейчас планку держат. Впрочем, я отвлеклась...

- Да-да, пусть проходит, - произнес пока невидимый для меня Виктор Андреевич.

- Прошу вас, - секретарша улыбнулась мне, по счастью в последний раз, пропустила внутрь и аккуратно, без единого звука, прикрыла за мной дверь.

- Проходите, садитесь, - Виктор Андреевич, улыбаясь, показал мне на обитое кожей кресло с высокой спинкой, - как вам ваш первый рабочий день?

Он говорил громким зычным голосом – вероятно, для того, чтобы его могла слышать секретарша.

- Вообще-то второй, - сказала я.

- Ну да, конечно... - некоторое время он молчал, видимо ожидая, когда секретарша окажется на своем рабочем месте и не сможет его слышать. – Конечно, второй...

Как только он решил, что можно говорить открыто, он буквально изменился в лице – приветливая улыбка исчезла, лицо стало тревожным.

- Надеюсь, вас не очень удручает ваше новое...хмммм...положение?

- Пару недель выдержу, - сказала я, - как и обещала...

Не факт, что выдержу. Вставать пять дней в неделю в семь утра – на такое способен не каждый бог, не то, что человек. Я работала в офисе всего два дня, а чувствовала себя так, словно у меня многолетний стаж по перетаскиванию тяжелых грузов. Когда я возвращалась с работы – у меня просто не было сил для более-менее полного анализа собранной информации. Приходилось использовать Слово Бодрости – я уж и не помнила, когда пользовалась им в последний раз.

- Мне ужасно неудобно, что пришлось определить вас в раздел статистики, - сказал Виктор Андреевич, - но если бы я просто пригласил вас, как финансового эксперта или независимого специалиста – это могло бы вызвать подозрения...

- Я все понимаю, - сказала я, - в конце концов, я же сама предложила вам этот вариант...

Вот именно, сама – никто меня за язык не тянул. Знай я заранее, что придется мириться с новым распорядком, общаться с учтивой и вежливой секретаршей и подыскивать себе место, где можно было бы пообедать «вкусно и недорого» - не факт бы, что я вообще согласилась взяться за эту работу.

Но мне просто нужно было что-нибудь, чтобы отвлечься.

Уйти в работу с головой.

Чтобы забыть о своем провале.

Кара и Мара, должно быть, в полном восторге. Они же меня предупреждали...

Вообще говоря, во всем виноват Дориан. Это он меня надумил. Впрочем, как и всегда. После моего полного провала в деле с несчастным художником, у меня не то, чтобы началась сильная депрессия, но время от времени меня стали посещать приступы паранойи и вины.

Художник... Это было настоящее фиаско. Я ни только не смогла помочь человеку, я даже толком не разобралась, в чем, собственно, было дело. То есть разобралась, но не до конца. Что стало с художником – я не знала (хотя и догадывалась). Кто мне звонил с угрозами – я не знала (и не догадывалась). Что имели в виду Кара и Мара – я не знала. Как злоумышленник сумел все это проделать – я не знала. Я не знала слишком много. В этом было все дело. В жизни каждого, кто практикует магию, случаются такие вот «несчастные случаи» - своего рода расплата за собственную самоуверенность. Никогда не думала, что это случится со мной.

Какое-то время я и слышать ничего не хотела о магии. Просто сидела дома, никуда не выходя и не отвечая на телефонные звонки. За дверью меня поджидал враждебный мир, в котором умирали невинные люди. Примерно так я думала – довольно наивные мысли, не находите? Слова Кары и Мары вертелись у меня в голове. Мне очень хотелось

заявиться к Дориану и силой выбить из мерзких близнецов ответы. Но тут я была беспомощна – и сам Дьявол не смог бы ничего выпытать у близнецов. Однако, я была уверена, что они почему-то знают разгадку. Разгадку всегда кто-то знает. А если ты знаешь о том, кто знает разгадку, то ты на шаг ближе к истине. Верно? Как бы не так! Близнецы вели какую-то свою, недоступную моему пониманию игру – я даже не знала, чего они на самом деле хотят...

Дориан тоже не объявлялся. Он в который раз увлекся своим экспериментами – казалось, что он-таки сумел отыскать ключ к бессмертию. Правда, время от времени он подавал голос. Пытался меня утешать.

Однажды утром он появился в моем зеркале – веселый и бодрый (чего нельзя было сказать обо мне).

- Послушай, принцесса, - сказал он, - так не пойдет. Ты должна взять себя в руки.

- Ты что-то слишком расслабился, Дори, - пробормотала я, - не забывай, что тебе в спину дышат враги.

- Это больше несущественно. Никогда еще я не чувствовал себя таким защищенным.

- Рада за тебя...

- А я за тебя – нет...

- И поэтому ты влез в мое зеркало?

- Нет, правда, я за тебя беспокоюсь.

- Проваливай и дай мне причесаться. А то я похожа на чучело...

- В этом что-то есть...

Я отвернулась и зашагала к зеркалу в ванной. Дориан, конечно же, уже ждал меня там.

- Пойми, я проявляю заботу.

- Должно быть, очень сложно, правда?

Дориан не обратил внимания на мои слова.

- У меня есть одно разумное предложение.

- Ты хочешь сказать – «безумное»?

- Тебе нужно отвлечься – хотя бы на время.

- Ага – например, отправиться в пирамидальный город...

- Я имел в виду работу.

- Работу?

- Ну да. Возьмись за какое-нибудь дело.

- Дело?

- Я что говорю на арамейском?

- Нет, я знаю арамейский.

- Все, что я хочу сказать, принцесса – так это то, что тебе неплохо было бы немного поработать. Это всегда помогает. Поначалу бывает сложно, но потом втягиваешься с головой. Увлекаешься, так сказать...

- Не знаю, - сказала я.

- Для тебя это будет полезно. Выбери какой-нибудь случай. Желательно, где в деле не замешана магия. Что-нибудь попроще.

- Снятие алкогольной зависимости?

- Знаешь, иногда мне кажется, что мы с тобой могли сколотить неплохой дуэт – мадам и мсье Баттерфляй.

- И не мечтай.

- В общем, подумай над моим предложением.

- Насчет дуэта?

- Насчет работы. Только запомни: никакой магии. Что-нибудь ближе к обычной жизни.

Дориан послал мне воздушной поцелуй и медленно растаял – последней исчезла, конечно же, его улыбка.

Собственно, если отбросить в сторону сарказм, предложение Дориана действительно было разумным и стоящим. Поэтому нет ничего удивительного в том, что я ухватилась за него, как за спасительную соломинку. Однако я и не подозревала, что это в итоге приведет меня в рядовой современной офис. Но обо всем по порядку.

Как я уже писала выше, смерть художника застала меня врасплох. С самого начала, это дело не нравилось мне и вызывало опасения, но я даже представить не могла, что все закончится именно таким образом. Мне часто приходилось сталкиваться с опасностью, но летальных исходов всегда удавалось избежать. Я-то, глупая, всегда считала, что родилась под счастливой звездой – и что удача, которая сопутствовала мне на протяжении всей моей жизни, никогда не оставит меня. Поэтому, когда жестокая реальность со всего размаху обрушила на мою голову факт моего ничтожества, я почувствовала себя немножко «не в своей тарелке».

От депрессии, которая захлестнула меня с головой, нужно было избавляться – причем избавляться немедленно. И Дориан, конечно, предложил самый разумный выход, по части разумных решений ему вообще не было равных. Хотя, например, Гейл в этом вопросе решительно бы со мной не согласилась – уж она-то наверняка посоветовала мне какую-нибудь медитацию, ароматические свечи и шум прибоя, записанный на компакт-диск. Все это, конечно, прекрасно, но вряд ли звуки океана смогли бы мне помочь. Поэтому, самым грубым образом избавившись от Дориана, я, конечно же, решила воспользоваться его советом.

Как и всегда.

Проклятый Дориан.

Иногда мне казалось, что он знает меня, как облупленную.

Лучше меня самой.

Из всех имевшихся у меня вариантов, я выбрала самый обыденный и скучный – дело о промышленном шпионаже. Вообще говоря, это работа для людей, зарабатывающих на жизнь частным сыском и раскрытием корпоративных преступлений. Бизнес вообще – штука жесткая. Люди в деловых костюмах воруют, лгут, подставляют и клеветают друг на друга чаще, чем кто бы то ни было. При чем делают это с таким мастерством, что им позавидовали бы самые отъявленные негодяи этого мира. Да что там, лгут и воруют – они в любую секунду готовы перегрызть друг другу глотки ради контрольного пакета акции, ради лишних полутора процентов прибыли и тому подобных вещей. При чем вся эта возня происходит, как правило, в скучной и унылой обстановке современного офиса. Порой трудно представить, какие страсти происходят под шум принтеров и вечно звонящих телефонов. Софокл или Шекспир, живи они в наше время, обязательно сделали бы местом действия своих трагедий современный офис – своего рода миниатюрную копию нашего мира. Впрочем, я отвлеклась.

Итак, я выбрала дело о промышленном шпионаже. У некоей преуспевающей фирмы вдруг сильно ухудшились дела. Первое время президент компании грешил на разразившийся финансовый кризис, пока наконец не понял, что дело здесь вовсе не в том, что несколько крупных международных банков оказались на грани разорения. Кто-то очень успешно воровал информацию и передавал ее компании-конкуренту (дела у которой, конечно же, резко пошли в гору). Внутреннее расследование ничего не дало. Несколько частных агентств пытались выявить «крота», но потерпели неудачу. Тот, кто занимался кражей ценных сведений, делал это профессионально – куда как профессиональнее, чем целая армия детективов выполняла свою работу. В общем, президент решил прибегнуть к нестандартному решению этой проблемы – обратился ко мне.

По его лицу, круглому и гладковыбритому, похожему на спутниковую тарелку, было видно, что он впервые прибегает к услугам подобного рода. Чувствовал он себя в моей гостиной крайне неловко.

- Моя компания, которую я создавал почти двадцать лет, на грани разорения, - сказал он, глядя куда-то мимо меня. Может в окно, может просто в стену.

- Нам всем сейчас непросто, - сказала я.

- Дело не в кризисе, - заметил он.

- А кто здесь говорит о кризисе?

Впервые за нашу недолгую беседу он пристально посмотрел на меня. Его водянисто-голубые глаза слегка косили. Правая бровь нервно дергалась.

- Могу предложить вам чашку цветочного чая, - сказала я.

Он выглядел сильно раздраженным. Я подумала, что еще немного, и я выставлю его за дверь. Никогда не любила снобов и скептиков.

- Да, с удовольствием, - кивнул он.

- Минуту, - я вышла на кухню и на скорую руку заварила цветочную смесь.

Все это время Виктор Андреевич (именно так он и представился по телефону, а фамилию сообщил только при личной встрече – настоящий конспиратор) сидел, уставившись в одну точку. Видимо, дела у его компании обстояли не лучшим образом – раз уж он решил прибегнуть к моей помощи и даже не стал отказываться от цветочного чая, хотя, судя по всему, был заядлым кофеманом.

Я вернулась из кухни, поставила чашку перед ним и села напротив.

- Помешайте заварку минуту – потом можно пить, - сказала я.

- Хорошо, - он стал помешивать смесь ложечкой.

- Так что вас ко мне привело? – спросила я. – Общая ситуация мне понятна, но хотелось бы узнать детали...

- Деталей великое множество, - сказал он, поднося чашку ко рту и вдыхая сладкий чайный аромат, - правда все они ничего не проясняют, а только все запутывают... Все это дело – какой-то проклятый лабиринт...

- В сердце которого притаился минотавр, - улыбнулась я.

- И хорошо притаился, - он грустно рассмеялся, - лучшие сыщики не смогли его отыскать...

- Вы ведь не верите, что я смогу вам помочь? – прямо спросила я.

- Честно? Нет, не верю, - прямо ответил он.

- Хотите я докажу вам, что кое-что умею?

- Вы заставите столик левитировать?

- Не совсем, - хотя я, конечно, могла проделать со столиком и не такие вещи, но к чему пугать клиента, тем более что он мог помочь мне избавиться от собственных призраков, куда как более пугающих и опасных.

- Вы о чем? – спросил он.

- О деталях.

- О деталях?

- Ну да, о том самом лабиринте, - сказала я.

- Звучит интригующе.

- Предлагаю немножко отвлечься и поговорить о вас, - сказала я, - в конце концов, ваша жизнь – точно такой же лабиринт.

- И что же вы собираетесь сделать?

- Закинуть клубок Ариадны, как можно дальше. Я докажу вам, что очень многие вещи, которые вызывают у вас лишь презрительную усмешку, существуют, как объективная реальность.

- Неужели?

Я представила, как всего лишь через пару минут выражение его лица изменится. Это было приятно. Уверенность в собственных силах, исчезнувшая было после неприятного эпизода с художником, понемногу возвращалась ко мне.

- И еще одна вещь: я делаю все это вовсе не для того, чтобы что-то вам доказать. Мне нет абсолютно никакого дела до того, во что вы верите или во что вы не верите. Просто я считаю, что это поможет нам лучше...сработаться. В конце концов, наши отношения должны строиться на взаимном доверии. А мне нужно, чтобы вы мне доверяли – так я смогу быстрее со всем разобраться.

- Звучит разумно, - кивнул он.

- Подождите еще минуту, - сказала я. – Мне нужно принести карты.

- Таро?

- Ну вот, видите, вы хотя бы слышали о Таро.

- Все, что угодно, лишь бы прищучить минотавра...

Через некоторое время я раскладывала перед ним карты. Виктор Андреевич внимательно наблюдал за мною, пристально вглядываясь в каждую карту.

- Что вы делаете? – спросил он.

- Это, так сказать, панорама вашей жизни...

- Шут и правда смахивает на моего дядю – бывало, когда он переберет...

- Ваш дядя не пил, - сказала я. – Точнее у вас вообще не было дяди. Ваш отец – единственный ребенок в семье.

Виктор Андреевич перестал улыбаться.

Подействовало!

- Это какой-то трюк, - сказал Виктор Андреевич. – Я уверен в этом.

- Это не трюк, - я пожала плечами, - вполне себе обычная вещь. По крайней мере для меня.

- Про моего отца вы могли узнать. Навести справки.

- Разумеется, - кивнула я, - у меня обширная агентурная сеть. Некоторые из агентов уже давно внедрились в вашу компанию для сбора сведений. Другие агенты – притворяются друзьями вашей семьи, - я помолчала и добавила, - которая, похоже, вот-вот развалится...

- Какого черта, - сказал Виктор Андреевич.

- Вы, разумеется, хотите, как можно больше подробностей. Клубок Ариадны никогда не разматается – его можно закинуть в самые дебри. Мне продолжать?

- Извольте.

В течении следующего получаса, я – не без удовольствия – продолжала сообщать Виктору Андреевичу подробности его весьма бурной, богатой на разные события жизни. Я сообщила ему, что свой первый миллион долларов он заработал еще в лихие девяностые, подставив своего тогдашнего компаньона.

- Я был молод тогда, - попытался оправдаться он, - да и время было, сами знаете, какое. Или ты – или тебя.

- Это обычная в таких случаях отговорка, - сказала я, - но я знаю, что вас мучила совесть и что потом, уже достигнув успеха, вы помогли ему снова встать на ноги, хотя он так и не смог вас простить.

- Похоже ваши карты что-то вроде кабельного телевидения, которое транслирует разную грязь.

- Оно транслирует только то, что принимают его антенны, - парировала я, - нечего на зеркало пенять, вы уж простите...

Я сообщила ему, что в юности он мечтал стать ихтиологом и всерьез готовился поступить на биологический факультет. Он так мечтал об этом – что однажды он станет, как Жак-Ив Кусто, что он точно так же будет исследовать океаны и далекие моря, что будет плавать вместе с дельфинами, но родители настояли на юридическом. И все его мечты отправились к черту.

- Глупо, правда?

- Вообще нет, - сказала я, - каждый год вы отправляетесь в какую-нибудь далекую страну, к морю или океану. Но это ведь совсем не то, правда? Впрочем, вы уже несколько лет обдумываете идею полностью спонсировать какую-нибудь исследовательскую экспедицию на тех условиях, что вас возьмут с собой, как полноправного члена команды.

- Я все еще помню наизусть названия всех рыб. И все эти эволюционные таблицы. На латыни.

- Идея, кстати, хорошая, - сказала я, - как только я выманю для вас минотавра, советую так и поступить. Жаком-Ивом Кусто вам, может быть, и не стать, зато вы, наконец, сможете почувствовать близость океана...

- Океана, - повторил Виктор Андреевич.

Я посмотрела на него и увидела, что еще немного – и он разрыдается. Пора было сворачиваться. Я убрала карты.

- Думаю, вам стоит выпить еще чаю. Это поможет вам успокоиться.

Он посмотрел на меня.

- Значит, я не ошибся, - попытался улыбнуться он, - когда обратился к вам за помощью. Что-то подсказывало мне, что вам можно доверять.

- Карты показали, что вы всегда доверяете своей интуиции, даже когда решение кажется вам нелогичным.

- И никогда не ошибаюсь...

- А что интуиция подсказывает вам насчет минотавра?

- Молчит. К сожалению, я не могу ее контролировать.

- Никто не может.

Я оставила его наедине с разложенными картами и отправилась на кухню, чтобы заварить еще чаю. Нам предстоял долгий и обстоятельный разговор.

Следующие два с половиной часа я провела, слушая утомительный рассказ об устройстве компании, о ее сотрудниках, существующей иерархии и вездесущих конкурентах, которые подобрались просто ближе некуда.

- В святая святых, - сказал Виктор Андреевич.

- Вы, должно быть, рассказывали об этом уже тысячу раз?

- И готов рассказать еще тысячу – лишь бы помогло.

- Вы кого-нибудь подозреваете? – спросила я, примеряя на себя роль частного детектива. Нельзя сказать, что эта роль мне не понравилась.

- Ну как вам сказать – всех...

- Прямо-таки всех, - засмеялась я.

- Напрасно смеетесь, - грустно улыбнулся Виктор Андреевич, - как только увязаете в бизнесе по уши, понимаешь, что можешь рассчитывать только на себя.

- Все так плохо?

- Вы даже не представляете. Я, вероятно, могу доверять только своей секретарше и, может быть, еще двум – трем людям.

- Не густо.

- Для бизнеса – очень даже густо.

- В любом случае, - сказала я, - кем бы ни был ваш минотавр, я его вычислю.

- Как вы собираетесь это сделать?

- Для начала я должна побывать в самом офисе – осмотреться, почувствовать людей, всякие такие вещи.

- Вот это меня и смущает, - сказал Виктор Андреевич. – Прошлые расследования проходили в открытую, и я боюсь, что это вспугнуло шпиона. Он просто залег на дно и спокойно переждал опасность. А потом снова принялся за свое мерзкое дело.

Об этом я не подумала. Могло ли мое присутствие в фирме напугать кого-то? Тем более, что не так и много людей верит в магию. К тому же посети я офис под своим настоящим именем, я еще, чего доброго, испорчу В.А. имидж. Хотя, даже если бы я

проводила свое «расследование» в открытую – это мало что изменило бы. Рано или поздно злоумышленник был вычислен, пойман и обезврежен. Тем не менее, интересы клиента должны быть соблюдены – этика и все такое...

Поэтому я спросила:

- Что вы предлагаете?

Виктор Андреевич посмотрел на меня с сомнением.

- Была у меня одна мысль. Но боюсь, что вам она не понравится.

- Выкладываете.

- Ну, я мог бы устроить вас к себе в фирму на какую-нибудь должность.

- То есть, вы мне предлагаете работу под прикрытием?

- Что-то вроде, - улыбнулся он.

Признаюсь, что предложение меня заинтриговало. Я все больше вживалась в роль сыщика. Приятно иногда почувствовать себя главным героем детективного фильма, при условии, что в финале никто не умрет и не исчезнет. Правда тогда я и представить не могла, что «работа под прикрытием», которая всецело завладела моим воображением», в первый же день обернется серой рутинной скукой, которая – по всем параметрам – превосходила даже самый страшный кошмар.

- И кем же вы предлагаете мне стать?

- В данный момент нам как раз требуются люди в отдел статистики.

- Признаюсь сразу: я ничего не понимаю в статистике. Я даже не знаю, что это такое и с чем ее едят.

- Понимать и не обязательно, - сказал он, - вы просто будете заниматься своим делом.

- Очень важно, чтобы меня никто не беспокоил.

- Я попрошу секретаршу, чтобы она, так сказать, оградила вас от лишнего общения...

Очень скоро я поняла, что первым делом меня следовало бы оградить от общения с секретаршей.

Мы договорились, что я выйду на работу, как и положено, с понедельника. К тому времени он подготовит для меня все документы.

- А это не будет выглядеть подозрительным? – спросила я.

- Что именно?

- То, что президент компании занимается трудоустройством мелкого служащего?

- Живи мы с вами в США, вероятно, это и выглядело бы подозрительно. У меня же полфирмы работает по моей личной рекомендации. Связи, знаете ли, очень много значат в нашей стране. Так что не беспокойтесь.

Мы скрепили сделку цветочным чаем.

Свой первый рабочий день в строительной компании «Fun House» (я так и не решила поинтересоваться, почему солидная фирма носит название, вполне подходящее для дурдома) я запомню на всю жизнь. Оказаться в качестве служащего в современном офисе – все равно что попасть в совершенно другую среду. Это как если бы я была морской (или океанической) рыбой, которая вдруг очутилась в крошечном искусственном пруду на заднем дворе какого-нибудь полуразвалившегося особняка. Другие законы логики. Другой этикет. Даже другая мораль, черт ее побери. Все, абсолютно все было другим.

Говоря более грубо – я просто обалдела.

- А вот и вы, милочка, - сказала мне секретарша, едва я переступила порог офиса и представилась.

Секретарша широко улыбалась.

Она смотрела на меня своими блестящими, похожими на собачьи глазами.

Едва взглянув на нее, я сразу поняла, что это не она. Понятно, почему Виктор Андреевич ей доверяет. На роль минотавра эта особа просто не тянет.

- И вам доброго дня.

- Виктор Андреевич характеризовал вас, как компетентного высококвалифицированного совестливого работника.

- Приятно знать, что тебя ценят, - пошутила я, но секретарша шуточки не поняла.

- Пойдемте я покажу вам ваше рабочее место, - сказала она.

Если хотите узнать, каково это – оказаться по ту сторону добра и зла, устройтесь на работу в офис. В первый день буквально все выводило меня из себя – несмолкающий топот ног, доносящийся буквально отовсюду, хлопанье дверей, гудение кондиционеров и системных блоков, нескончаемые телефонные трели и оглушающий гомон голосов – все равно что водопад. Я сидела за столом, тупо уставившись в монитор на экселевскую таблицу, и никак не могла сосредоточиться. Дело было в том, что все мои планы – буквально все, что я там себе на досуге навывдумывала – о том, как я легко и быстро расправлюсь с этим делом, стремительно катились к черту. В такой беспокойной обстановке я была абсолютна беспомощна – на рабочем столе не разложишь карты и не спросишь совета у рун. Магия любит тишину и уединение. Я даже представила, как призываю духов в туалете, глядя в тамошнее мутное и захватанное зеркало. Именно таким и был мой первый рабочий день – абсолютно безрадостным. Я поняла, что за пару-тройку дней мне не справиться.

Тем не менее выход должен был быть. И Дориан, вне всяких сомнений, мог бы подсказать мне его. Но я не стала пытаться связаться с ним. Почему-то одна только мысль о разговоре с Дорианом вызывала у меня неприязнь. Возможно, во мне таким образом заговорила моя гордость. Я столько лет обращалась к Дориану за советами – по серьезному поводу и не очень – что напрочь позабыла о том, что это такое – думать собственной головой.

Вечером я вернулась с работы усталая. Я уже давно заметила, что чем меньше работаешь или занимаешь себя чем-то, тем больше устаешь. Такой вот парадокс. Когда силы уходят впустую, это совершенно убийственно действует на тело. Я еле доплелась до своей квартиры, и мне даже в голову не пришло произнести одно из своих, припасенных специально для таких случаев Слов – Слово Бодрости, например. Дома я, не раздеваясь, завалилась на диван и какое-то время лежала на нем, изучая идеально белую поверхность потолка. Мне потребовались просто недюжинные усилия, чтобы взять себя в руки и заставить свой мозг думать.

Одно я знала твердо: мне придется придумать что-нибудь новенькое. Все прочие способы выявления злоумышленника здесь совершенно не подходили. Ни карты. Ни определение по фотографиям (хотя у меня и был доступ к базе данных предприятия, в том числе и к списку сотрудников с их адресами, телефонами и фотографиями). Значит нужно что-то другое.

Я лежала на диване и размышляла об этом. Тонкий предательский голосок у меня в голове говорил:

- Ну сколько можно думать? Ведь ты же знаешь верное решение! Просо свяжись с Дорианом. Он всегда знает, что делать!

- Заткнись, - сказала я ему, точнее сказала себе самой, - в конце концов, из нас двоих только я владею секретами древней магии.

- Ну и что? – парировал голосок. – Какой толк от древней магии, если телефонный звонок или шум компьютера сводит ее на нет?

- У меня должна быть своя голова на плечах. Может так сложиться, что я попаду в такую ситуацию, во время которой я смогу рассчитывать только на себя. Так что, какой от меня толк, если я привыкла всегда и во всем полагаться на других?

- Хи-хи, - сказал голосок, - ну ты и дура!

Я подумала, что еще немного, и у меня начнется раздвоение личности.

Я решила заварить цветочного чаю, а потом отправляться спать. В конце концов, усталость не прогнать никакими Словами. Потом она все равно даст о себе знать. Так что лучше хорошенько выспаться.

Следующие несколько дней также прошли даром. Я совершенно изматывалась на работе, как остервенелая долбя для виду по клавиатуре и заполняя одну экселевскую таблицу за другой бессмысленными словами и цифрами, которые выдумывала тут же, на ходу, затем приползала домой и продолжала изводить себя поиском решения этой оказавшейся далеко не простой задачи.

Виктор Андреевич терпеливо ждал, и я была благодарна ему за это – для меня было важным, чтобы меня никто не дергал по пустякам и не занимал пустыми расспросами. С другой стороны, а что ему еще оставалось? В конце концов, он перепробовал все возможные варианты. Я в прямом смысле была его последней надеждой. При других обстоятельствах я бы сочла за честь быть чьей-то надеждой (тем более последней) и обязательно похвасталась бы этим перед Дорианом, но сейчас мне было не до хвастовства.

Решение, как это всегда и бывает, пришло само. И совершенно неожиданно. Причиной этого было то, что я заснула на работе. Этому до крайности забавному обстоятельству предшествовал стандартный рабочий день в офисе и бессонная ночь в поисках ответов. К тому времени я проработала в офисе около двух недель – достаточно, чтобы утомиться настолько, чтобы уснуть на рабочем месте, заполняя экселевскую таблицу. Мои пальцы – то ли по инерции, то ли автоматически – продолжали бегать по клавишам, а сознание отключилось само собой – как будто бы я была телевизором, и кто-то просто нажал на кнопку «выкл». В общем, я погрузилась в спящий режим. Сон мой продлился недолго, – пару-тройку минут – но когда я проснулась, тяжело взмахнув головой, чтобы избавиться от набросившейся на меня усталости, я уже знала ответ. Сон, точнее сны были ключом ко всему. Все это время решение было у меня под носом, а я – удивительная невнимательность! – старательно не хотела его замечать. Ведь все, что мне нужно было сделать – это посидеть пару деньков в офисе, затем отправиться домой, завалиться на диван и уснуть. Не слишком сложно.

За время работы я успела соприкоснуться со всеми работниками офиса. Главный программист несколько дней подряд приставал ко мне с приглашением на обед. Девушки из отдела внешних связей приходили сплетничать. Отдел кадров то и дело вызывал меня, чтобы подписаться под очередным приказом. Секретарша навещала, чтобы справиться удобно ли мне работается. И так далее, и тому подобное. Раз соприкоснувшись с человеком, я получала доступ в их сны. А где как не в снах искать ответ на мой вопрос? Сны ведь порой говорят на куда более понятном языке, чем явь. Сны не умеют врать, а если иногда и маскируют правду, то к ней всегда можно подобрать ключ. В снах невозможно спрятать «концы в воду» - тамошним скелетам решительно не сидится в уютных шкафах, они так и норовят выбраться наружу и пуститься в причудливый танец, выбалтывая секреты всем, кто умеет слушать. А я слушать умела.

Вернувшись в тот день домой, я связалась с Виктором Андреевичем и сообщила ему, что все разрешится в ближайшие дни.

Он облегченно вздохнул:

- Признаться, я уже начал сомневаться, что вы справитесь...
- Были некоторые сложности, - сказала я, - в конце концов, я никогда не работала в офисе. Нужно было привыкнуть.
- Понимаю.
- Слишком шумно и много суеты – в такой обстановке трудно сосредоточиться.
- Что ж, - он снова вздохнул, - тогда я буду ждать вашего звонка.
- Потерпите, осталось совсем немного, - сказала я и повесила трубку.

Чтобы пробраться в чужой сон – нужно обладать особым искусством. В Вавилоне ему обучали с детства. Им прекрасно владели вавилонские солдаты – во время войны таким образом они могли деморализовать едва ли не всю вражескую армию и выиграть битву, даже не начиная ее. Его в совершенстве знали маги и ученые. Им владели даже торговцы на городском рынке. Правда, одновременно с этим искусством нас обучали и другому – как воспрепятствовать тому, чтобы в твой сон проник посторонний. Это искусство было куда более востребованным и насущным. Впрочем, ничего удивительного: когда живешь в городе, где каждый второй, включая твоих соседей и недругов, может проникнуть в твою голову, не выбираясь из собственной кровати, нужно быть на стороже и уметь остановить такое вторжение. Кто-то из тогдашних поэтов (имени я, конечно, уже не помню) называл Вавилон «городом снов». В этом определении, вне всякого сомнения, была изрядная доля злой иронии. Ведь самый легкий способ не дать залезть в твою голову недружелюбному чужаку – не видеть снов. Почти две трети Вавилона выбирали именно этот – наиболее простой, не требующий особых сил, знаний и умений – способ. Быть может из-за этого, жители Вавилона отличались прагматизмом и почти полным отсутствием фантазии, что, в свою очередь, и привело к гибели моего прекрасного города.

Разумеется, я была не в восторге от того, что мне придется проникнуть в голову ко всем работникам офиса. Я могла только надеяться, что мне повезет и я отыщу нашего «минотавра» одним из первых. Кроме того, я сразу откинула нескольких человек – секретаршу и еще пару работников, которые показались мне вполне адекватными и не способными на столь подлый поступок. Конечно, в случае, если я не найду злоумышленника быстро (как я и надеялась), мне придется проверить и их, но я все-таки доверяла своей интуиции.

Я устроилась на диване, закрыла глаза, произнесла несколько Слов и уже через несколько минут проникла в первый сон, который перенес меня в просторную комнату с высоким потолком, без дверей и мебели. В дальнем конце комнаты находилось распахнутое настежь окно, возле которого стоял человек. Он ничего не делал – просто смотрел в окно, на открывшийся пейзаж. Этот сон был очень спокойным, почти бесшумным, всюду чувствовалось какое-то умиротворение. Это был сон человека, которого ничто больше не тревожило – по крайней мере, до утра. Значит – это не он, не минотавр. Я поспешила покинуть сон и переместилась в следующий.

На сей раз я очутилась на какой-то площади, сплошь заполненной людьми. Люди толкались, галдели, ругались, сбивали с ног – в общем, делали все то, что и в обычной жизни. Я заметила, что у некоторых из них завязаны глаза, у других – связаны за спиной руки, у третьих – заклеены скотчем рты. Тот, кому снился этот сон, стоял неподалеку от меня и громко звал кого-то по имени. Кажется, он плакал. Я даже почувствовала, какое его охватило отчаяние. Вероятно, если бы он осознал, что это – всего лишь сон, то больше всего на свете он возжелал бы только одного: поскорее проснуться. Между тем, толпы продолжали двигаться, не замечая его истошных воплей. Этот сон был поистине ужасен – ночной кошмар того сорта, который еще долго не забывается и вызывает чувство ужаса даже наяву, при одной только мысли о нем.

Едва я только очутилась на огромной, заполненной людьми площади, я уже знала, что и этот человек – не тот, кто мне нужен. Но прежде, чем уйти, я должна была кое-что сделать. Расталкивая, попадающихся мне на встречу людей, я приблизилась к кричащему человеку и осторожно коснулась его лба указательным пальцем. В то же мгновение площадь и люди вокруг исчезли – человек проснулся.

В следующем сне меня поджидал сюрприз. И не сказать, что особенно приятный. Я вновь очутилась в офисе. Поначалу это обстоятельство меня насторожило. Я даже вообразила себе, что это злоумышленник переживает во сне те моменты, когда он ворует ценную информацию. Но я, разумеется, ошиблась. Тот, кто видел этот сон, очевидно,

страдал от какого-то психического недуга, в анализ которого вдаваться здесь я не стану. Скажу только, что все работники офиса, включая меня (я впервые увидела себя со стороны, персонажем чужого сна), перемешались по офису совершенно обнаженными, либо затянутыми в латекс. Причем не только женщины, но и мужчины. Поверьте, увидеть начальника отдела статистики, которому давно перевалило за пятьдесят, в латексе – зрелище далеко не самое приятное. Особенно учитывая тот факт, что габариты означенного персонажа стали в офисе чем-то вроде притчи во языцях. Сам же главный герой, разодетый в гусарскую форму, раскатывал по офису на огромной, оглашающей все несколько этажей пронзительным визгом свинье, на голове которой была нахлобучена жуткого вида соломенная шляпка. Задерживаться здесь мне не слишком-то и хотелось (увиденного было вполне достаточно), и я отправилась за ответами в следующий сон.

В следующем сне, не прекращая, лил дождь. Настоящий ливень. Не спасало даже то, что находилась я в доме, в чьей-то гостиной. Косые струи проходили сквозь покрытый пятнами потолок и заливали кожаный диван, деревянный столик с разбросанными по нему журналами, книжные шкафы, включенный телевизор. На диване сидел человек – я узнала его, он работал в отделе маркетинга – и перебирал какие-то бумаги. Я приблизилась и заглянула ему через плечо. Это были рабочие документы, со штампами, печатями и подписями. Человек улыбался, некоторые из документов он рвал, другие вдруг вспыхивали и сгорали прямо у него в руках. Совершенно случайно я взглянула на экран телевизора и с удивлением обнаружила на нем Виктора Андреевича. Время от времени сидевший на диване тоже смотрел на экран и ухмылялся. Виктор Андреевич занимался какими-то абсурдными делами: кормил голубей прямо у себя в кабинете, катал по полу какие-то мягкие, похожие на ртутные, но значительно больше размером, шарики, что-то кричал и размахивал руками (звук у телевизора был выключен). Неожиданно его лицо стало близким-близким, и он заколотил по экрану, как будто бы находился в соседней комнате, за непробиваемым стеклом. Виктор Андреевич колотил по экрану, лицо его было испуганным и жалобным. Человек на диване засмеялся – при этом смех его был точно таким же бесшумным, как и крики начальника в телевизоре. Я стояла рядом и смотрела на минотавра. Сомнений у меня больше не оставалось.

Тем временем в комнате появились еще какие-то люди. Они схватили телевизор с продолжающим колотить по экрану человеком и вышвырнули его в окно. Минотавр на диване продолжал бесшумно хохотать. Дождь лил, не переставая ни на секунду. Рабочие документы взвились до потолка, вспыхнули и на секунду сложились в фигуру, объятую огнем человека. Я поняла, что мне пора уходить.

Утром я как следует выспалась и на «работу» завалилась только после обеда. На свое «рабочее место» я не пошла, а отправилась напрямик к Виктору Андреевичу. Путь мне преградила секретарша.

- Виктор Андреевич сейчас очень занят. Вы ведь не записаны?

- Записана, - сказала я.

- Нет, не записаны, - настойчиво повторила секретарша, - я сама всех записываю, а вас не помню...

- Да мне и не нужно, - сказала я.

Виктор Андреевич, видимо услышав наш разговор, вышел из кабинета.

- Все в порядке, - сказал он, - не беспокойтесь, Тamarочка...

Тamarочка, подумала я, интересно, как часто кого-то называют Тamarой?

Я прошла в кабинет. Секретарша не сводила с меня подозрительного взгляда. Виктор Андреевич осторожно прикрыл за мной дверь.

- Надеюсь, у вас хорошие новости, - сказал он.

Я назвала ему имя.

- Очень ответственный работник, - сказал Виктор Андреевич, видимо, еще не совсем поняв, что я имею в виду. – Не раз выручал компанию и...

Виктор Андреевич замолчал и уставился на меня.

- Вы хотите сказать?

- Ну да. Минотавр.

- Не может быть.

- Вы же сами мне говорили, бизнес – такая штука. Нельзя доверять никому.

- Я понимаю, но... Просто...

- Просто вы думали, что это кто-то другой? Я уверена, в офисе полно личностей, которых лично вы считаете подозрительными. И, тем не менее, это он.

- Я сейчас же приму меры, - сказал Виктор Андреевич, снимая телефонную трубку.

- Не знаю, - сказала я, - почему бы для начала не проследить за ним? Чтобы у вас на руках были доказательства.

- Это разумно, - кивнул он.

- Я бы даже рекомендовала вам подсунуть ему какую-нибудь ложную информацию, чтобы он передал ее вашим конкурентам. Что-нибудь такое, от чего им будет трудно оправиться.

Виктор Андреевич ухмыльнулся.

- Это я могу, - сказал он. – Черт возьми! И почему мне самому не пришло это в голову?

- Сейчас – очень хороший момент для этого. Он уверен в своей неуловимости и безнаказанности.

- Значит, сожрет, что угодно, - засмеялся Виктор Андреевич.

- Вот именно, - произнесла это, я почувствовала, как с моих плечей упал тяжелый, просто-таки неподъемный груз. Дело было не только в том, что мне нужно больше каждое утро рано вставать, затем отправляться на работу и просиживать целый день, бесцельно уставившись в монитор. Я ощутила, что неуверенность, которая безраздельно владела мной последние недели, куда-то пропала, а вместе с нею ушли чувство страха и ощущение собственной беспомощности перед большим и жестоким миром.

В течении следующих нескольких дней ситуация с компанией моего клиента быстро разрешилась. Виктор Андреевич проявил себя, как настоящий ас – каким-то образом он сумел сделать так, что компания его конкурентов потеряла едва ли не все свои средства.

- Черта с два они теперь встанут на ноги, - сообщил он мне по телефону несколькими днями спустя.

- Вы – настоящий профи, - сказала я. – Искренне за вас рада.

- Если бы не вы – вполне может статься, что на их месте мог оказаться я.

- Если бы да кабы...

- Знаю, знаю, - рассмеялся он.

Мы попрощались, я положила трубку и отправилась на кухню заваривать цветочный чай.

Я проснулась посреди ночи – вся мокрая от пота. Кажется, во сне я кричала. Мне опять приснилась Башня. Она с грохотом рухнула на наш дом в Вавилоне. С неба сыпали крупные хлопья серого пепла. Небо было красным. Раскаленное солнце напоминало огромный яростный глаз. Всюду на улицах валялись трупы. Я бродила по улицам, одна, и заглядывала в лица мертвых. Некоторые мертвецы улыбались мне и пытались схватить за руку. Я была маленькой беззащитной девочкой. Я знала, что осталась одна. Абсолютно одна. Мир вокруг меня лежал в развалинах. И только мертвецы, похожие на огромных голых собак, копошились в похожем на грязный снег пепле. Я бродила по улицам и громко кричала – звала всех, кого я когда-либо знала и кого теперь не было рядом.

Я лежала в кровати с заплаканными глазами и смотрела в потолок. Сердце все еще колотилось. Сон был настолько реалистичным, что я все еще ощущала вкус пепла на своих губах.

Я перевернулась на бок, к окну. Возле окна кто-то стоял. Высокий худой силуэт с узкими покатыми плечами. Он был неподвижен и смотрел на меня. Я почувствовала его пристальный пытливый взгляд.

- Кто вы? – спросила я почти шепотом.

Вздых. Сиплый, словно его легкие давно не вдыхали воздуха. Силуэт покачнулся – все равно что тонкая ветка на ветру – и расправил руки. Они были длинными и узкими. Он продолжал склоняться, пока верхняя половина его туловища не попала в полосу лунного света. Это был художник. Теперь я узнала его. Это было его лицо – кто бы или что не нацепило его. Тонкие бескровные губы растянулись в ухмылку. Холодные черные глаза бесстрастно смотрели на меня.

- Вы же мертвы, - сказала я, ощущая, как страх стискивает мне горло.

Художник ухмыльнулся и, раскачиваясь, передвигая своими длинными, похожими на паучьи лапы конечностями, двинулся ко мне.

Интерлюдия Четвертая

В Сан-Франциско, городе чудес и волшебства, я бываю нечасто (все-таки находится он на другом конце света) – но тем приятнее бывает после многолетнего перерыва снова оказаться на его улицах, которые все так же чарующе загадочны и все так же прекрасны. Кажется, что здесь, на западном побережье даже воздух другой – напоенный какой-то тайной.

За все то время, что я помню этот удивительный город, Сан-Франциско почти не изменился. Стало больше зданий (что поделать – веяния времени), но это никак не повлияло на общую атмосферу города, оставшуюся, как и сто лет назад все такой же таинственной.

Сан-Франциско – это город неразрешимых загадок, город свободы, город магии. Кажется, что его причудливая архитектура содержит в себе какое-то тайное послание всему миру, а за реальными предметами прячутся тени подлинных событий, увидеть которые дано далеко не каждому, и только здесь, в Сан-Франциско этот тайный, невидимый мир приоткрывает свой полог ровно настолько, чтобы каждый на этих улицах ощутил его близкое присутствие.

Пребывание в Сан-Франциско – для меня всегда радость. Приятно бывает побродить по любимым местам или проехать пару остановок на знаменитых трамвайчиках. Правда, на этот раз в Сан-Франциско меня привели отнюдь не чувство ностальгии и не желание снова увидеть этот красивый американский город. Одна моя давняя подруга, так же как и я успешно практикующая вот уже на протяжении многих лет, обратилась ко мне за помощью. Честно говоря, она была в настоящем отчаянии. А мне было сложно представить, что могло вызвать у нее отчаяние – ведь она была, пожалуй, самым веселым и жизнерадостным человеком из всех, что я встречала за свою жизнь. К тому же, ее возможности лишь немного уступали моим.

Она позвонила мне пару дней назад и попросила приехать.

- Пожалуйста, приезжай. Мне нужна твоя помощь.

В последний раз мы общались несколько лет назад – я приезжала к ней в Сан-Франциско на Хэллоуин, праздник, который она просто обожала и каждый раз устраивала на него настоящий маскарад.

- В чем дело? Ты, похоже, напугана...

- У меня неприятности, - сказала она. – Я в большой беде.

- Можешь объяснить, в чем дело? – продолжала допытываться я.
- Это долго. Лучше будет, если ты приедешь.
- Н-ну ладно... Я, конечно, приеду...
- Без тебя мне не обойтись.
- Хорошо-хорошо...
- Иначе, я просто пропала...

Такой вот разговор. Не слишком информативный, зато эмоциональный. Едва повесив трубку, я ощутила сильную тревогу и беспокойство за подругу. Нужно было собирать вещи и отправляться в Сан-Франциско. У меня оставалась куча незавершенных дел, но их пришлось в срочном порядке отложить. Что поделаешь, медлить было нельзя – я просто не могла себе позволить бросить подругу на произвол судьбы.

Я познакомилась с Гейл сразу после войны, в Париже. Цирк Дориана тогда остановился где-то в предместье французской столицы и давал ежевечерние представления для избранных. На одно из таких представлений и была приглашена Гейл. Правда, досидеть до конца она все же не смогла – номер Мсье Баттерфляя привел ее буквально в ярость. Еще бы, не каждый сможет выдержать поток отвратительных, женоненавистнических шуток, с которыми тогда выступал Дориан. Гейл покинула свое место и вышла из цирка.

- Я хочу уехать отсюда, немедленно, - раздраженно сказала она стоявшему на входе билетеру.

- Простите, мадам, но вам придется дождаться окончания программы – таковы правила... - билетер виновато улыбнулся.

- Мадмуазель, - поправила его Гейл.

- Пожалуйста, вернитесь в зал, - попросил билетер.

- Ни за какие коврижки! – вспыхнула Гейл. – Я не вернусь в этот вертеп!

- Но существуют правила...- забормотал билетер. – Хозяин не разрешает просто так бродить по территории его цирка...

- А мне плевать! Я туда не вернусь! Этот ваш Мсье Баттерфляй – настоящий моральный урод! Как он вообще может быть популярным?

- Мадемуазель, я прошу вас, у вас и у меня могут быть серьезные неприятности, если вы не вернетесь в зал...

До этого момента я наблюдала за развернувшейся сценой со стороны, но тут решила вмешаться и помочь несчастной девушке. В конце концов, никто не вправе заставлять свободного человека смотреть на то, что ему не нравится или вызывает отвращение. А у Гейл в тот момент, когда она вышла из цирка на свежий воздух было такое лицо, словно ее вот-вот стошнит. Поэтому я подошла к билетеру и сказала:

- Все в порядке, Оскар. Ничего страшного. Я провожу мадмуазель до такси.

- Как скажете, сударыня, - Оскар отвернулся и принялся пересчитывать оставшиеся билеты – каждый раз, после очередного представления, Дориан по известной только ему одному причине требовал с него полный отчет: сколько билетов продано и сколько осталось. Все это отдавало бюрократией, но я в эти дела не лезла, предпочитая оставаться в стороне.

- Вам не понравилось представление? – спросила я, когда мы отошли подальше от Оскара.

- Вот именно! Оно...оно мерзкое, просто возмутительное! Я не сторонник цензуры, но некоторые вещи с удовольствием бы запретила! Как люди могут смеяться над шутками этого Мсье Баттерфляя? Ведь это почти фашизм!..

- Редкая мерзость, - кивнула я. – Я предпочитаю о нем просто не вспоминать...

- Ну слава богу, - улыбнулась Гейл, - а то я думала, что одна такая – сколько там женщин в зале? И все они – просто не могу в это поверить! – смеялись над этими

дурацкими, скользкими шуточками... Вообще не знаю, зачем я согласилась сюда приехать – вокруг этого цирка столько славы и... тайны...

- Это всего лишь слова, - сказала я. – Все определяет престиж. Хотя в цирке много хорошего. Например, Присцилла или Марциал...

- Это – говорящие животные? – спросила Гейл. – Я что-то такое видела, когда листала программку...

- Животное – это Мсье Баттерфляй, - сказала я. – А Присцилла и Марциал – просто души. Хотите познакомлю? Чтобы у вас осталось хотя бы одно хорошее воспоминание о нашем цирке...

В общем, мы быстро нашли общий язык. Марциал с его красноречием и склонностью к философским рассуждением просто очаровал Гейл. Даже Присцилла, который вообще редко с кем говорил, перебросился с Гейл парой словечек. Гейл оказалась веселым и открытым человеком, настоящим экстравертом, привыкшим говорить только правду и не скрывать своих истинных чувств.

- Кстати, меня зовут Гейл, - она по-простому протянула мне руку. – Это сокращенно от Найтингейл, Соловей – так уж назвала меня мама! Но друзья называют меня просто Гейл!

- Очень приятно, Гейл!

Гейл тоже практиковала – у нее был свой магазинчик где-то на левом берегу Сены, в котором она и проводила разного рода сеансы или консультации. Правда, в скором времени она планировала перебраться в Америку – возможностей там было куда больше да и воздух казался совершенно другим, не таким затхлым и застоявшимся, как в старушке Европе.

Очень скоро взаимная симпатия переросла в настоящую дружбу, которая продолжилась и после того, как Гейл обосновалась в Америке.

Гейл впервые попала в Сан-Франциско в июне 1967 года, в самый разгар Лета Любви. Город сразу же покорила ее сердце, как написала мне в одном из своих писем Гейл: «увидев однажды улицы Сан-Франциско, я поняла, что никогда не покину этот город...». Ну что же, каждому свое.

Ее небольшая квартирка находилась в самом центре событий – на Эшбери-стрит, поблизости от которой расположились десятки тысяч хиппи со всей страны. В те годы Дети цветов производили на обычных обывателей впечатление неизгладимое, а для многих – это и вовсе был шок. А вот Гейл, напротив, практически сразу увлеклась этой культурой. И не удивительно - сколько раз, во время наших разговоров, Гейл пускалась в какие-то путаные рассуждения о мире во всем мире, о свободе воображения и о Царстве Любви (до сих пор не знаю, что означает эта фраза). И уж так случилось, что в тот год Царство Любви расположилось прямоком у нее под окнами, в Хайт-Эшбери. Очень скоро в ее и без того тесной квартирке расположилась целая коммуна. Дверь была открыта для все желающих круглые сутки, а Гейл стала для некоторых хиппи своего рода гуру. Она прекрасно знала Таро и была – куда как лучше меня – знакома с восточной традицией магии. Поколение Нью-Эйдж заново открывало для себя восточную культуру, духовные практики, пришедшие с Востока, были очень популярны среди молодых людей, и Гейл с тоннами своих знаний и – что важнее – умений в этой области, просто не могла остаться незамеченной. Слава о ней быстро распространилась, и к ней потянулись люди. Гейл тогда прислала мне забавную фотографию, на которой она, разодетая на манер хиппи и вся увешанная так называемыми «фенечками», стоит в окружении совсем юных девушек и парней, бросивших вызов всему миру, а над их головами протянулась широкая радуга. Магия, как она есть.

Впрочем, сама я попала в Сан-Франциско только в семидесятых, когда хиппи-революция была проиграна, а сами дети цветов превратились, кто в законченных наркоманов и пьяниц, кто в обычных обывателей, которых они так презирали, а кто и в

преуспевающих бизнесменов. Гейл перебралась из своей квартирki на Эшбери-стрит в более просторную на Сакраменто-стрит, но идеалам хиппи изменять не желала. Она по-прежнему слушала Рави Шанкара и Джимми Хендрикса, проповедовала о Царстве Любви и как могла боролась за экологическую чистоту окружающего мира. При этом она не переставала критиковать меня за мое бездействие. Я извинялась, как могла. Гейл напирала:

- Если все будут бездействовать – то мир очень скоро превратится в сточную яму, где важен только капитал и корпоративные интересы. Политики и бизнесмены уже поработили половину Африки! А ведь мы с тобой можем реально повлиять на обстановку!

Впрочем, она была рада меня видеть и тут же полезла обниматься, хоть и выглядела я, по ее словам, как рядовая голливудская актриса, работающая на капиталистических свиней. Я, тем не менее, посчитала это комплиментом.

Из аэропорта я направилась сразу же на Сакраменто-стрит. По мере того, как такси все ближе подвозило меня к дому Гейл, мое беспокойство росло все больше и больше. Я не на шутку беспокоилась за подругу – кроме нее, мамы, Дориана и еще нескольких людей, с которыми я не встречалась уже очень давно, у меня больше никого не было в этом мире.

В самолете я так и не смогла уснуть – не помогло даже мое обычное Слово, которым я всегда пользуюсь, чтобы успокоить собственные нервы.

- Впервые во Фриско? – спросил меня шофер такси, молодой простоватый парень с открытым дружелюбным лицом.

- Нет, просто давно здесь не была, - я буквально выдавила из себя улыбку, болтать мне сейчас совсем не хотелось.

- Мне показалось, что вы выглядите несколько...потерянной. Вот я и предположил, что вы впервые в городе. Если что – спрашивайте. А давно вы, кстати, здесь не были?

- Пару лет...

- Ну... пару лет – не такой уж и большой срок! – вел он очень осторожно, такси скользило мягко и плавно, у меня даже возникло ощущение, что мы не едем, а парим над землей, как на воздушной подушке.

Мысли о Гейл не отпускали меня, мне хотелось крикнуть парню, чтобы он прибавил скорости, чтобы гнал быстрее, выжал бы из мотора максимальную скорость.

Наконец – мне показалось, что прошла вечность – такси остановилось у дома Гейл. Я сунула парню купюру, выволокла сумку и поспешила к дому.

В первую минуту я не узнала Гейл. Я смотрела на женщину средних лет с покрасневшими глазами и дрожащими губами. И в тоже время – это была Гейл. Под сеткой глубоких морщин легко угадывались прежние ее черты. Даже перекошенный в странной и непонятной гримасе рот еще сохранил следы былой очаровательной улыбки Гейл, которая, должно быть, свела с ума не одного мужчину.

- Это просто не может быть Гейл, - подумала я, - возможно, это какая-то шутка...

Вполне могло быть и такое – в конце концов, Гейл просто обожала розыгрыши. Я и сама ни раз становилась жертвой ее шуток. Но что-то мне подсказывало, что на этот раз происходящее далеко от шуток.

- Гейл, в чем дело? Что с тобой?..

- Привет, - только и сказала она.

Мы обнялись.

- Ты сильно меня напугала, - сказала я, - и ты...ты выглядишь так... Что происходит, Гейл?

- Я старею, - сказала Гейл.

- Погоди, ведь ты же не должна...

- Со мной что-то сделали, - Гейл едва не расплакалась, - какой-то подлый магический трюк. Если срочно не предпринять каких-либо мер, через несколько дней я превращусь в дряхлую старуху.

- Что за трюк?

- Я не знаю, потому и позвала тебя. Кроме тебя, мне больше некому помочь.

- Я помогу, помогу, - я обняла Гейл. – Ты же знаешь, что для меня...

- ...нет ничего невозможного, - закончила за меня Гейл и улыбнулась.

- Вот именно. Главное не запускать. Не дрейфь – выберемся!

- Пошли на кухню, я расскажу обо всем по порядку.

Неожиданно зазвонил телефон. Гейл не двигалась.

- Не подойдешь? – спросила я, кивнув на телефон.

- Нет, это скорее всего он.

- Кто – он?

- Мой жених...

- Твой – кто?

- Я хотела сделать тебе сюрприз, но, сама видишь, как все завертелось...

- Значит, ты решила выйти замуж?

- Ну да.

- А как же...?

- Он в курсе.

Я попыталась представить, каково это – жить рядом с человеком, который не старится и почти не болеет. И наоборот: жить с человеком и видеть, как он с каждым днем увядает, как его лицо покрывается морщинами, а в голос, некогда молодой и звонкий, прокрадываются недовольные старческие нотки. Я бы так вряд ли смогла...

- Возможно, тебе стоит ответить, - сказала я.

- Все в порядке – он думает, что я болею...

- А почему бы не рассказать ему правду? Раз уж он все равно обо всем знает?

- Одно дело стареть самому, другое – видеть, как в одночасье постарел другой...

- Ну что ж, - я вздохнула, - пошли на кухню, расскажешь, в чем дело.

Гейл встретила Лео на выставке работ участников хиппи-движения в одной из городских галерей. Лео взял на себя роль гида и большого знатока художников, представленных на выставке, многих из которых Гейл знала лично. Лео еще не родился, а Гейл уже была в самом центре Лета Любви, была гуру для тех, на чьи работы они сейчас смотрели. Было видно, что Гейл очень понравилась Лео, и он всеми силами старался произвести на нее впечатление.

- Значит, его зовут Лео? – спросила я, вдыхая волшебный аромат фирменного кофе Гейл.

- Это сокращенно, - неожиданно Гейл хихикнула. – А хочешь знать, какое у него полное имя?

- Какое?

- Леовкадио, - сказала она, и я прыснула.

- Только обещай не смеяться при нем, - сказала Гейл и сама едва сдерживаясь от смеха. – Он очень комплексует по этому поводу...

- Могу себе представить...

Разумеется, Гейл и предположить не могла, что их знакомство в самом скором времени перерастет, что называется, в бурный роман. Но именно так все и произошло. Для Гейл это было полной неожиданностью. Первое время она просто не могла поверить, что увлеклась кем-то, кто вообще не принадлежал к ее миру. Лео, между тем, был все настойчивее – он осаждал ее звонками и электронными письмами, буквально заваливал подарками. Но странное дело его настойчивость не казалась Гейл чем-то назойливым – она даже нравилась ей. Так что Гейл решила сдаться на волю обстоятельств. А

обстоятельства сложились таким образом, что Гейл оказалась без пяти минут замужней женщиной. Правда, этому предшествовал долгий и обстоятельный разговор, во время которого Гейл открыла Лео свою тайну.

- И что – он тебе сразу поверил? – спросила я.

- Разумеется, нет, - сказала Гейл, - расхохотался, как мальчишка...

Правда смех его быстро умолк, когда Гейл показала ему один из своих фокусов.

- Неужели попытался сбежать?

- Нет! Быстро смекнул, как это круто, когда на тебя западает настоящая колдунья, которая своими глазами наблюдала, как возводят Эйфелеву башню.

- Интересно, чтобы он сказал о Вавилонской, - пошутила я, и Гейл захихикала.

В общем, Лео принял Гейл такой, какая она есть. Но на этом счастливая часть истории Гейл, к сожалению, заканчивается. И начинается другая, мрачная и безнадежная, которая и привела Гейл к быстрому старению.

- У меня с самого начала было какое-то нехорошее предчувствие. Словно бы моя интуиция говорила мне, что не стоит браться за этот заказ. Но я была...окрылена, впереди меня ждали несколько лет счастья, вот я и решила – почему бы мне не поделиться этим счастьем? В конце концов, дурные предчувствия сбываются редко. По крайней мере у меня.

Некто попросил Гейл провести обряд омоложения – крайне сложный и запутанный ритуал, за который возьмется не каждый практикующий маг. Но Гейл, разумеется, взялась.

- Ох, подруга, - сказала я, - зря ты это...

- К сожалению, - вздохнула Гейл, - у меня нет твоей предусмотрительности... Я просто... забылась...

Ну почему, подумала я, неприятности случаются только с хорошими людьми? С теми, кто без всяких раздумий готов поделиться своим счастьем с абсолютно незнакомым человеком? Можно ли вообще быть счастливым в этом мире?

- Ко мне обратилась одна дама – пожилая женщина, - сказала Гейл. – Она очень долго плакала – умоляла помочь.

- Ты так говоришь, - заметила я, - как будто эта старушка попросила у тебя пару долларов. Подумаешь, обряд омоложения!..

- В начале и я отказала, - вздохнула Гейл, - но она так плакала. Сказала, что совсем не может переносить старость, что ей нужно еще так много успеть в этой жизни... Рассказала мне о своих мечтах...

- О, конечно, стоило ей пожаловаться на то, что она так и не побывала в Австралии и не увидела собственными глазами кенгуру, как ты тут же передумала...

Все это было в духе Гейл – стоило подбросить ей парочку душещипательных деталей или подробностей навроде «в детстве мне часто снился сон, в котором я танцую романтический танец с молодым капитаном на палубе его корабля с поднятыми парусами», как Гейл моментально «таяла» и уже не могла отказать в просьбе, о чем бы ее там не попросили – о магии денег или о магии молодости.

Многие пользовались этим ее качеством, и временами мне казалось, что Гейл рано или поздно останется буквально ни с чем – раздаст и откажется от всего, лишь бы другие смогли воплотить в жизнь самые безумные свои фантазии, которые не факт, что были правдой.

- Тебе легко говорить, - всхлипнула Гейл, - ты ее не видела...

- Я думаю, что даже загляни я ей в глаза, я бы ответила отказом. Люди, которые занимаются тем, чем занимаемся мы с тобой, должны уметь говорить «нет». Тебе ли этого не знать, Гейл?

- Я знаю, знаю...

- Она ведь попросила тебя о ритуале омоложения – игры с матушкой-природой никогда не проходят бесследно.... Одно дело, когда этим занимается Дориан – он посвятил этому всю свою жизнь и вряд ли сделает опрометчивый поступок, а если и

сделает, то в любом случае тщательно взвесит все «за» и «против», просчитает все возможные последствия, но он никогда не станет поддаваться минутному порыву.

- К счастью я не Дориан! – гордо сказала Гейл. – Я не забыла, что такое человечность...

Гейл недолго любила Дориана с тех самых пор, как увидела его выступления в цирке в тот день, когда мы собственно и познакомились. Я не раз пыталась объяснить ей, что Дориан бывает очень милым и веселым человеком, но Гейл была непреклонна, а единственная ее личная встреча с Дорианом на одном из моих дней рождений лишь убедила Гейл во мнении, что Дориан – бездушное и жестокое существо. «Не могу поверить, что вы вместе! У вас же нет абсолютно ничего общего!», - заметила она как-то. Поэтому я старалась не упоминать при Гейл Дориана, который, похоже, давно превратился для нее в некое подобие чудовища. Хотя иногда я очень хорошо понимала Гейл.

- Ладно, прости, - сказала я, - я не должна была ставить в пример Дориана. Просто ты поступила очень опрометчиво и теперь тебе приходится страдать...

- Я знаю, что очень часто поступаю глупо и необдуманно, но ничего не могу с этим поделать...

- Как и мы все, - улыбнулась я.

- Что-то не верится, что ты поступаешь необдуманно...

- Правда-правда, иногда сделаешь что-нибудь, а потом понимаешь, что была настоящей душой...

- Если вы намекаете на меня, мисс, то берегитесь – следующая чашка кофе будет с сюрпризом!

- О тебе и речи не шло – честно-честно...

Гейл подлила мне кофе.

- Ты помнишь сам ритуал? В смысле, подробности – какие ингредиенты, время, место и т.д.?

- Разумеется – у меня же проблемы с умом, а не с памятью.

- С умом у тебя все в порядке, Гейл, - сказала я. – В каком веке доброта считалась пороком?

- Ты плохо знаешь всех этих лживых капиталистических ублюдков, - завела свой обычный разговор Гейл. – У них бы было, что тебе рассказать по поводу доброты...

- Да, Гейл, они настоящие свиньи, но сейчас не об этом. Нам нужно вернуть тебе прежний вид, не забыла?

- Ох, прости. Значит, ритуал.

- Ритуал – и поподробнее.

- Экспериментировать я не стала, - сказала Гейл. – Заряженное зеркало, живые розы, лаванда и розовые свечи...

- В полнолуние в полночь, - сказала я.

- Совершенно верно. Стандартная процедура.

Я улыбнулась.

- Женщина выполняла все правильно?

- Да. С ней проблем вообще не возникло.

Я подумала, что если бы обряд проводила я, и с женщиной не возникло никаких трудностей, то я бы, конечно, сразу же стала подозревать что-то неладное. Но это я. Иногда у меня возникает стойкое ощущение, что за долгое время отношений с Дорианом я заразилась от него его паранойей. Гейл же, конечно, не придавала ничему значения.

- Что произошло, когда она посмотрела в зеркало?

- Ничего, - Гейл выглядела удивленной. – По-твоему, оно должно было треснуть?

- Почему нет? – я пожала плечами. – Вполне очевидно, что все твои беды из-за нее.

Я почти уверена, что она сделала это намеренно. Магия обычно очень чутко реагирует на подобные вещи.

- Тебе и твоему клоуну всюду мерещатся заговоры.

- Такова статистика, - сказала я. – Такова объективная реальность, как сказал бы Марциал.

- Быть может, ты и права, - вздохнула Гейл.

- Сколько розовых свечей ты использовала? – спросила я. – Сколько лет захотела скинуть таинственная старушка, которая теперь должно быть загорает на австралийском пляже?

Гейл пристально посмотрела на меня.

- Что такое?

- Обещай не ругаться, ладно?

- Я сюда не ругаться приехала, - напомнила я, - а помогать. Так что выкладывай все начистоту.

- Хорошо. Сорок пять свечей.

У меня аж челюсть отвисла.

- Это много, знаю, но... - затараторила Гейл.

Ничего себе омоложение! Да некоторые живут меньше!

- Это не много, Гейл, - сказала я. – Много – это десять или двенадцать. Но сорок пять – это же просто до хрена!..

- Ну вот, ты же обещала не ругаться...

- Я и не ругаюсь, Гейл, я просто не знаю, что сказать... Ты ведь знаешь, что двадцать свечей в подобных ритуалах – это предел?

- Конечно, я знаю, но я так хотела помочь ей...

- Должно быть, у нее была какая-то особенная история – настоящая мелодрама...

- Понимаешь, она рассказала, что... что встретила человека, который точь-в-точь похож на ее умершего сорок лет назад мужа... Увидела и...

- ...да-да, и поняла, что она все еще его любит. Черт возьми, Гейл, купиться на такое! Тебя же просто использовали!

- Просто я сама в скором времени собиралась стать женой вот и решила помочь...

- Ох, Гейл, - вздохнула я, - ты не создана для этого мира...

История неприятная – ничего не скажешь. Гейл я об этом не сказала, но чем больше подробностей всплывало, тем яснее я понимала, что все мои усилия, предпринимаемые для того, чтобы помочь Гейл, могут оказаться напрасными. Судя по всему, Гейл стала жертвой настоящего заговора. Тщательно продуманного и спланированного, хотя в случае с Гейл можно было бы ничего и не продумывать – она бы поверила и не в такое. Главное ведь рассказать слезливую историю...

- У тебя есть предположения о том, кто мог бы желать тебе зла?

- Нет, - Гейл помотала головой, - да и за что? Я ведь сама никому его не причиняла – разве что ненароком... Кто вообще мог поступить со мной так жестоко?

- Очевидно кто-то, чьи представления о морали несколько отличаются от твоих...

- Мне просто интересно... Быть может, я обидела кого-то и даже не знаю об этом...

- Пока оставим это, Гейл... В нашем деле причина – дело сто первой важности. А вот последствия...

Гейл посмотрела на свои сморщенные старческие руки, которые еще несколько дней назад были изящными и молодыми. Я заметила, что за время нашего разговора она постарела еще немного – процесс был быстрым. Еще немного и... И что?

- Нам нужно найти эту женщину, - сказала Гейл. – Я должна знать, за что она поступила со мной таким образом...

- Сейчас важнее другое, - напомнила я. – Мы должны обратить процесс вспять. Я не хочу потерять лучшую подругу.

- Ты хочешь воспроизвести ритуал?

- Почему бы нет? Я почти уверена, что во время предыдущего сеанса эта особа что-то сделала. Заставила работать твою магию иначе.

- Но я никогда не ссорилась с теми, кто практикует магию!

- Но ты знаешь их достаточно хорошо, чтобы понять, что с ними и не обязательно ссориться...

- Это может быть опасно, - сказала Гейл. – Воссоздание ритуала мало кому под силу...

- Вот мы и рискнем.

Гейл была, конечно, права. В конце концов, речь шла вовсе не о том, чтобы провести ритуал вторично (на Гейл, ставшую жертвой черной магии, он бы просто не подействовал). А именно о воссоздании того ритуала, что был проведен Гейл (и, как выяснилось, некой неизвестной и зловещей особой) несколько дней назад. Все мы знаем, что ни одно событие не повторяется дважды (точно так же в мире нет двух абсолютно одинаковых предметов). Всегда есть какие-либо различия, порой, весьма незначительные и для невооруженного глаза незаметные. Но магия хранит в себе ключи к преодолению едва ли не всех физических законов и естественных процессов, предусмотренных мудрым мирозданием. Магия – все равно что компьютерный вирус, нарушающий привычный порядок вещей и способный, если использовать магию неумело или во зло, обрушить всю «систему», как говорят программисты. Стоит ли объяснять, чем может обернуться воссоздание какого-либо процесса? Если меня вдруг постигнет неудача, хорошо еще, если последствия коснутся только меня и Гейл! При ином раскладе может пострадать целый город...

И все же я решила рискнуть. На кону была жизнь Гейл – сокровище лично для меня бесценное.

Ритуал было решено воссоздать следующей ночью – время подходило идеально. Я раздобыла живых роз и лаванды, пополнила запас розовых свечей (Гейл так и не решилась выйти из квартиры), мы разгородили комнату (все, как и в прошлый раз) и выволокли в самый центр высокое старинное зеркало.

- Посмотри внимательно, Гейл, - попросила я, - мы ничего не упустили?

- Кажется, ничего, - Гейл осмотрелась.

- Кажется или ничего? Ты же знаешь, в этом деле важно ничего не упустить. Иначе мы с тобой отправимся напрямиком в черную дыру.

Гейл прошла по комнате, зачем-то проверила цветы на подоконнике и в контейнере за окном, поправила покрывала на креслах и диванчике, придвинутых к стене, бегло проверила картины на стенах. Разумеется, в точности обстановку воссоздать нельзя – что-то всегда будет сдвинуто чуть правее или чуть левее, на миллиметр больше или меньше, слой пыли на полу будет чуть толще, а полная луна за окном покажется более или менее яркой, чем в ту – злосчастную – ночь. Но для ритуала, который я собиралась провести достаточно простой видимости – в противном случае, человеку было бы не под силу его провести!

- Все ок, - сказала Гейл.

- Тогда остается дождаться наступления ночи...

Если я все сделаю правильно, - подумала я, - то к утру ты снова будешь прежней Гейл...

Гейл села на краешек кресла. Я заметила, что у нее сильно дрожат руки. От волнения или от старости? А, может быть, от того и от другого?

- Я понимаю, что тебе сейчас очень трудно, - сказала я, - но постарайся не давать волю чувствам. Ты в надежных руках, - я показала Гейл свои растопыренные пятерни и улыбнулась.

- Я знаю, - она вернула мне улыбку. – Но все равно, мне ужасно страшно...

- Мне тоже страшно – ведь в случае провала, пострадаем мы обе...

- Прошу тебя, не надо о последствиях...
  - ...И добрая половина Сан-Франциско, - продолжала я.
- Гейл хихикнула.
- Это бодрит, - сказала я, и мы обе буквально прыснули.

Вообще говоря, ритуал омоложения – совсем несложный. Имея достаточно опыта, его можно проводить по несколько раз на дню/за ночь. Но данный ритуал был осложнен двумя вещами:

1. тем, что во время него я одновременно проводила другой ритуал – ритуал воссоздания;
2. и розовыми свечами, точнее их непомерным количеством – сорок пять штук! Только зажигать устанешь.

Теперь я исполняла роль Гейл, а Гейл – роль своей зловещей гостьи. Лунный свет лился через раскрытое окно, придавая комнате какой-то призрачный оттенок. Вокруг зеркала, в котором отражался кусок звездного неба, я разложила розы и лаванду, образовав что-то вроде зачарованного круга. Гейл оказалась внутри этого круга, лицом к зеркалу и не могла до окончания ритуала переступить его границ. Теперь оставалось лишь зажечь свечи.

Пока я – одну за другой – зажигала все сорок пять свечей, меня так и подмывало отпустить какую-нибудь шуточку по этому поводу, но – увы – ритуал шуток не предусматривал. Если бы половину Сан-Франциско затянуло в черную дыру только из-за того, что одна ведьма, которая помнит еще падение Вавилонской башни, не смогла удержать язык за зубами – это было бы апофеозом иронии. Но я все-таки решила не превращать ритуал воссоздания в Маппет-шоу и продолжила зажигать свечи.

Правда, перед тем как проводить ритуал мы установили вокруг дома Гейл своего рода защиту – настолько сильную, насколько мы могли себе это позволить (в конце концов, проведение сразу двух ритуалов одновременно тоже требовало сил – и немалых). Защита должна была, в случае нашего провала, ограничить, так сказать, «зону поражения» пределами комнаты Гейл. Во всяком случае, мы на это надеялись.

Над каждой зажженной свечой я шепотом произносила тайное слово, которое, собственно, и превращало процесс зажигания свечи в сакральный ритуал. Едва только слово, шурша, срывалось с моих губ, узкое пламя свечи замирало на несколько мгновений, останавливая таяние свечи. Сам по себе, ритуал омоложения очень красивый и торжественный – даром, что проводится в серебряном сиянии полной луны. В былые времена колдуньи охотно проводили его – наша профессия редко когда бывает настолько праздничной. Впрочем, мне было не до праздника – ведь каждое мое движение в точности копировало движение Гейл во время того злосчастного ритуала. Я уже не просто исполняла ее роль – я была ею. Точно так же Гейл была своей посетительницей. Я, кстати, надеялась использовать это обстоятельство – ведь если Гейл побывала в шкуре незнакомки, стало быть, ей стало известно, кто она такая, может быть, Гейл даже разобрала ее мысли в тот момент. Сделать это было несложно – воспоминания о ритуале навсегда запечатлелись в стенах этой комнаты, и теперь, подобно бутафорским костюмам или маскам из театрального гардероба, они ждали новых исполнителей старых ролей. Меня. И Гейл.

Не сказать бы, что мне особенно понравилось *быть* Гейл – тем более, что собой я быть не переставала. Раздвоение, которое дало о себе знать сразу же, сильно мешало и отвлекало. Сосредоточившись на процессе, я чуть не каждую секунду гнала прочь мысли о Лео, о Царстве Вечной Любви, о каких-то дельфинах, резвящихся далеко в море, о Матери Природе и ее бесценных дарах (именно так, слово в слово!) – боже, чего только не было в голове у этой женщины! Помимо мыслей был еще целый поток образов – чьи-то лица, пейзажи, какие-то картины, непременно в светлых тонах. Затем нахлынули и чувства – Гейл совершенно искренне хотела помочь этой женщине, хотела поделиться с

ней своим счастьем, пусть и пытаюсь обойти правила, установленный Матушкой Природой, горячо обожаемой Гейл.. В наше время такое встретишь не часто. Гейл в гораздо большей степени, чем даже я была пережитком прошлого. Она не признавала (и не хотела признавать) современного мира со всеми ее не слишком приятными реалиями – всю эту ложь, жестокость, бездушные политические игры и т.д. Она была предана каким-то высшим идеалам, какие теперь встретишь разве что в очень старой книжке. Внутренним взором я увидела, как Гейл (то бишь я) дает себе клятву использовать свой дар только во благо. Стоит ли говорить, что Гейл приходилось непросто. С каждым годом мир вокруг нее становился все более лживым и хитрым. Простым и бескорыстным людям, вроде Гейл, больше не было в нем место – в лучшем случае она объявлялись чудаками или сумасшедшими.

Примерно все это я переживала на собственной шкуре, зажигая свечи и произнося заклинание. Мне даже стало как-то неудобно за свою принадлежность к «бездушному капиталистическому миру». Честно говоря, я знала, что все это действие дастся мне очень нелегко – но я даже не подозревала насколько! Теперь я уже и не знаю, что было для меня сложнее – проводить сразу два ритуала или быть Гейл?

Но я даже и представить не могла, что испытывал в тот момент Гейл. В отличие от меня она превратилась в полную свою противоположность. В женщину, которая была хитрее и опаснее окружающего мира. В женщину, которая ради своих интересов приносила в жертву жизни других людей. В женщину, по венам которой, вместо крови, текло густое черное зло.

В момент, когда последняя свеча была зажжена, меня вдруг охватила сильная дрожь – значит, магия действовала. Гейл стояла, глядя в черное зеркало, и что-то бормотала. Я поняла, что именно так поступила в ту злосчастную ночь незнакомка – вывернула магию Гейл наизнанку. Должно быть, Гейл просто не придавала дрожи особого значения – в конце концов, она проводила ритуал с сорока пятью свечами, и дрожь могла быть прямым следствием этого.

Ритуал, между тем, близился к завершению. Дрожь, охватившая меня, в какой-то момент настолько усилилась, что я едва устояла на ногах. Теперь, чтобы не оказаться на месте Гейл навсегда (стареть-то мне не особенно и хотелось), я должна была сначала завершить ритуал воссоздания. Я произнесла Финальное Слово и сразу же – Слово Защиты. Не ахти как изобретательно (Дориан наверняка бы отпустил по этому поводу какую-нибудь ехидную шуточку), зато эффективно. Я почувствовала, как мое тело покидает что-то – липкое и скользкое, словно огромная медуза просачивалась сквозь поры моей кожи.

Тем временем Гейл сильно шатнуло в сторону, и она едва не упала. Она отошла к креслу и буквально упала в него. Все сорок пять зажженных свечей, как по команде, одновременно потухли – точно бы их задуло дыхание невидимого великана, притаившегося за открытым окном.

- Ты как? – спросила я Гейл, и сама чувствуя, что меня начинает качать.

- Ужасная слабость, - донесся до меня едва различимый голос Гейл.

Я кивнула в сторону окна.

- Город вроде тоже в порядке...

- А ты как? – спросила Гейл.

Я доковыляла до диванчика и развалилась на нем.

- Такое ощущение, что неделю ничего не ела.

- Нужно было заказать пиццу, - сказала Гейл.

- Вот еще, не хватало, чтобы разносчик пиццы все испортил...

Некоторое время мы молчали.

- Я все знаю, - сказала Гейл. – О той женщине, которая ко мне приходила...

- Я надеялась на это. Я сама была тобой.

- Почему ты не предупредила меня об этой... особенностях ритуала?

- Некогда было объяснять...

Когда я наконец немного отдохнула, я встала и включила в комнате свет. В кресле, уставшая и измученная, сидела прежняя Гейл. На ее красивом, добром лице не осталось и следа недавних морщин. Магия ушла сразу – ничего удивительного, что мы обе оказались буквально раздавлены чудовищной усталостью.

- Теперь, наверное, можно и пиццу заказать, - сказала я.

- Вегетарианскую, - уточнила Гейл.

Мы расположились в комнате, за круглым столом, на котором стояла раскрытая коробка с пиццей.

- Все гораздо банальнее, чем я думала, - сказала Гейл.

- Так всегда и бывает.

- Эта женщина проделала со мной все эти фокусы только потому, что считала меня конкуренткой, представляешь? Такая нелепость...

Женщину звали Норма Мэй Фитцпатрик. Она многое знала и многое умела и уже давно наблюдала за Гейл. Гейл была ее полной противоположностью. Улыбчивая, приветливая и веселая, она быстро находила с людьми общий язык – то, в чем Норме Мэй не могла помочь никакая магия. Очень скоро Норма Мэй стала воспринимать Гейл, как своего конкурента и чуть ли не главного врага. Настолько силен был антагонизм. Ее выходка с ритуалом омоложения была своего родом отчаянным шагом. Ему предшествовали десятки попыток наслать на Гейл порчу – каждая из которых завершалась неудачей. Вокруг Гейл словно бы присутствовала некая защитная аура, прорваться сквозь которую Норма Мэй была не в состоянии. И вот тогда она решилась на личный контакт. Разумеется, пойти к Гейл просто так она не могла. Поэтому Норма Мэй создала иллюзию – она вообще в совершенстве владела этим искусством, искусством иллюзии – старой и несчастной женщины, которая за свою долгую жизнь не успела совершить ничего из того, о чем когда-то мечтала. Гейл было сложно понять ход мыслей мисс Фитцпатрик, даже не смотря на то, что ей довелось побывать в ее школе.

Норма Мэй уже давно промышляла черной магией – оказывала людям разного рода «услуги». В основном, всякая мерзость – порча, морок, изготовление разных зелий, которые могли на время обезволить человека. Обычно ее услугами пользовались разного рода мерзавцы, готовые заплатить приличную сумму только за то, чтобы посмотреть на мучения мешающего им человека. Пути Гейл и Нормы Мэй нередко пересекались – Гейл снимала порчу, избавляла бедных девушек от действия изготовленных Нормой Мэй зелий и т.д. Иными словами, сводила все усилия Нормы Мэй на нет. Разумеется, долго терпеть подобное Норма Мэй просто не могла. В конце концов, Гейл стала причиной того, что количество ее постоянных клиентов резко сократилось. Некоторые из них – неслыханная наглость – даже заявлялись к ней и требовали назад свои деньги, так как девушка или юноша, волей которых они завладели, больше не подчинялись их приказам. И потому Норма Мэй решила устранить Гейл. Она прекрасно понимала, что справиться в «честном поединке» с Гейл ей просто не удастся – Гейл была более опытной, более могущественной, более сильной. Но зачем прибегать к какому-то честному поединку, когда всегда можно воспользоваться хитростью, против которой даже Гейл была беззащитна? Тем более что за всю свою достаточно долгую жизнь мисс Фитцпатрик ни разу не поступала по совести. План ее был очень прост – попросить провести ритуал омоложения и в самый решающий момент, перед зеркалом произнести специальное заклинание, превращающее ритуал в свою собственную противоположность. Сказано – сделано. Но Норма Мэй не учла, что у Гейл есть друзья, всегда готовые прийти ей на помощь. Конечно, ведь у нее самой друзей не было вообще.

Утром, толком не выспавшись, мы отправились к Норме Мэй – провести разъяснительную беседу. Перед ее домом мы увидели машину скорой помощи. Два санитаров затаскивали в нее наглухо застегнутый черный мешок.

- Что здесь случилось? – спросила Гейл одного из них.

Тот посмотрел на нее с подозрением.

- Обычное дело. Человек умер.

- Это – Норма Мэй?

- Нет, какая-то старуха... Мисс Фитцпатрик куда-то исчезла. Непонятно, что старуха делала в ее квартире. Соседи сказали, что мисс Фитцпатрик была гадалкой или кем-то в этом роде. У нее в доме настоящий бардак – всякое оккультное барахло... Сейчас во всем разбирается полиция. Хотите поговорить с ними?

Я поспешила вмешаться раньше Гейл.

- Нет, мы как раз шли, чтобы нам погадали на Таро, но раз такие дела, думаю, мы лучше обратимся к кому-нибудь еще.

- Чертовски правильно, - санитар кивнул, - чертово местечко, у меня от него мурашки по коже...

Когда мы отошли на некоторое расстояние, Гейл испуганно воскликнула:

- Мы убили ее!

- Думаешь, нас будут искать? Сколько до мексиканской границы? Успеем?

- Это не шутки! Мы виноваты в смерти человека!

- Успокойся, Гейл. Ты же понимаешь, что мы здесь не при чем? Мы ведь просто вернули Норме Мэй ее магию – только и всего. Мы отдали то, что принадлежало Норме Мэй. Если уж кто и виноват в ее смерти – так это она сама. Знаешь такую поговорку: как аукнется, так и откликнется?

- Я не понимаю по-русски, - угрюмо пробормотала Гейл.

- Не важно. Я все это к тому, что любое действие обычно имеет последствия. Мы сами выбираем, как нам поступать и что делать – поэтому должны быть готовы к любому повороту. Норма Мэй хотела убить тебя, Гейл, но в результате пострадала сама.

Гейл промолчала, но я знала, что она полностью согласна со мной.

Правда очень скоро Гейл повеселела. В конце концов, ее ждала свадьба – событие радостное и торжественное. Мне пришлось задержаться, впрочем, свадьба – это уже совсем другая история.

Глава Седьмая

Иногда мне казалось, что я плыву. Точнее, течение несет меня куда-то – медленное, но упорное течение. Ощущения были такие, словно бы у меня не было тела. И, тем не менее, я чувствовала, что плыву куда-то в неизвестном направлении. Течение было теплым и ласковым – точно бы я снова очутилась в материнской утробе. Быть может, у меня в самом деле больше не было тела? Я вряд ли бы смогла ответить на этот вопрос – мои мысли перестали подчиняться мне. Их, как и меня, уносило течением.

В какой-то момент течение превратилось в стремительный поток, точно бы я больше не плыла – а летела. Сильный, чудовищный ветер – возможно, ураган или шторм – уносил меня, как легкую незначительную пылинку. Мысли у меня в голове проносились с огромной скоростью, сливаясь в тошнотворный поток образов и звуков. Я что-то бормотала, но сама не могла разобрать что именно. Мыслей было так много, – и каждая из них просилась на язык – что я не успевала их высказать. В результате слова превращались в нечленораздельную кашу. Я вдруг ощутила сильную тошноту. Слова, точно живые, выскакивали из моего рта и тут же терялись в окружившей меня плотной темноте.

Темнота глотала звуки, не оставляя даже эха. Быть может, меня просто накачали наркотиками?

Постепенно сознание – хотя нет, не сознание, а какая-то крошечная его часть – возвращалось ко мне. Я попыталась хоть как-то осмыслить свое нынешнее положение, но у меня снова ничего не вышло. Слова нескончаемым потоком срывались с моих губ, я уже содрала себе горло, меня словно бы рвало ими. Я не чувствовала ни рук, ни ног. Словно бы все, что осталось от моего тела – это рот, яростно и остервенело выплевывающий бессвязные звуки. А, быть может, я и была этим ртом? Огромным неугомонным ртом, разговаривающим посреди крошечной темноты. Но тогда откуда взялось сознание? Мысли? Значит, у меня все еще была голова? А если у меня все еще была головой, то логично предположить, что и другие части моего тела по-прежнему на месте.

Проделать эту крайне нехитрую, доступную и двухлетнему ребенку, цепочку размышлений, стоило мне чудовищно невероятных усилий, так что, когда я закончила «думать», я вдруг ощутила сильную усталость. Мне захотелось спать, и я уснула.

Когда я проснулась неизвестное количество времени спустя (пять часов? десять? несколько дней? вечность?), меня по-прежнему окружала все та же темнота. Правда в голове у меня все успокоилось, я больше не орала, как одержимая разным бредом, и тошнота отступила. Я по-прежнему не чувствовала своих рук и ног, но каким-то образом знала, что они у меня есть.

Я не помнила ничего с того момента, как проснулась тогда среди ночи от кошмара и увидела у окна таинственный силуэт. Кажется, это был художник – или кто-то (что-то), нацепивший его лицо. Вообще, это возможно нацепить чье-либо лицо? В том мире, в котором живет большинство людей, конечно, нет, невозможно, что за ерунда, нацепить чье-то лицо, скажете тоже... Но в том мире, который окружал меня, это было возможно, еще как возможно, это было возможней возможного, возможней неба, возможней травы, возможней снега и солнца, возможно...

Мое сознание снова стало «уносить». Я почувствовала как теряю над собой контроль. Надо мной склонилось чье-то большое и круглое лицо с открытым, очерченным яркой красной краской ртом.

- Открой свой ротик пошире, - сказал Мсье Баттерфляй (теперь я видела, что это был он), - папа даст тебе таблетку...

Его длинные белые пальцы потянулись к моему лицу, коснулись моих губ и стали грубо приоткрывать их. Я что было сил стиснула челюсти. Мсье Баттерфляй отдернул руку.

- Ай! Ты откусила мне палец, дрянь!

- Тебя нет, - сказала я. – Ты ненастоящий...

- Это тебя нет! – крикнула Мсье Баттерфляй, склонившись надо мною. – Это ты ненастоящая, стерва...

- Тогда как же я смогла откусить тебе твой чертов палец?

Мсье Баттерфляй куда-то исчез. Я и правда ощутила во рту солоноватый привкус крови. Неужели я действительно отхватила палец этому уроду? Мог ли мсье Баттерфляй существовать отдельно от Дориана? Зачем он появился здесь? Быть может, это он похитил меня? Быть может, это он был тогда в моей комнате у окна? Или я просто прикусила себе губу?

- Скорее всего, все обстоит именно так, - подумала я, наслаждаясь уже одной этой возможностью – свободно думать. – Видимо, у меня продолжаются галлюцинации, и я прикусила себе губу...

Но почему я не чувствую боли? Побочные действия наркотика? Конечно, если меня действительно накачали наркотиками...

Где-то, совсем рядом раздались шаги. Интересно, настоящие? Или галлюцинация? Я не знала.

- Кто здесь? – спросила я (или подумала, что спросила).

Нет ответа.

- Здесь кто-нибудь есть?

И вновь тишина.

Тем не мене шаги не прекращались. Кто-то ходил вокруг меня кругами. Как кот вокруг миски со сметаной. Я представила себя в виде миски со сметаной, и мне стало смешно. Я хихикнула.

Шаги замерли.

- Ты где, принцесса? – спросил чей-то голос.

Мне потребовалось ужасно много времени, чтобы распознать этот голос. Это был Дориан. Ну да, конечно, кто же еще это мог быть? Кто еще станет кружить вокруг меня и не отвечать на вопросы.

- Дори, - крикнула я (или подумала, что крикнула), - покружи вокруг меня еще немного и, клянусь, я применю на тебе одно из своих словечек...

- Глупая девочка превратит меня в уродливую жабу? – спросил мсье Баттерфляй. Он был где-то рядом, но теперь я не видела его.

- Ты и так уродлив, - ответила я. – У тебя нет пальца. Я откусила тебе твой палец. У тебя нет пальца и ты ненастоящий.

- Я отрастил себе новый! – победно выкрикнул мсье Баттерфляй. – Я могу вырастить себе целый букет длинных шевелящихся пальцев!

- Принцесса, ты где? – продолжал звать меня Дориан.

- Ты тоже ненастоящий, - сказала я.

Собственно, теперь я не была уверена даже в том, являюсь ли настоящей я сама. Вдруг, меня подменили. Вавилонские колдуны и не такое умели. Они могли подменить меня, пока я спала. Они могли заставить того художника исчезнуть. Есть ли связь между тем, что случилось с художником и тем, что происходит сейчас со мной? Вероятно, это был первый *правильный* вопрос, который я задала себе. Первый серьезный вопрос, с тех пор, как я проснулась среди ночи и увидела кого-то (некто) возле окна. Первый вопрос, который был вызван не бредовыми галлюцинациями, а возвратившейся ко мне способностью думать.

Словно бы отзываясь на эту мою мысль, передо мной появился художник.

- Что ты здесь делаешь? – спросила я. – Я думаю, что ты тоже ненастоящий. Настоящий ты умер.

- Но ты не видела моего тела, - сказал художник.

- Это не обязательно, - сказала я.

- Ты слишком доверчива, - сказал он.

- При чем здесь моя доверчивость? – спросила я.

- Доверчивость всегда при чем.

- Я не доверчива. Тебе показалось. Например, сейчас я не верю ни одному твоему слову. Я не верю даже, что ты – это ты. По-твоему, я все еще слишком доверчива?

- Это несущественно.

Мне вдруг стало смешно из-за этих его слов. Я прыснула.

- Ты такой смешной, - сказала я.

- Я смешной, а у тебя истерика, - сказал он.

Я прекратила смеяться.

- Нет у меня никакой истерика. Тебе показалось.

- Ты думаешь, - сказал он, - что ничего этого нет.

Он обвел руками окружавшую нас темноту.

- Что это все ненастоящее.

- Ну да, - согласилась я, - вполне может оказаться, что я лежу в данный момент в кровати и просто...сплю...

- Ты не спишь.

- А что же я, по твоему, делаю?

- Путешествуешь.

Мне снова стало смешно. Сквозь хихиканье, я сказала:

- Путешествую? Я в каком-нибудь поезде?..

Художник улыбнулся.

- Что-то вроде того.

- А добрый проводник принесет мне чай в купе?

- Все что ты видишь вокруг...

- Ты хочешь сказать: все, что я *не* вижу вокруг...

- Все что ты видишь вокруг, - повторил, проигнорировав мою шутку, - это – миры.

- Какие еще миры?

- Миры – это то, что тебя окружает.

- В данный момент?

- Именно. В данный момент. В данный момент вокруг тебя миллионы миров.

- Прекрати пудрить мне мозги, - сказала я. – Сначала умираешь, потом заявляешься ко мне среди ночи, может быть, даже похищаешь меня, а потом с невозмутимым видом рассказываешь, как я замечательно путешествую по мирам.

- Есть множество способов путешествия по мирам, - сказал он. – И это лишь один из них. Не лучший и не худший.

- Допустим, - сказала я, устав спорить. – И к чему ты мне все это наговорил?

- Помимо миров, - невозмутимо продолжил он. – Существует память. Твои воспоминания. Это тоже миры. Только во времени, а не в пространстве.

- И они тоже нас окружают?

- В какой-то степени.

- Так зачем ты говоришь мне это?

- Тебя ждет путешествие, - сказал он.

- Путешествие?

- Ты должна будешь посетить несколько мест.

- Зачем?

- Чтобы найти ответы.

- Что за ответы?

- Ты знаешь, что за ответы, - сказал он.

- Не имею ни малейшего понятия, - сказала я, почти не думая.

- Ответы, которые помогут тебе сложить пазл воедино...

- Ты же уже знаешь их? Так почему бы тебе просто не рассказать мне обо всем? Сэкономим уйму времени... Честно говоря, у меня сейчас не то настроение, чтобы отправляться в путешествие. И вообще – я хочу домой.

- Моя роль, - сказал он, - состоит не в том, чтобы «просто рассказать тебе обо всем».

Моя роль...

- А я думала, твоя роль давно уже сыграна, - нетерпеливо перебила его я.

- Скоро будет, - успокоил меня он, - но пока еще я должен произнести пару-другую реплик. Так вот, моя роль состоит в том, чтобы подготовить тебя к путешествию – оно будет долгим и утомительным.

От злости я едва не откусила себе язык. Долгим и утомительным – вы только подумайте! Мне захотелось подняться и отвесить ему хорошую затрещину, но ног я по-прежнему не чувствовала. Как, впрочем, и рук.

- Чем ты меня накачал?

- Ничем.

- Чем ты меня накачал?

- Просто твой мозг так специфически реагирует на ту...среду, в которой ты сейчас находишься...

- Наркотики, - сказала я, обращаясь больше к самой себе, чем к нему, - ну конечно, ты дал мне каких-то наркотиков...

- А я полагал, что у нас наконец-то начал получаться диалог.
- Извини, приятель – я не веду диалогов с покойниками.
- Что ж, видимо для моей роли потребуется еще несколько реплик.
- Будешь и дальше морочить мне голову насчет миров, которые нас окружают?
- Но это действительно так. И тебе необходимо попасть в один из них. Именно там ты найдешь ответы. Пойми, это очень важно.

- Настолько важно, чтобы накачивать меня какой-то дрянью?
- Пусть так, - сказал он, - не стану больше спорить – это бессмысленно. Но так или иначе, я должен, - он замолчал, подбирая слово, - я должен проинструктировать тебя.
- Валяй, - сдалась я.

Я и правда устала препираться с ним, тем более, что эти препирательства так ничего мне и не дали. Так что я, собравшись с мыслями (или с тем, что в данный момент мне их заменяло), решила просто молча выслушать все, что он мне расскажет. Да и выбора у меня, похоже, не было.

- Спасибо, - сказал художник, и мне показалось, что он вздохнул с облегчением. – Я постараюсь подготовить тебя к тому, что ждет тебя впереди.

- Судя по всему, ничего хорошего меня не ждет, - мрачно усмехнулась я.
- Это с какой стороны посмотреть. Да и то, чем все это закончится – тоже неизвестно. Так что давай будем оптимистами.

- Ты говорил про миры.
- Да, миры окружают тебя со всех сторон. Но и твоя память, то, что ты так бережно сохраняешь у себя в голове – это тоже миры, порой, даже более реальные чем те, по которым ты путешествуешь. Поэтому, когда я говорю тебе о предстоящем путешествии, я имею в виду путешествие скорее во времени, чем в пространстве.

Меня вдруг осенило.

- Так вот зачем ты здесь. Хочешь отправить меня в прошлое? Пустая затея – его все равно не изменить. Прости, но я не смогу вернуться на пару месяцев назад и спасти тебе жизнь. Мне бы хотелось этого, но это просто невозможно...

- Меня уже не спасти, - сказал он. – Да и я здесь не за этим. Никто не собирается менять прошлое.

Его слова удивили меня.

- А зачем тогда ты все это... все это устроил?
- Нам нужны ответы, забыла? Ответы, которые ты прячешь сама от себя в своих мирах-воспоминаниях. Ответы – цель твоего путешествия. И я научу тебя, как их получить.

- Знаешь, - сказала я, - я ведь уже начала забывать о том, что произошло, почти пришла в себя.

- Знаю, - сказал он, - мне очень жаль, что приходится поступать с тобой таким жестоким образом, но на карту поставлено слишком много. Эта история началась не месяц назад, не год и не два – тебе придется заглянуть глубоко в прошлое. Только так – по коридору из собственных воспоминаний, собирая по пути ответы – ты сможешь разомкнуть цепь миров и попасть в то место, в которое я должен привести тебя.

- Как-то чересчур витиевато, - сказала я.

- Может быть.

- Так что от меня требуется?

- Все очень просто. Вспомнить.

- Что именно?

- Тебе виднее. Я не заглядывал к тебе в память. Так что – откуда мне знать?

- Интересно получается, - хмыкнула я, - я должна вспомнить неизвестно что?

- Это только первое впечатление, - сказал он, - что это невозможно. На самом деле все гораздо проще.

- Куда уж проще – пойдешь туда, не знаю куда, найди то, не знаю что...

- Твоя память – это как театральная сцена. И только от тебя зависит, какой именно спектакль разыгрывается на ней в конкретный момент. В конце концов, все, что от тебя требуется – правильно расставить актеров.

- Ты выражаешься слишком образно для призрака, - сказала я.

- Просто вспомни название пьесы, название спектакля – и увидишь, актеры сами выйдут на сцену. Это очень просто.

Не смотря на его привычку изъясняться при помощи загадок и туманных двусмысленностей, до меня стал доходить истинный смысл его слов. Если я все правильно поняла, то я оказалась в этом странном месте по той причине, что все произошедшее со мной за последние месяцы не было случайностью, а уходило корнями вглубь моего прошлого. То есть касалось меня напрямую. Вполне возможно, что в это были втянуты близкие для меня люди. Так с чего мне следовало начать? С падения Башни? С разрушенного города? С исчезновения моей матери? С моих странствий? Или?..

- Тебе лишь только нужно начать – все остальное пойдет, как по маслу. Место, где мы сейчас находимся, - особенное. Это своего рода колодец. Тоннель. Он способен оживить даже мертвые, навсегда забытые воспоминания.

Или?.. Если подумать, моя история началась в тот день, когда стараниями моего отца и группы его «единомышленников», чудовищная громада башни – символ неумной человеческой гордыни – обрушилась на прекрасный Вавилон, мой родной город, который, как мне тогда казалось, простоят вечно. Вероятно, уже тогда определились первые участники игры, я могла назвать их, не загибая пальцев. Разумеется, центральной фигурой разыгравшегося действия была моя мать – хранительница главных секретов и ответов на все вопросы, которые когда-либо волновали меня. Теперь я больше не сомневалась, я знала, что именно мне предстоит сделать. Какой же душой я была, когда решила махнуть рукой на все, когда решила забыть обо всем и жить дальше – просто жить дальше, как ни в чем не бывало, закрывая глаза на все то, что буквально бурлило вокруг меня. Визит ко мне художника, конечно, не был простой случайностью – все это было предрешиено, предрешиено еще в тот момент, когда Башня погребла под собой Вавилон со всеми его жителями, именно тогда все и началось, началось по настоящему. И моя мать, разумеется, знала обо всем – потому и оставила меня одну на том холме, ведь теперь у меня была своя судьба и своя роль.

Все эти мысли, обретшие вдруг ясность и четкость, пронеслись у меня в голове с умопомрачительной скоростью, но теперь это не причиняло мне неудобств - вероятно, сказывалось воздействие места, тоннеля, в котором я находилась.

Однако, трагические события в Вавилоне – были лишь грандиозной прелюдией, началом пути, на котором мне предстояло встретить и других персонажей драмы. В моей жизни было немало моментов и событий, которые я могла бы назвать ключевыми. И теперь, когда чувства и трезвый рассудок возвратились ко мне, я быстро перебирала их в уме – будто бы тасовала толстую колоду каких-то диковинных карт. Я вспоминала все дороги, по которым когда-либо ступала моя нога, дома, в которых я останавливалась на ночлег или спасалась от преследования, лесные чащобы, через которые вела меня моя судьба – все эти бесконечные места, которые совершенно неожиданно стали складываться в огромную изощренную мозаику. Теперь я видела, что совершенно незначительные события, которые когда-то ускользнули от моего внимания, слова, сказанные случайно встреченными мною людьми, которые я пропустила мимо ушей, незначительные совпадения и случайности – все это было тесно связанными между собой символами, значения которых можно было постичь лишь сложив их воедино. Внезапное открытие этой тесной связи, которая едва уловимой нитью проходила через всю мою жизнь, наполнило мое тело какой-то нечеловеческой бодростью. Было похоже, будто мне и вправду вкололи каких-то наркотиков, от которых уровень адреналина в моей крови подскочил просто до небес.

- Кажется, я начинаю что-то понимать, - сказала я.

Художник не ответил. Быть может, он исчез, потому что надобности в нем больше не было? Я не стала проверять – не хотела отвлекаться от охвативших меня мыслей. Боялась упустить хотя бы одну. Я словно бы заглянула внутрь своей головы – ощущение одновременно совершенно фантастическое и дикое. Воспоминания выстроились передо мной в длинную шеренгу, словно бы предлагая выбирать наугад. Я знала, что должна найти точку отсчета – тот самый поворотный момент, с которого все началось.

Я вспомнила прекрасную Александрию с ее восхитительной библиотекой – я провела там несколько насыщенных лет и всерьез раздумывала над тем, чтобы навсегда остаться в этом удивительном городе. Меня не смущало даже то, что место магии, которая была душой Вавилона, в Александрии занимала наука. Мне казалось, что я нашла свой второй дом и что мне суждено навсегда остаться в этом городе ученых и философов, но по известным причинам моим планам не суждено было сбыться. Последнее, что я помню об Александрии – охваченную огнем библиотеку, из которой служители, все, как один преданные своему делу, пытаются спасти особо ценные тома. Я бежала из Александрии, как в свое время из родного Вавилона.

Теперь события тех дней снова предстали перед моими глазами – я могла рассмотреть каждую складку на одежде, различить отблески жадного ревущего пламени, расслышать свист налетевшего ветра и ощутить вкус пепла на губах. Я даже закашлялась от запаха гари. Я смотрела, как своды библиотеки рушатся, хороня под развалинами бесценные тома, источники мудрости и вдохновения, каковые не прочтут больше ничьи глаза.

Однако, чем больше я всматривалась в это воспоминание, тем отчетливее понимала, что, не смотря на всю значимость для меня александрийской трагедии, это не то событие, на которое мне стоит обратить свое внимание.

История начиналась позже.

Позже.

Теперь перед моим взглядом предстал Рим – упадок и разорение уже подступили к его воротам, но никто в городе даже не подозревал об этом. Жизнь здесь шла своим чередом – коррумпированные чиновники погрязли в разврате (похоже на наше время, не правда ли?), в центре города – в Колизее – продолжало разыгрываться уродливое и жестокое действо, подлинно народная мистерия, всякий раз собиравшая такой аншлаг, который не снился ни одному современному певцу или артисту, в грязных переулках, залитых нечистотами, каждую ночь кого-нибудь грабили и убивали, а за стенами домов происходила тайная жизнь – десятки самых разных культов устраивали свои ночные сборища, приносили в жертву богам животных (а иногда и людей), моля ниспослать на вечный город жесточайшее из возможных наказаний, даже не догадываясь о том, что очень скоро их просьбы будут исполнены. Во всем этом безобразии порой принимали участие и именитые поэты, властители дум просвещенной молодежи, все как один поддавшиеся пьянящему дыханию распада. Время от времени о деятельности того или иного культа становилась известно властям, и тогда, прямо посреди службы, в дом вваливались римские солдаты, беспощадно истребляя всех участников «священного действия». Я провела в Риме в общей сложности около десяти лет, хотя никогда особенно не любила этого города. В те времена он воплощал собой всю жестокость этого мира – а от молниеносной смены Цезарей – один безумнее другого – ничего не менялось. Постоянные убийства в рядах знати, перевороты и противостояния семей отзывались точно таким же хаосом во всех слоях тогдашнего опыта. Убийство человека было в Риме чем-то настолько обыденным, что не удостаивалось даже упоминания в простом будничном разговоре двух приятелей или местных сплетниц.

И когда на Рим обрушились толпы варваров, я восприняла это как вполне закономерное наказание.

Теперь я вглядывалась в события тех дней, не испытывая ничего, кроме отвращения и ужаса. Настолько сильно подействовали на меня подробности. Я даже

подумала, что в древности люди были, как физически, так и душевно более сильными и выносливыми. Я вспоминала свою жизнь в Риме и видела одни только трупы – трупы несчастных сектантов, трупы гладиаторов на широкой арене, трупы легионеров, растерзанных беспощадными варварами, трупы тогдашней знати, ставшей жертвой очередного заговора, трупы женщин, стариков и детей. Полный комплект. Столько трупов я не видела даже в Вавилоне, когда выбиралась из разрушенного, охваченного безумия города.

Я всматривалась во все это, стараясь найти хоть какую-то зацепку. Но видела только мертвые тела, слезы, боль и правящие миром ложь и ужас. Рим, к счастью, не был тем местом, где началась та история, которая в итоге привела ко мне несчастного художника.

- Как же это мучительно – вспоминать, - подумала я.

- Но нет ничего более мучительного, чем остаться без воспоминаний, - произнес чей-то голом у меня за спиной. – Забвение – худшее из наказаний.

Я думала вслух? Или он прочел мои мысли? Кому принадлежал этот голос? Художнику? Я бы так не сказала. Вроде бы я слышала этот голос раньше, но когда?

Я во второй раз покидала залитые кровью римские улицы и ничуть не жалела об этом.

Теперь я очутилась в Средневековой Европе. Времени для меня прошло совсем немного, но как же разительно изменился мир. Казалось, Европа сбросила свои легкие, дерзко развивающиеся на ветру одежды и облачилась в строгое и тесное монашеское одеяние. Даже небо сменило свой цвет на более серые безжизненные тона. Своими глазами я видела разорение Тулузы – последнего островка, где еще не считалось предосудительным просто радоваться жизни, заниматься наукой или поэзией, последнего островка, еще не затопленного подступившими черными душными водами океана безмолвия, который покрыл собой почти всю территорию Европы и теперь отправлял своих сынов на завоевание дикого Востока (где получил самый жесткий отпор).

Я любила этот южный город и его жителей, веселых, с открытой душой, всегда приветливых с чужеземцами и позволявших себе смеяться даже над Папой и Ватиканом, влияние которого во всей остальной Европе лишь возрастало. Ватикан рассматривал Тулузу как «прямую и явную» угрозу своей монополии – будущей великой христианской империи, которая должна оплести своими щупальцами весь мир. На юге Франции находили приют катары, гностики и другие религиозные и философские течения, объявленные Папой чудовищной ересью.

Я прожила в Тулузе не так и долго и стала свидетелем ее падения – орды варваров, гордо именовавшие сами себя «крестоносцами», ворвались в город и промчались по улицам Тулузы, сея вокруг только хаос и разрушения. Гордая и прекрасная Тулуза, в которой слово свобода значило, куда больше всех остальных слов, рухнула подобно карточному домику. Я бежала из Тулузы вместе с группой «еретиков», всерьез опасаясь за свою жизнь – какое-то время, показавшееся мне тогда целой вечностью, нас преследовал отряд крестоносцев. Мы бежали, слыша за спиной их громкую ругань. Большей частью, это были наемники со всех уголков Европы, так как ругались они сразу на нескольких языках. Не нужно было заглядывать этим людям в глаза, чтобы понять, что им не знакомы понятия чести или милосердия. В конце концов, они не видели в нас даже «еретиков» - этот ярлык, наклеенный на нас Ватиканом, ничуть их не волновал. Мы были для них всего лишь добычей, за чьи головы они смогут выручить пару лишних монет – обычно скупой, Ватикан вдруг расщедрился и пообещал за головы тулузских прислужников сатаны неплохую плату. Ватикан просто использовал этих людей, а те и не возражали – для них это было обычными буднями, из которых целиком и полностью состояла их, как правило, весьма недолгая, жизнь. Мне никогда не забыть той погони – свист ветра в ушах, разъяренные крики за спиной, топот копыт и марево пожара на горизонте до сих пор

время от времени преследуют меня во сне. Воспоминания о том дне не дают мне покоя, как и воспоминания о Башне.

И все же – неожиданно я почувствовала это – разорение Тулузы было не тем событием, которое меня интересовало. Оно много значило для меня, в тот день я чуть было не лишилась своей жизни и все же было что-то более значимое и важное.

Из Тулузы я «перепрыгнула» в Лондон – я прожила в этом городе около трех лет, пережив и эпидемию Великой чумы 1665 года и Великий Лондонский пожар 1666-го, который уничтожил город почти дотла. Эти два года были особенно тяжелыми для города, который, надо заметить, я никогда не любила, а очутилась в нем совершенно случайно – прибыла туда из Кельна, почему-то решив, что встречу там свою мать.

Чума превратила Лондон в объятый страхом лабиринт, в самом сердце которого, подобно мифическому Минотавру, притаилась смерть. По ночам, выглядывая в окно на темные, неосвещенные улицы, можно было увидеть мрачные, груженные мертвецами повозки, неспешно двигавшиеся по мостовой, которыми управлял затянутый в черное возница – зловещий, безмолвный и безликий персонаж. Казалось, что рано или поздно он придет и за тобой. Я столько раз видела, как его повозка останавливается перед зачумленным домом, как он с факелом в руках, пламя которого трепещет на ветру, спрыгивает на мостовую, подходит и заглядывает в темные окна. Это было жуткое зрелище, каждый раз наблюдая эту сцену, я не могла отделаться от странной, противоестественной мысли, что смотрю какой-то дурной, плохо срежиссированный спектакль. Сама я оставалась в городе по той простой причине, что чума была мне в общем-то не страшна. Хватило бы пары Слов, чтобы превратить эту страшную, смертельную заразу в обычную инфлюэнцу.

Вероятно, моя мать и правда в то время была в городе. Именно это чувство и держало меня в Лондоне – я еще никогда не ощущала ее присутствия так близко. Никогда с тех пор, как мы расстались в тот день на холме – в день, когда рухнула Башня и пал Вавилон.

Поэтому я бродила по улицам зачумленного города, становясь свидетелем ежедневных трагедий. Как ни странно таверны в те дни были особенно полны – многие, подумав, что настал час божьего суда и скоро весь мир сгинет под натиском заразы, вполне резонно решили потратить все свои сбережения на простые радости жизни – шлюх, выпивку и вкусную пищу. На все то, в чем они раньше себе отказывали. Эти отчаянные молодые люди бросили вызов всем возможным устоям общества – их не могли увещевать даже деликатные англиканские священники, над которыми эти безумцы откровенно смеялись, а то и тумачами выпроваживали из таверны. Вели они себя ужасно, постоянно лезли в драку и нередко становились жертвами не чумы, а солдатских патрулей, прочесывавших город каждый вечер.

Я всегда держалась в стороне от любого шума, нередко используя разные комбинации Слов, которые делали меня незаметной. То есть я не превращалась в человеку-невидимку, просто окружающие не обращали на меня внимания – я могла даже подойти к любому из них на расстоянии вытянутой руки и начать корчить рожи, но все мои старания все равно бы прошли мимо внимания. Полезные способности, особенно в то время.

Помню, что я исходила зачумленный город вдоль и поперек. С кем я только не сталкивалась, каких сцен только не наблюдали мои глаза, однако, маму я так и не встретила, более того, я даже не нашла ни одного подтверждения, что она тоже была здесь. Все, что меня держало – это предчувствие, уверенность, интуиция, которой я привыкла – и небезосновательно – доверять. Будто бы в городе осталось лишь ее эхо, заблудившееся в лабиринте грязных, плохо освещенных улиц.

Помню, как я наткнулась на сборище духов – они роились над одним из помеченных домов, точно стая мух над кучей дерьма. Мне и раньше приходилось видеть эти вечно голодные, завывающие создания, с заостренными, похожими на лисьи мордами,

мастерстве и силе – да и оборачиваться невидимкой, как она, я не умела. Только становиться незаметной – да и то исключительно для людей.

Поэтому я просто вернулась домой, плотнее заперла дверь и окна и попыталась как-то осмыслить увиденное. Впрочем, эти нехитрые раздумья ни к чему не привели. Я так и осталась наедине с собственными догадками.

Сейчас, просматривая те события, как по телевизору, я вдруг ощутила их какую-то особенную важность, их связь с тем, что происходило со мной теперь. Возможно, именно тогда я впервые прикоснулась к той самой тайне, которая вдруг возникла передо мной, подобно гигантскому айсбергу, всплывшему из темных холодных глубин.

Значит, духи имеют ко всему этому отношение? Что же, значит дело обстоит хуже, чем я думала. До сих пор духи, не смотря на их зловещую и абсолютно непонятную деятельность, оставались где-то на периферии магического знания. Не то, чтобы их не воспринимали всерьез (воспринимали – и еще как), просто ввиду того, что последние не проявляли никакого интереса и – что важнее – никакой враждебности по отношению к людям, со временем к этим странным, совершенно чужеродным созданиям, чья логика, способ мышления и существования в корне отличались от привычного, стали относиться несколько отвлеченно. О них не забывали, но и не горели желанием вдаваться в подробности их деятельности.

И вот теперь, перебирая в памяти события столетней давности, я вдруг поняла, как наивны и слепы, как чудовищно неосторожны мы были, когда позволили себе оттеснить этих существ на второй план. Быть может, Башня и все последующие события были их мстостью за нашу безмятежность?

И в том, что прекрасный Вавилон однажды пал, вероятно, можно различить их следы?

До этого момента (воспоминания) я никогда не задумывалась о духах, как о реальной угрозе. И сейчас мне ужасно хотелось отругать, наказать саму себя за свое легкомыслие – ведь все это время я не просто рисковала сама, но и подвергала существенному риску всех своих близких. Гейл, Дориана – всех... Но у меня не было времени даже на это. Я чувствовала только одно – мне нельзя останавливаться, а нужно продолжать вспоминать. Эпизод в чумном Лондоне – только лишь звено в длинной цепи событий и совпадений, которые в итоге привели меня сюда, в это неизвестное место, превратившееся для меня в настоящую темницу, которую я не смогу покинуть пока не вспомню все. До самого конца. Пока, наконец, мне не откроется вся картина целиком, а не отдельные ее фрагменты, по отдельности не имеющие никакого смысла.

Прежде чем начать вспоминать дальше я вдруг снова услышала знакомый голос, зовущий меня по имени. Дориан. На какое-то мгновение мне показалось, что я даже увидела его – в старом клоунском костюме и с не на шутку обеспокоенным лицом со следами клоунского грима. Мне даже показалось, что это лицо, вдруг отчего-то все скривившееся и перекошенное, отражает какую-то глубинную внутреннюю борьбу, словно бы Дориан боролся с мсье Баттерфляем. И пока я всматривалась в это постоянно меняющееся выражение, победу одерживал то Дориан, то мсье Баттерфляй.

Неужели действие наркотика до сих пор не прошло? Или, быть может, какие-то остаточные явления? Побочные эффекты? Или я сплю? Можно ли вспоминать во сне.

Дориан снова позвал меня по имени. И мне захотелось ему ответить. Но как только я открыла рот, поток воспоминаний, подобно огромному рою чудовищных насекомых, угрожающе жужжа, буквально выплеснулся из моей головы и со скоростью тысячи пуль устремился к Дориану. В следующее мгновение воспоминания окутали Дориана, его лицо потерялось в миллионах фрагментах. Дориан издал испуганный вопль. Некоторое время я еще могла видеть его фигуру, яростно отмахивавшуюся от атакующих его воспоминаний, а затем он исчез, растворился. Вероятно, это место было слишком хорошо защищено и не предназначалось ни для кого, кроме меня.

Когда все успокоилось, и обезумевшие воспоминания вернулись ко мне, я продолжила свою одиссею.

1796 год. Венеция. Ночь карнавала. Именно тогда состоялась моя последняя встреча с мамой – она была недолгой, всего-то каких-то несколько минут, но обстоятельства, при которых она произошла, до сих пор живы в моей памяти. Но обо всем по порядку.

В 1796 году я провела несколько месяцев в Венеции. В этом удивительном, сказочном городе, где жизнь зачастую и правда казалась театром, а люди – актерами, я бывала нечасто, но всякий раз, как приезжала, задерживалась дольше, чем планировала изначально. Такова была магия этого города – он охотно впускал и неохотно отпускал. Боги свидетели, в Венеции было, чем заняться и на что потратить деньги, конечно, при условии, что они у вас были. В Венецию съезжались со всей Европы – и, разумеется, знаменитый карнавал, наряду с каналами и мерно скользящими по ним гондолами, был главной достопримечательностью города.

Случилось так, что карнавал 1796 года оказался последним карнавалом в истории прекрасной Венеции. После падения Республики, карнавал запретили, а когда он возродился, спустя почти двести лет, то, конечно, был уже не тем, что раньше – исчез быллой шик, былое величие, быллой размах, всеобъемлющее и всепобеждающее веселье, небывалая атмосфера большого праздника, который касается буквально каждого человека на планете. Исчез сам дух этого празднества. Но мне повезло, и я хорошо запомнила тот последний карнавал – запомнила, правда, совсем не из-за атмосферы и веселья, а по совсем другим причинам.

Признаться, что пока я не очутилась в Венеции впервые, я никогда особенно не любила карнавалов – все эти шумные празднества с фейерверками, пляшущими и хохочущими людьми, с пьяницами, блюющими себе под ноги, с масками и шуршащими и тому подобными вещами. Все дело в том, что в давние времена карнавалы представляли собой не слишком-то цивилизованные действия (собственно, и назывались-то они по другому), нередко переходящие в самые настоящие оргии, наблюдать за которыми без тошноты было нельзя, не говоря уже о том, чтобы принимать в них участие. Справедливости ради должна заметить, что Вавилонские празднества отличались от прочих каким-то изяществом и деликатным подходом, но в конце концов и они превратились в скопище пьянчуг и пляшущих под завывающую музыку шлюх (собственно Башня обрушилась на город, который и без того уже разрушали пьянство, коррупция и – что уж там греха таить – самый настоящий разврат).

Однако, венецианский карнавал производил впечатление даже на самых яростных противников карнавалов и веселья – вероятно здесь играла роль все та же венецианская магия, которая была буквально разлита в воздухе. Едва очутившись в Венеции, ты буквально меняешься, начинаешь жить по каким-то иным законам, в корне отличающимся от тех, к которым ты привык. Магия этого места меняет тебя самого, меняет все и всех вокруг – это очень сильная магия, магия того сорта, которую невозможно победить. И венецианский карнавал представляет собой кульминацию магического действия, разыгрывающегося на улицах Венеции. Говорят, что монахи, проповедовавшие аскетизм и осуждавшие любое веселье, как богопротивное занятие, специально прерывали свою аскезу и тайком, скрываясь под какой-нибудь озорной маской, пребывали в Венецию, чтобы насладиться этим необычайным зрелищем. Поддалась этим чарам и я, хотя до этого всегда избегала шумных праздников, предпочитая тихую и спокойную обстановку, когда тебя никто не тревожит, никто не мешает и не кричит над самым ухом какую-нибудь похабную песенку про веселую пастушку.

После того карнавала – последнего карнавала 1796 года, во время которого я совершенно неожиданно повстречалась со своей мамой – я была в Венеции лишь однажды, да и то – проездом. Слишком много воспоминаний, слишком невыносим и тяжек их груз, чтобы я переживала все вновь. Но теперь я просто обязана была вспомнить все,

восстановить все произошедшее в ту ночь в мельчайших подробностях, чтобы подобрать ключ к тем событиям, в которые я оказалась – вольно или невольно – вовлечена.

Накануне карнавала я решила подыскать себе наряд. Дело это непростое, требующее многих часов, железного терпения и умения правильно выбрать платье. Признаюсь, правда, что выбирать наряд – удовольствие для меня мало с чем сравнимое, даже не смотря на всю мою нелюбовь к праздникам и карнавалам. Выбирать наряд я начала за несколько дней. О, венецианские лавочники и торговцы, должно быть, неплохо наживались в те славные дни накануне большого карнавала – приезжие франты, высокородные кавалеры со своими дамами, благочестивые отцы семейства с дочками и тронутыми женами сметали с богатых венецианских прилавков буквально все, порой даже то, что можно было купить, где угодно! Вот и я оставила в этом городе бесконечных каналов солидную сумму. Хотя тратить деньги, куда как приятней, чем их зарабатывать и порой просто невозможно удержаться от покупки, даже если покупаешь какую-нибудь ненужную и бессмысленную безделушку (собственно, как показывает практика, именно ненужные и пустые безделушки обычно и приносят больше всего радости и удовольствия!).

Выбрав наконец платье и роскошную маску какой-то сказочной кошки с длинными золотыми усищами и улыбающимся (отнюдь не доброй улыбкой) приоткрытым ртом, я зашла в какую-то лавку за тем, чтобы купить себе веер. В те времена веер был средством первой необходимости. Появиться без него в сколько-нибудь приличном обществе просто-таки не представлялось возможным. В лавке было чересчур душно, тусклый свет едва проникал в помещение через прикрытые закопченные окна. У прилавка, заваленного всевозможными товарами, стоял, лениво привалившись к дверному косяку, пожилой лавочник со скучающим выражением на сморщенном, овальной формы лице. Мне он напомнил одного из моих учителей в Вавилоне, у которого я научилась магии Слов. Странно, но это обстоятельство почему-то заранее расположило меня к нему.

- Синьорина, - он вежливо поклонился мне. – Вы ищите что-то конкретное?

- Да, - я улыбнулась. – Веер?

Продавец едва не подпрыгнул. Смешное лицо его в одно мгновение просияло.

- У такой прекрасной синьорины нет веера? Как же так? Как жестокая несправедливость! Позвольте же старому Лелио исправить ее!

Я рассмеялась.

Лавочник Лелио, между тем, продолжал возмущаться, бурно при этом жестикулируя – так, как умеют только венецианцы.

- Поистине, я не припомню подобной жестокости! В конце концов, красота должна получать все, что захочет! Но будьте спокойны, синьорина, вы обратились по адресу – никто в Венеции – нет! никто в целой Италии – не разбирается в верах лучше строго Лелио!

- Что же, - сказала я, - в таком случае, выберите для меня веер по собственному усмотрению.

- О, синьорина, - воскликнул Лелио, - предоставьте это мне – старый Лелио вас не подведет! Знаете ли вы, что такое веер? Что представляет из себя эта изящная вещица? Многие по глупости полагают, что веер нужен только для того, чтобы обмахивать себя, когда становится чересчур душно! Да, да, синьорина, они так и говорят: этот веер нужен мне для того, чтобы бороться с духотой! С духотой! Какая непростительная, ужасающая глупость! Ведь веер, сеньорита, вещь куда более важная и – пусть вы и будете смеяться – совершенно необходимая! Веер может сказать о человеке больше, чем его глаза, чем его слова или поступки! Поэтому всегда важно правильно выбрать веер! Когда синьорина или сеньора раскрывают свой веер, всегда нужно внимательно следить за тем, как они это делают. Очень важно не упустить ни единого жеста! Теперь вы понимаете, синьорина? Веер – слишком важная вещь, он просто необходим! Но не беспокойтесь, я подберу для вас лучший веер в Венеции! Уж я-то знаю в них толк, поверьте! При желании я мог бы

прочитывать по веерам жизни их владельцев! По тому как шуршат и шепчут, раскрываясь, веера я могу бы написать целую книгу, да что там книгу – поэму!

Продолжая свой восторженный монолог, Лелио лихорадочно перебирал веера, которыми был буквально завален его прилавок. Каких вееров здесь только не было – разных форм и цветов, веера из перьев, матерчатые и бумажные веера, веера из каких-то диковинных материалов, веера с позолотой и причудливыми узорами, веера, которые, раскрываясь, превращались в некое подобие книги с занимательными картинками, подчас крайне фривольного содержания. В охватившем его ажиотаже Лелио, не подумав, раскрыл один из таких вееров и тут же залился пунцовой краской. Он виновато посмотрел на меня и затараторил:

- Покорнейше прошу простить меня, синьорина, за мою глупость! Глаза мои уже не те, и порой я просто не замечаю, что держу в своих руках! Вот в этих самых руках, - он воздел свои руки над головой с редкими всклокоченными волосами и обреченно, как актер исполняющий роль в древнегреческой трагедии, потряс ими. – Обещаю, что я избавлюсь от этой похабной вещицы, которая, должно быть, оскорбила вас до глубины души! Признаться, и такой товар порой покупают, поэтому старый Лелио вынужден продавать их – такие времена! – он сокрушенно помотал головой и еще раз посмотрел на веер с эротическими картинками. – Лягушатники, - пробормотал он и брезгливо поморщился. – Никакого воображения...

С выражением крайнего омерзения на лице он швырнул веер куда-то вглубь магазина. Затем, не переставая при этом тараторить, принялся подбирать для меня веер. Спустя каких-то полтора часа (или около того) Лелио наконец-то нашел то, что искал. Откуда-то из-под прилавка (все лучшие товары всегда достают из-под прилавка) он извлек изящный, не слишком большой, но и не слишком маленький веер, удивительного кораллового цвета. Простой узор чем-то напомнивший мне скандинавские руны располагался по всей поверхности веера таким образом, что казалось, будто он постоянно меняется. Честно говоря, я так и не поняла, каким образом достигался этот эффект. Быть может, это была магия?

- Ох, синьорина! – лицо старого лавочника буквально озарилось каким-то внутренним светом. – Провалиться Лелио на этом самом месте, если этот веер не должен принадлежать вам! Кто бы его ни сделал, он сделал его специально для вас!

И Лелио протянул мне веер. Вероятно, были и более красивые и богатые веера, но когда я взяла протянутый Лелио веер и раскрыла его, глядя, как меняется причудливый узор, я поняла, что другого веера мне не нужно. Лелио действительно знал свое дело.

- Простите мне мою бесцеремонность, синьорина, - сказал Лелио, - но с этим веером вы стали еще более прекрасны!

Я хотела протянуть ему деньги, но Лелио остановил меня.

- Что вы, синьорина? - воскликнул он. – Не обижайте старого Лелио! Вы позволили мне лицезреть свою красоту – разве может быть плата выше? Прошу вас, не оскорбляйте меня разговорами о презренном металле! Для меня нет награды и чести выше, чем позволить заблестеть такому бриллианту, как вы еще ярче и ослепительнее! Только, пожалуйста, берегите этот веер – быть может, однажды он спасет вам жизнь!

Лелио и на этот раз не соврал – именно так все и произошло. Впрочем, всему свое время.

Я прогуливалась по шумной площади в сопровождении нескольких подруг и их кавалеров – все представители знатных родов. По правде говоря, меня мало, что с ними связывало – я не разделяла их взглядов, не одобряла их ценностей, просто идти на маскарад в одиночку мне не хотелось, а другой компании я найти не смогла (правда у меня была мысль пригласить на маскарад старого Лелио). Вот и пришлось разгуливать по веселящейся Венеции в компании кичащихся высокомерных аристократов. Я слишком хорошо знала таких, как они – отчасти и потому, что и сама принадлежала к их классу. Мои мать и отец были потомками древнейших Вавилонских родов. Но если матери ее

принадлежность к роду основателей Вавилона была абсолютно безразлична, то отец не упустил лишнего случая подчеркнуть свое «высокое» происхождение. Конечно, его разговоры на эту тему были просто смехотворны, но надо было видеть его в те моменты – принявшего высокомерную позу и столь же высокомерно разглагольствующего о своем избранничестве. Он и Башню решил построить только потому, что считал, что его происхождение делает его равным богам. Что же, боги доказали ему обратное.

Вот и теперь я прогуливалась по прекрасной Венеции, слушая разговоры молодых аристократов, жаждущих приключений и головокружительных авантур, о которых они вычитали в романах Лесажа. Вокруг нас разворачивалось величественное действо – маскарад. Целый город превратился в театральные подмостки, спектакль шел полным ходом, а в высоком венецианском небе, по которому, подобно невиданным драгоценным камням, рассыпались сияющие звезды, то и дело вспыхивали, раскрываясь, разноцветные бутоны фейерверков. Так что я очень быстро позабыла о том, что меня окружает кучка скучных и самодовольных ослов (и ослиц) – открывшееся зрелище буквально захватило меня. Ничего подобного я не видела даже в Вавилоне – а уж за годы своих странствий я повидала немало. Размах, какая-то поистине царственная пышность, богатство и небывалая красочность, от которой буквально рябило в глазах, превращали венецианский маскарад в некую величественную мистерию. Даже в нелепом кривлянии арлекинов, веселящих простых людей, пришедших на площадь послушать шуток и посмотреть на фейерверки, чудилась какая-то таинственность – их действия внезапно исполнились для меня какого-то глубокого смысла, а их слова – пускай это были сплошь похабные и глупые шутки – казались чем-то вроде магического заклинания, подчиняющего волю толпы. Постепенно я отбилась от компании, а затем и вовсе потеряла их из виду. Маскарад совершенно вскружил мне голову. Я бродила по широким, освещенным площадям, подходила к каналам, глядя, как в темной воде отражаются вспышки фейерверков, шла узкими улицами, на которых также всюду развернулось веселье. Венеция вдруг превратилась для меня в город, в котором мне захотелось потеряться. Это было странное, ни на что не похожее чувство. Чувствовать себя одной в целом мире, вот только мир больше не был мрачным и враждебным местом, нет, теперь он превратился в светлый, полный музыки и веселья голубой шар, или праздничный торт, или арену цирка, или... Меня буквально переполняли восторженные мысли, и каждую из них мне хотелось высказать – высказать? нет! выкрикнуть! – вслух. Так я бродила по Венеции, иногда останавливаясь, чтобы послушать музыкантов или понаблюдать за каким-нибудь представлением. Я и сама не заметила, как очутилась на той площади, рядом с компанией русских гусаров, которые, конечно же, тут же стали делать мне недвусмысленные намеки. Кажется моя кошачья маска пленила их совершенно. Они приняли меня за молодую итальянку – очередную синьорину, к которой можно пристать с дурацкими и грубыми шутками. Надо было видеть, как изменились их лица, когда из под кошачьей маски на чисто русском языке прозвучал ответ с использованием, так скажем, «просторечных» слов и выражений. Гусары, оцепенев и раскрыв рты, так и застыли, глядя, как я удаляюсь и исчезаю в толпе. Вероятно, они запомнили венецианский маскарад 1796 года даже лучше, чем я.

И вот, когда я, довольная собой после встречи с гусарами, направлялась к каналам, чтобы посмотреть на мерно покачивающееся возле берега гондолы, похожие на больших черных рыб, поднявшихся из самых глубин, то обернувшись, словно по какому-то наитию, вдруг, чуть поодаль, в том месте, где площадь упиралась в черный проем неизвестной улицы, заметила маму. Я узнала ее сразу – даже не смотря на то, что мы не виделись столько лет.

Разумеется, она ничуть не изменилась со времени нашей последней встречи. У меня не было достаточно времени, чтобы как следует рассмотреть ее лицо, но я знала, что в него можно и не вглядываться – на нем не появилось ни одной новой морщинки. Впрочем, как и у меня – не считая того факта, что немного подросла. Меня немного

удивило, что на маме не было маски – этим она как-то выделялась среди толпы и сразу привлекала внимание.

Маму сопровождали четверо мужчин в эффектных красных плащах и треуголках. В ярком мерцающем свете я хорошо разглядела их маски – совершенно белые с узкими прорезями для глаз. Те двое, что шли позади держали руки на эфесе длинной шпаги, прицепленной у каждого на боку. Сопровождали? А, быть может, силой вели куда-то?

Внезапно меня охватила сильная тревога. Я столько лет не виделась с мамой – и вот теперь встретила с ней при таких обстоятельствах, которые резко контрастировали с окружающей нас атмосферой карнавала. Чем больше я смотрела на них, тем отчетливее понимала, что маме угрожает опасность. Что же, значит, я не случайно оказалась именно здесь, именно сейчас – меня еще в детстве учили, что у всего есть своя причина. Даже если ты оказался на незнакомой улице в чужом городе в самый разгар веселья – все это обусловлено множеством самых разных причин и следствий и предопределено задолго до твоего рождения.

Я зачем-то крикнула, позвала маму, вместе с тем понимая, что, возможно, совершаю ошибку, привлекаю к себе внимания, а мне – до поры, до времени – лучше было бы оставаться незамеченной. Но – хвала суете и веселью – из-за треска фейерверков, пения, хохота и громких голосов, подобно чаше, наполнивших собой площадь, мой голос утонул в общем гвалте. Ни мама, ни те, кто, возможно, взял ее в заложники, меня, конечно, не услышали.

Какое-то время я, словно оцепенев, продолжала стоять на месте, а затем, резко сорвавшись с места, бросилась в темный уличный пролет, в котором уже успели исчезнуть мама и ее «проводжаты».

Теперь все, что от меня требовалось – оставаться незаметной. А незаметной я быть умела – за время своих скитания я отточила это мастерство до предела, иногда мне даже казалось, что из меня мог бы получиться неплохой музейный грабитель! А ведь я встречала несколько своих земляков, промышлявших именно этим – проникнуть в величайшие музеи мира, Лувр, галерея Уфицици, Прадо, Эрмитаж, было для них проще простого... Но мне еще в детстве объяснили, что воровать – это нехорошо. Боги не терпят воровства – так мне говорили. Боги гораздо более снисходительны по отношению к убийцам и богохульникам, но воровство – нет ничего хуже воровства в глазах богов. Даже не смотря на то, что я никогда не была особенно религиозной и не соблюдала всех положенных ритуалов, я, тем не менее, старалась придерживаться этой в общем-то простой заповеди – не укради.

Я старалась двигаться быстро и в то же время бесшумно. Мама шла впереди, и я быстро сокращала разделяющее нас расстояние. Я двигалась быстрыми рывками – все равно что кошка, преследующая свою добычу. Да, как только я настигну их, мне придется пустить в ход свои коготки и зубки! Я представила, как кусаю одного из сопровождающих, и едва не захихикала. В самые ответственные моменты меня часто одолевают нелепые мысли или разбирает смех.

Для этого правда мне приходилось предпринимать просто-таки невероятные усилия – шли они тоже быстро да и тротуары в 18 веке были не такими гладкими, как сейчас. Туфли, которые я нацепила специально по случаю карнавала, нестерпимо сжимали ноги – такими темпами я просто набью себе мозоли. У меня появилось желание остановиться на пару секунд, чтобы избавиться от туфель и продолжить свой путь босиком. Единственное, что остановило меня – многолетняя грязь, которая покрывала собой тротуар. При одной только мысли, что мне придется ступать босыми ногами по этой скользкой и липкой поверхности, меня едва не передергивало.

Несмотря на все мое рвение, я даже не представляла себе, что будет, когда я нагоню всю честную компанию. Вполне вероятно, что мне придется атаковать, но всякая атака нуждается в плане, осуществляется по плану. А на план у меня не было времени. Поэтому я просто бежала следом, надеясь на удачу и свои способности. Теперь я даже не

знаю, что это было – уверенность в себе или обычная глупость. При этом я продолжала ломать себе голову, как мама позволила захватить себя врасплох, позволила взять себя в заложники, ведь я не знала мага могущественнее, чем моя мама. Ей бы хватило одного Слова, одного жеста, одного взгляда, чтобы уничтожить этих людей, а вместе с ними и всю Венецию. Так в чем же тут было дело? В конце концов, мама всегда предугадывала любую опасность – избегала ее до того, как она успевала произойти. А, может быть, я ошибаюсь, и эти люди охраняют мать от кого-то или чего-то? Или просто сопровождают куда-то?

Мои размышления были прерваны очередной вспышкой фейерверка, – в небе над нами вдруг вспыхнул огненный сноп – в мерцающем свете которого я совершенно отчетливо разглядела острое и тонкое лезвие стального клинка, грубо приставленное к спине моей матери одним из сопровождающих. Теперь у меня не осталось сомнений. Мама была в опасности. И я должна сделать все, чтобы помочь ей. Нужно было действовать и действовать как можно быстрее и решительнее.

Узкая улица, по которой мы двигались (я – преследуя; они – убегая), выводила к темному каналу. До моего слуха доносился легкий плеск волн, голоса за спиной теперь были приглушены расстоянием, и только фейерверки, похожие на проносящиеся по небу кометы, изредка напоминали о себе то глухим треском, то оглушительным, способным поспорить с раскатами грома, грохотом.

На пустой, погруженной во тьму пристани, я разглядела одинокую фигурку гондольера, облаченного в яркий костюм какого-то уродливого существа, который поджидал всю компанию. Длинная, крытая гондола медленно и тяжело покачивалась на черной воде – и было что-то зловещее и неотвратимое в этом ее мерном степенном покачивании. В одном из освещенных неярким светом окон гондолы я заметила чей-то профиль, мужской профиль – очевидно маму вели на встречу с этим человеком. Если, конечно, подобное обращение можно вообще назвать встречей. Какой-нибудь маркиз или герцог, подумала я, вероятно, решил признаться матери в любви таким вот экстравагантным способом. Европейские аристократы всегда отличались какой-то неприятной бесцеремонностью, и если это один из ее примеров, то мне лично придется обучить зарвавшегося представителя голубой крови приличным манерам.

Справедливости ради должна сказать, что если бы дело действительно сложилось именно таким образом – заносчивый аристократ решил всеми правдами и неправдами добиться расположения понравившейся ему дамы – я бы не сильно удивилась. В то время в Италии (да и в Европе вообще) все это было в порядке вещей. Аристократы вообще редко сдерживали себя, а уж тогда они чувствовали себя хозяевами жизни, богами нового мира, кем-то, кто вправе распоряжаться всем и вся, включая человеческие жизни и судьбы. Я ведь и сама нередко становилась объектом чьего-нибудь преследования – тем приятнее мне было разбираться с ними, раз и навсегда разубеждая зарвавшихся маркизов, графов и князей в их вседозволенности... Некоторым правда впоследствии приходилось тщательно подчищать память, убирая всякие воспоминания о себе – уж больно влиятельными были эти особы, а мне что-то не очень-то и хотелось становиться врагом государства.

Человек в гондоле пошевелился, я увидела, как он чуть наклонил голову, видимо, всматриваясь в темноту. Почувствовал наше приближение. Я рассмотрела его профиль – он был почти идеален. Прямой нос, ровная линия подбородка, высокий лоб. По всем признакам – холеный аристократ.

- Неужели опять? – подумала я с безразличием, уже предвкушая очередную стычку с аристократом и его подчиненными.

Но мне не давал покоя вопрос, почему мама покорно подчиняется его воле? Могла ли она за годы постоянных странствий лишиться своей силы? Ведь такое происходило и раньше – время от времени могущественные маги просыпались и понимали, что потусторонние силы, которыми они до сих пор повелевали с такой легкостью, больше не подвластны их воле. Либо силу у них просто забирали. В Вавилоне некоторые особенно

провинившиеся маги представляли перед магическим советом, где у них забирали их силы, их способности, их знания и умения. Могло ли что-то подобное произойти с мамой? Ведь я не видела ее так долго...

Я еще раз взгляделась в этот утонченный силуэт в освещенном окне гондолы и у меня возникло неприятное противоестественное ощущение, что я нахожусь в театре теней и прямо сейчас наблюдаю за плоским картонным силуэтом, создающим лишь иллюзию жизни. Настолько он был неживым и неестественным. Даже его движения отдавали какой-то искусственностью, точно невидимые руки дергали за определенные нити, приводя в движение его голову, руки, все его тело.

Заметив приближающуюся к нему процессию, гондольер подхватил длинное весло, лежавшее подле его ног и приготовился отчаливать. Нужно было действовать – еще минута, и мама окажется в гондоле. И тогда уж пиши пропало... Но никакого хитрого и внезапного плана по спасению мамы я так и не придумала – все произошедшее застало меня врасплох. В голове моей было по-прежнему пусто. Значит, как и всегда в таких случаях, придется мне действовать экспромтом.

Четверо мужчин в плащах и масках были уже на пристани. Гондольер, погрузив длинное весло в глубокую черную воду, на поверхности которой изредка вспыхивали огни далеких фейерверков, молча ожидал их, глядя куда-то в сторону, словно в полубезытье. Ну что же, другого выхода нет, придется мне все-таки обнаружить себя. Я выступила из тени и громко, что было силы, крикнула:

- Мама!

Все четверо резко остановились и одновременно, словно бы были всего лишь отражениями какого-то одного человека, повернули головы в мою сторону. Четыре безликих маски уставились на меня, сквозь прорези для глаз сквозил какой-то ледяной холод, словно под масками скрывалась пустота. Я вдруг сразу поняла, что дело здесь совсем не во влюбленном маркизе, а все гораздо, гораздо хуже и парой магических пассов мне не обойтись. Маски смотрели на меня, а я смотрела то на маски, то на маму. Мне было жутко. Все молчали. На гондоле, по-прежнему опустив весло в воду, стоял гондольер, похожий на мраморное изваяние. Только теперь его голова была сдвинута чуть в сторону – он тоже смотрел на меня. Впечатление он производил не менее жуткое. Мужской профиль в окошке словно бы застыл, стал еще более плоским и картонным, чем раньше. Интересно, он тоже наблюдал за мной. Мама смотрела на меня из-за широких плечей ее похитителей – в ее взгляде было что-то умоляющее, но вместе с тем на ее лице ясно читалось удивление. Я не сразу заметила, что ее губы беззвучно шевелятся. Она говорила мне: беги.

Я поняла, что жестоко ошиблась. Нужно было атаковать сразу, без всякого предупреждения, а не устраивать здесь встречу давно не видевшихся родственников.

Словно бы по команде трое из сопровождающих, обнажив, как тогда было принято говорить, шпаги, молча двинулись в мою сторону, обступая меня и не оставляя мне таким образом места хоть для какого-нибудь маневра. Один из них – тот, что угрожал матери клинком – остался стоять, бесстрастно наблюдая за разыгрывающейся сценой.

Даже если ты маг, многое знающий, многое умеющий и через многое прошедший, не стоит быть самоуверенным настолько, чтобы решить, что ты можешь без труда справиться с тремя здоровыми, вооруженными до зубов мужиками, которые к тому же обучены убивать – и обучены, судя по всему, неплохо. Все, чем я располагаю – это Слова... ну и, может быть, еще красота. Но на красоту им было точно наплевать. Варвары, что и говорить. А я по личному опыту знаю, что с варварами лучше не связываться – будет только хуже... Но уж если связалась – теперь уже не отступишь.

Варвары или нет, но действовали они вполне слаженно. За какие-то считанные секунды они почти окружили меня и теперь словно чего-то выжидали. У меня было, по крайней мере, два выхода – атаковать или броситься бежать, по той же узкой улице, что я сюда и пришла. Но далеко ли я убегу на каблуках? Меня догонят в считанные секунды – и

тогда уже ничто не помешает им прикончить меня. Так что придется остаться – и сражаться. Да я и не стала бы убежать – этот вариант был заранее неприемлемым для меня. Значит буду делать, что и всегда – сражаться.

- Ну вот началось, - успела подумать я, когда один из них – тот, что был ближе всех ко мне – по-прежнему молча бросился на меня, со свистом рассекая воздух острым лезвием своей шпаги. В следующее мгновение, но с другой стороны на меня бросился другой. Сразу за ним – третий.

Я инстинктивно выкинула вперед руку с веером в сторону ближайшего нападавшего. На какое-то мгновение мне показалось, что мне пришел конец. Лезвие шпаги метило мне прямоком в горло, и все, что отделяло его от меня – был веер старого Лелио. Но внезапно произошло то, чего я никак не ожидала. Веер как-то сам по себе раскрылся в моей руке и остановил движение шпаги! Ее острие с глухим звоном ударилось о раскрытый веер, не то что не проткнув его, но даже не повредив узора! Из чего бы этот веер не был сделан, но материал этот был куда как крепче, чем казался.

Я взмахнула раскрытым веером и резко опустила его на руку нападавшего. Край веера разрезал ткань одежды, распорол кожу, оставил глубокий – чуть не до кости – разрез. Нападавший без единого слова – без единого звука! – схватился за руку, выронив шпагу. Он молча посмотрел на меня, на мой веер и отступил в сторону, продолжая внимательно и пытливо наблюдать за мной.

Теперь у меня оставалось время (и место) для маневра – нужно было произнести пару слов, чтобы раскидать этих бандитов и вызволить маму. Я собралась с силами и шагнула вперед, выбрав для атаки Слово Силы. Затем глубоко вдохнула – и выпустила это Слово из легких. Оно звучало, как приговор, жестокий и беспощадный. Оно вспололо воздух, как лезвие и устремилось к нападавшим. Но... вопреки моим ожиданиям ничего не произошло. Двое со шпагами продолжали стремительно наступать.

- Какого черта? – подумала я. – Может, я сделала что-то неправильно? В конце концов, это неудивительно, учитывая ситуацию, в которую я попала.

Я повторила слова – на сей раз более медленно, четко выговаривая каждую букву, чтобы уж точно избежать ошибки.

Но и на этот раз никакого эффекта не последовало. Слово Силы осталось просто словом. «Да что же здесь происходит?», - подумала я в отчаянии. Будь у меня нервы похуже, я бы, наверное, ударилась в панику.

- Что же теперь, - подумала я с каким-то мрачным, непонятно откуда взявшимся весельем, - мне и других придется веером?..

Я даже со свистом рассекала веером воздух, готовясь к нападению. Но мне так и не суждено было узнать, чтобы вышло из этой моей отчаянной атаки. В тот момент, когда я уже готова была броситься на медленно наступавших на меня людей в масках, вокруг матери вдруг яростно вспыхнуло и стало стремительно распространяться белое слепящее свечение. Это была самая настоящая магия (а ведь я, глупая, всерьез полагала, что мама больше ею не обладает) – такая магия, какую я никогда в своей жизни прежде не видела и на какую не была способна. Свет был настолько ярким, что мне показалось, будто мне в глаза вонзились тысячи острых тонких игл. Я громко вскрикнула.

- Закрой глаза! – услышала я крик матери.

Выронив веер, я заслонила лицо ладонями и упала на колени, согнувшись пополам, стараясь спрятаться, как можно дальше от этого жестокого беспощадного света. Мне казалось, что он проникает сквозь мою кожу, мою плоть, сквозь мои кости, подобно лезвию пронзает меня насквозь. Свет затопил собой всю пристань, он был несколько миллионов раз ярче вспышек сотен фейерверков над нами, ярче света солнца, ярче тысячи солнц. Он был настолько свирепым, что во мне вдруг зародился сильный панический страх. Я испугалась, что этот свет сожрет меня, разорвет мое тело на тысячи кусочков, уничтожит меня в мгновение ока. Неожиданно для себя я закричала. Мне казалось, что мои глаза выжигают раскаленным железом – все равно что в камере пыток какого-нибудь

инквизитора. Боль была настолько сильной, что я больше не могла ее терпеть. Несколько секунд этой боли – и я уже мечтала умереть. Если боль продлится дольше, хотя бы минуту, хотя бы несколько секунд, еще мгновение, еще...

Я потеряла сознание.

Не знаю, сколько я провалялась на пристани, но когда я пришла в себя, рядом со мной, держа мою голову у себя на коленях, сидела мама. Она с тревогой смотрела на меня. Видимо, мне здорово досталось. Глаза мои все еще болели, но боль – пусть она и была сильной – не шла ни в какое сравнение с той, что мне довелось испытать совсем недавно. Кружевным платком мама провела мне под глазами. Я думала, что она утирает мне слезы, но, взглянув на платок, я увидела на нем алые пятна.

- Как ты? – спросила мама.

Странно, но ее голос был таким же, как и тогда – на холме. Я думала почему-то, что спустя столько лет он будет звучать по другому, что я не узнаю его, что это будет голос чужого человека. Но это был все тот же родной для меня голос, голос, который я узнала сразу – как будто бы слышала его всего пару минут назад.

Мне потребовалось усилие, чтобы ответить:

- В порядке...вроде бы...

- Ты сильно напугала меня, - сказала мама. – Я испугалась...испугалась, что потеряла тебя...

- Знаю, знаю, - я попыталась улыбнуться, - мне нужно быть чуть порасторопнее...

Но это так чертовски трудно, особенно на этих каблуках...

- Ну, - улыбнулась мама, - твой танец с веером был очень впечатляющим!

- Не смущай меня, - сказала я.

Я попыталась подняться, но у меня ничего не вышло. Тело было настолько слабым, будто я несколько месяцев провалялась, прикованная к постели какой-то тяжелой и опасной болезнью.

- Что со мной? – спросила я маму. – Не могу подняться...

- Ты еще...не до конца оправилась...

- Оправилась?

- Мне пришлось...восстановить тебе глаза, - сказала мама. – А это очень непросто.

- Глаза...что? – мои руки инстинктивно поднялись к лицу. – Мои глаза? Ты выжгла мне глаза?

- Нужно было действовать быстро, - сказала мама. – У меня не было выбора. Глаза еще можно восстановить, а вот вернуть к жизни – нет...

Я огляделась – уже светало. Шум карнавала вдали несколько стих. На сером предзакатном небе не осталось и следа пышных праздничных фейерверков. В нескольких шагах от нас тихо плескалась вода, разбиваясь о низкую каменную пристань. Тела нападавших валялись здесь же в самых нелепых позах. Один из них продолжал сжимать шпагу, у другого раскололась маска, и я смогла рассмотреть его обезображенное шрамами лицо. На месте глаз у него были черные провалы с запекшейся кровью по краям. Казалось, что это и не лицо вовсе, а еще одна маска.

- Кто они такие? – я кивнула головой в направлении мертвых тел.

- Тебе не стоит о них беспокоиться, - сказала мама. – Это моя забота.

- Но...но... - я все еще не могла поверить в произошедшее, - я бы, наверное, и сама справилась... Я хотела... хотела... Слово Силы... - неожиданно к горлу подступила тошнота, слова давались мне с трудом.

- Слова на них не действуют, - мама нежно коснулась ладонью моего лба, и я почувствовала, как тошнота отступает. – Им удалили часть мозга, чтобы они были невосприимчивы к Словам. Ты бы была уже не первой их жертвой.

- Кто они? - оглядевшись, я увидела на пристани тело гондольера, голова его покоилась под водой. Рядом валялось весло. А вот гондола куда-то таинственным образом исчезла.

- Так...результат одного эксперимента, - мать брезгливо поморщилась. – Ты знаешь, что они находят нас по запаху? Как собаки?

- Но кому это все нужно?

- Слышала об иллюминатах?

- Только разные сплетни...- в те годы об иллюминатах говорили часто, как и сто лет назад о розенкрейцерах. Я никогда особенно не верила этим слухам – слухам о некоей тайной организации, черном ордене, который внедрил своих людей повсюду и чуть ли не управляет всей Европой. Говорили, что иллюминаты обладают мистическим знанием, которое и позволяет добиваться власти всюду, где им только захочется. Но тогда это было в порядке вещей – иллюминаты, Каллиостро, Сен-Жермен, внебрачный сын российского императора, у которого имеется пара рогов на макушке и длинный, заостренный на конце хвост. Сплетни ведь тем и хороши, что все понимают, что им нельзя верить и потому придумывают все более фантастические подробности.

- Ну, - сказала мать, - ты должна, по крайней мере, знать, что иллюминаты существуют и их стоит опасаться.

- Прости, мама, что пыталась тебе помочь...

Мама улыбнулась, и я подумала, что вот сейчас она щелкнет меня по носу – видимо, вид у меня был настолько глупый.

- Ты не должна была рисковать собой, - сказала она, - но я благодарна тебе, и мне очень приятно, что ты пытаешься обо мне заботиться. Но, уверяю тебя, мне ничего не грозило. Я должна была встретиться с одним человеком – он, вероятно, главный во всей их организации...

- Значит... я все испортила?

- Не думай об этом. У меня еще будет шанс. Понимаешь, иллюминаты охотятся за нами, за теми, кто пережил падение Башни и сохранил хотя бы частицу древнего знания. Кто-то должен их остановить.

- Кто-то должен? – переспросила я. – Но я...я могу тебе помочь. Ты не должна заниматься этим одна.

Мама серьезно посмотрела на меня.

- Это не твоя борьба, - сказала она строго. – И я сделаю все возможное, чтобы она никогда не стала твоей. Это очень давняя история – тебе ни к чему ворошить прошлое.

Мама помогла мне подняться. Просто стоять на ногах оказалось не так и просто – меня шатало, слабость буквально прижимала меня к земле, точно сила тяготения возросла в тысячи раз. Мама поддержала меня, и мы побрели к моему дому – через опустевший город, улицы которого, точно снег, были усыпаны конфетти и серпантинном. Город, который после окончания праздника, напоминал огромный заброшенный цирк.

Дома мама бережно уложила меня в кровать. Она протянула мне веер старого Лелио.

- Очень интересная вещица, - заметила она, - не потеряй ее.

- Хорошо, - я покорно взяла веер из ее рук и зачем-то сунула его под подушку.

Мама позвала прислугу и, отойдя в дальний угол моей комнаты, чтобы я не могла слышать, о чем она говорит, попросила Луизу (так звали ее служанку) приготовить для меня какую-то смесь – очевидно снадобье, которое поможет снять последствия болевого шока. Луиза кивнула и удалилась. Через некоторое время она вернулась с тонким круглым подносом, на котором стоял прозрачный бокал на высокой ножке.

- Выпей, - мама подала мне бокал. – Только пей до дна.

- Завтра мы обо всем поговорим более подробно, - сказала я, поднося бокал к губам.

- Разумеется.

Но едва я только сделала первый глоток, сознание оставило меня, и я погрузилась в глубокий крепкий сон – все равно, что провалилась в черную бездонную яму. А когда – на следующий день – я проснулась, матери, конечно, и след простыл.

Едва эти воспоминания пронеслись у меня перед глазами – должна заметить, что заняло это, должно быть, несколько секунд – как все вокруг меня стало стремительно преображаться.

Темнота, до сих пор окружавшая меня, вдруг озарилась мягким светом, сквозь который стали проступать рваные контуры. Мне показалось, что я вижу шкафы, высокие кресла, картины на стенах. Судя по всему, все это время я находилась в просторной комнате с большими, распахнутыми настежь окнами. Я лежала на кровати, а не была подвешена где-то в пустоте, как думала раньше. Более того кто-то заботливо накрыл меня одеялом. словно бы я проспала несколько тысяч лет и теперь пробудилась от этого долгого тяжелого сна.

Я поморщилась и села в кровати. Комната была мне незнакома – я точно не была здесь раньше. Может, проделки Дориана? Он ведь любит забавляться с пространством, создавать дворцы и самые фантастические апартаменты. Неужели он сумел отыскать и вызволить меня из того ужасного, темного места? Или...

- Синьорина пришла в себя?

Услышав знакомый голос, я вздрогнула. Я обернулась, и в раскрытых дверях увидела знакомую, немного сгорбленную фигуру.

- В таком случае, синьорина, вам следует переодеться, - сказал старый Лелио, улыбаясь мне своей очаровательной улыбкой. – Ваша мама ждет вас.

Глава Восьмая

Будь я человеком обстоятельным, привыкшим к последовательности, всегда и во всем избегающим спешки и суеты, то, вне всяких сомнений, данная глава начиналась бы с пересказа предшествующих событий. Потому что именно в такие – переломные – моменты возникает острая потребность собрать воедино все факты, связать между собою все события и воспоминания, тщательно перебрать в голове (и на бумаге) все мысли, чтобы в итоге получить более-менее четкую и ясную картину. Не ребус, не загадку, где все является символом чего-либо, а четкую и ясную картину, показывающую вещи в их истинном свете. Время от времени просто необходимо остановиться и хорошенько подумать – как бы вы не торопились, какие бы события не происходили вокруг вас, какая бы опасность вам не грозила. Это очень важно: заставить свою голову работать. По крайней мере, в моем случае это было именно так.

Но обстоятельства были таковы, что я просто не могла заставить себя думать. В конце концов, моему пробуждению в сказочных палатах в обществе старого Лелио, предшествовали долгие и мучительные попытки вспомнить, докопаться до истины в каком-то темном, ни на что не похожем месте. Я настолько устала, настолько чувствовала себя пустой, что просто махнула на все рукой. У меня было слишком много времени для размышления – и, должна заметить, я не потратила его впустую – что теперь одна – две минуты «погружения в мысли» показались мне просто невыносимой пыткой.

Зачем перебирать в уме события последних нескольких дней? Зачем пытаться найти ключ к мучавшей меня загадке? Зачем вообще вспоминать то, что и так помнишь слишком хорошо. С меня было довольно. Старый Лелио стоял передо мной, улыбаясь знакомой улыбкой, а мне было все равно.

Итак, старый Лелио воскликнул (собственно, как теперь я понимаю, просто говорить Лелио не умел, в нем словно бы жил несостоявшийся артист или оперный певец, каждое его слово было преисполнено самых высоких чувств – он восклицал, восклицал и бурно жестикулировал):

- Синьорина пришла в себя?

Да, черт возьми, подумала я, чувствуя, как меня охватывает какая-то непонятная злость, злость и еще досада, синьорина пришла в себя...

Внутри меня словно бы все смешалось. С одной стороны я была рада услышать, что моя мама ожидает меня в соседней комнате, с другой – я не понимала ради чего потребовалось похищать меня из моей же собственной квартиры. А ведь это было именно похищением – по другому не назовешь. Да, маме придется о многом мне рассказать – теперь уже я втянута в это по уши. В конце концов, нельзя просто так накачать человека наркотиками, а потом оставить его без ответов. Но, не смотря на все эти мечущиеся, подчас яростные мысли, я знала, что на этот раз от меня не станут ничего скрывать. От окончательной разгадки этой не слишком приятной тайны меня отделяли всего каких-то несколько минут и не надетое платье. Я, черт возьми, должна был обязательно надеть что-нибудь праздничное, торжественное, что-то приличествующее столь знаменательному событию, ведь моя такая уважаемая и ослепительно прекрасная синьора, и теперь понятно, в кого я такая уродилась, поэтому я не могу предстать перед мамой в своем нынешнем виде, я должна, непременно должна надеть чертово платье. В общем, Лелио продолжал бормотать, расхаживая вперед-назад у меня перед глазами. Его руки, похожие на двух шустрых маленьких птичек, описывали в воздухе самые фантастические пассы. И если бы не нахлынувшие на меня злоба и раздражительность, я бы обязательно рассмеялась, глядя на этого забавного человечка, словно бы сошедшего со страниц доброй детской сказки.

- Я должна буду переодеться в вашем присутствии, дорогой Лелио? – спросила я, оборвав на полуслове его витиеватую тираду о том, как важно, чтобы цвет и материал платья гармонировал с цветом моих волос.

Лелио мгновенно покраснел.

- Что вы, нет, синьорина, конечно же, нет! За кого вы принимаете старого Лелио? За проклятого лягушатника? Я всегда гордился тем, что в каждом вопросе, о чем бы не шла речь, проявлял почтительность и уважение, особенно к прекрасным дамам! Я бы не посмел даже заговорить с вами, опасаясь потревожить вашу красоту, если бы обстоятельства не вынудили меня!

- Как тогда, в лавке? – сказала я.

- Ох, синьорина, что было, то было! Поверьте, не проходило и дня, чтобы старый Лелио не сожалел о том, что не смог вам тогда обо всем рассказать! Это досадное упущение, синьорина, но и оно было вынужденным! Старый Лелио всегда обходителен и вежлив с синьорами и синьоринами, но порой обстоятельства выше меня! Я ничего не могу поделать!

- Ладно, ладно, Лелио, - сказала я, чувствуя, что злоба и раздражения прошли как-то сами собой, верно, убаюканные пространными речами старого Лелио. – Пожалуй мне лучше поскорее переодеться – мне нужно о многом поговорить с моей матерью.

- Знаю, синьорина, знаю, - затараторил Лелио, - но, заклинаю вас, ни в коем случае не торопитесь, когда будете примерять платье! В таком деле нельзя спешить – это не менее важно, чем предстоящий разговор с вашей матушкой!

- Хорошо, Лелио, - сказала я, - обещаю отнестись к примерке платья со всей серьезностью...

- Рад это слышать, синьорина! В таком случае позвольте предложить вам помощь моих невидимых слуг! Это очень искусные и смышленные создания – вы можете целиком положиться на их мастерство, синьорина! Им уже не раз приходилось заниматься столь деликатными операциями, так что можете быть спокойной, синьорина, они сделают все самым лучшим образом!

В ту же секунду я почувствовала, как меня осторожно и почтительно коснулись чьи-то руки – все равно что в распахнутое окно подул легкий морской бриз. Старый Лелио хлопнул в ладоши и скомандовал:

- Помогите синьорине выбрать наряд и привести себя в порядок! А старый Лелио пока удалится из покоев и займется кое-какими не менее важными делами!

Лелио добродушно улыбнулся мне и вышел из комнаты, плотно прикрыв за собой тяжелые деревянные двери.

Я осталась наедине с «невидимыми помощниками», как назвал этих существ Лелио. Их нежные, осторожные прикосновения мягко и почтительно направляли мои действия. Сколько этих «помощников» в точности, сказать я не могла. Может – добрый десяток, а может – всего пара. Общение с ними показалось мне настолько странной, ни на что не похожей процедурой, что поначалу я даже опешила. Я еще рта не успевала раскрыть, а «помощники» уже спешили угодить мне, преждевременно и покорно исполняя то, о чем я только собиралась их попросить.

«Помощники» передвинули ближе к кровати большое старинное зеркало, в котором я отражалась в полный рост, перетащили и развернули ширму со стилизованными японскими гравюрами, расставили множество вешалок, на которых, расправив пышные кружева, висели богатые вечерние платья. В этой комнате все мне напоминало о фургончике Дориана – тот тоже любил устраивать по утрам подобные представления, то ли стремясь произвести на меня впечатление, то ли просто, из-за присущего ему с самого рождения тщеславия. Не самое приятное человеческое свойство, но Дориана оно ничуть не портило.

Я расхаживала между человекообразных вешалок и, нахмурившись, рассматривала платья. Их было так много, что очень скоро я напрочь забывала, примеряла я то или иное платье или надеваю его впервые. Впрочем, почувствовав мое сомнение, невидимые слуги тут же бросились мне на помощь – примеренные платья они аккуратно переносили в сторону, так, чтобы они больше не мешали и не путали меня.

Большую часть платьев я просто подносила к груди и смотрела на себя в зеркало; если бы я надевала каждое из них – на это бы ушли целые сутки. Если не больше. А я все-таки торопилась. Невидимые руки любезно раздевали и одевали меня, а я стояла и любовалась собственным отражением.

Надо признать, вид у меня был не очень. События последних часов сказались на мне не самым благоприятным образом. Помятое, усталое лицо – как будто я всю ночь вычесывала ворс из огромного ковра, который целиком покрывал собой какую-нибудь залу для празднеств и церемоний в старинном замке. Растрепанные волосы, впрочем, самым фантастическим образом сохранившие останки былой прически. Рассеянный, ничего не соображающий взгляд чуть не закатившихся глаз. Выгляжу на все минус сто, как говорила одна моя знакомая. Вероятно, прежде, чем заниматься примеркой платьев, мне неплохо бы привести себя в порядок, а то смотреть на себя в зеркало становится все более жутко.

Невидимые создания сразу же откликнулись на эти мои мысли и деликатно проводили меня в большую, обставленную в стиле модерн ванную, расположившуюся в дальнем конце комнаты. Странно, но когда раньше я смотрела в ту сторону, то не замечала двери в ванную. Впрочем, если я чему и научилась за свою жизнь, так это никогда и ни при каких обстоятельствах не удивляться.

«Помощники», между тем, суетились во всю – наполняли ванную горячей водой, взбивали пену, расставляли какие-то тазы и емкости с самыми разными ароматными жидкостями. Все вокруг шумело, скрежетало, бухало и булькало. Наконец, пузатая, на гнутых ножках ванная, вся увитая фарфоровой виноградной лозой, была наполнена, с ее гладких, блестящих краев сползала на пол пышная, похожая на живую, пена, а от горячей воды к потолку поднимался легкий аромат горных трав и цветов.

- Хе-хе, - сказала я собственному отражению в зеркале, которое больше напоминало работницу текстильного цеха, решившую перевыполнить недельный план за одни сутки.

- Хе-хе, - ответило мне отражение, и я, предвкушая несколько коротких минут блаженства, залезла в ванну и погрузилась в горячую воду.

Какое же это все-таки приятное ощущение! Очутиться в горячей ванне после долгих и утомительных часов совершенно непонятных занятий, после глубокого сна без сновидений, после всех тревог, что выпали на мою долю, после погонь, после путешествий по мирам и многочисленных разговоров,. На какое-то время все происходящее перестало волновать меня. Я всецело отдалась охватившим меня ощущениям – какому-то теплему, домашнему покою. Это были первые приятные ощущения, после долгих и утомительных мучений. Я даже чуть не уснула снова – мягкая пена и теплая вода, обволакивавшая мое тело, усыпляли меня. Но расслабляться мне было нельзя – слишком много еще предстояло сделать.

Поэтому, приняв ванну и приведя себя в порядок, я вернулась в комнату примерять платье. Услужливые невидимки были тут как тут. Мне не хотелось тратить много времени на примерку (я и так потратила его уже достаточно), поэтому я выбрала первое попавшееся платье, которое показалось мне достаточно строгим и удобным. Я надела его, а невидимые руки подтянули ленты на его рукавах и расправили кружева (отчего оно перестало казаться мне строгим). Я наспех расчесала волосы перед высоким зеркалом и собралась выходить.

- Вы меня проводите или?.. – поинтересовалась я у невидимых помощников.

В ответ на мои слова двери комнаты распахнулись, и в них возникла фигура старого Лелио, похожая на какого-то юркого шустрого зверька. Лелио посмотрел на меня, вскинул брови и всплеснул руками:

- Bravo, синьорина! – воскликнул он. – Старый Лелио просто очарован! Вы, конечно, не поверите мне, но я был уверен, что вы выберете именно это платье! Едва только мои глаза увидели этот царственный наряд, а пальцы коснулись его роскошного материала, я сразу же подумал, что это платье просто сделано для вас!

- Вы проводите меня к маме? – спросила я.

- Разумеется, синьорина, разумеется, - отвечал Лелио. – Вас уже ждут, а старый Лелио задерживает вам своими пустыми разговорами! – он вдруг весь вскинулся и воскликнул, сопровождая свое восклицание самыми фантастическими жестами, в которых присутствовала какая-то эквилибристическая грация и виртуозность:

- Но не будем больше терять ни секунды! Вперед! Старый Лелио почтет за честь проводить вас!

И он каким-то торжественным, немного комическим шагом двинулся по длинному каменному коридору впереди меня, указывая мне путь. Я подумала, что для полного комплекта ему не хватает факела в руке, пламя которого то и дело рвется и трепещет.

- Далеко идти? – спрашивала я, озираясь по сторонам.

Коридор то и дело разветвлялся, мы часто поворачивали, и очень скоро я поняла, что совершенно потеряла ориентацию – теперь я могла надеяться только на Лелио. Сама бы я не нашла даже обратной дороги.

- Нет, нет, синьорина, - отвечал Лелио, - уже совсем скоро... Я понимаю, замок может вас напугать, ваша матушка изрядно постаралась, создавая его, кажется даже, что он может тягаться с критским лабиринтом, да это и есть самый настоящий лабиринт, но ни о чем не волнуйтесь, старый Лелио знает замок, как свои пять пальцев! Идемте, синьорина, идемте! Идемте, и ничего не бойтесь!

Мы проходили длинными темными коридорами, освещенными лишь скудным светом факелов, которые по совместительству были и единственным источником тепла, спускались и поднимались по каменным и винтовым лестницам (стоило мне посмотреть вниз, и там я видела лишь глубокую холодную тьму, один вид которой отрицал даже саму идею жизни), проходили сквозь какие-то темные комнаты с зачехленной мебелью и контурами огромных картин на стенах, разглядеть которые из-за отсутствия света не было никакой возможности, пересекали просторные холлы с потухшими каминами, из глубины которых выползала все та же тьма, что сопровождала нас на протяжении всего нашего пути. Лелио картинно взмахивал руками, будто бы дирижировал невидимым оркестром, и

высокие двери со скрипом и грохотом распахивались перед нами, открывая все новые и новые помещения и пространства.

- Знаете, Лелио, - сказала я, - еще немного, и я окаменею... Не думаю, что вам или моей матери нужен мой замерзший труп...

- Прошу прощения за это неудобство, синьорина, - Лелио остановился и посмотрел на меня, в свете факела, который он держал в руке, я увидела сильное смущение на его старом, покрытом морщинами лице, - но ваша мама распорядилась разместить вас в другой половине... замка... И, собственно говоря, это не совсем замок... Это, вне всяких сомнений, моя ошибка, что я сразу не рассказал вам обо всем...

- Не совсем замок? Вы о чем?

- Вам ведь уже доводилось путешествовать между мирами? - скорее утвердительно, чем вопросительно произнес Лелио. - И вы должны помнить, насколько это утомительный, а подчас и попросту опасный процесс - ведь в каждом мире действую свои законы, некоторые из которых могут оказаться смертельными для всех, кроме их обитателей. Ваша мама - и, признаюсь, я очень ею горжусь! - задумала создать безопасную систему перемещения, что-то вроде системы туннелей, такого метро, ветки которого будут соединять в себе разные миры...

- Так значит, замок?..

- Все верно синьорина, - улыбнулся Лелио, - эти коридоры соединяют между собою различные уголки бесконечной Вселенной... Разумеется, это пробная... модель - как вы уже могли убедиться, существует множество неудобств - коридоры и комнаты плохо освещены, конструкция крайне запутанна, и в замке легко заблудиться, к тому же этот холод... Но, поверьте, ваша мама работает над этим - в конце концов, нельзя не оценить всю глубину ее замысла! Вообразите только, синьорина: миры, связанные друг с другом посредством коротких коридоров и комнат, всего пара шагов - и вы на другом конце Вселенной!

- Ничего себе - пара, - проворчала я.

- В будущем, - уверенно заявил Лелио, - удастся устранить и эту проблему.

Лелио вдруг спохватился.

- О, что же это я, - воскликнул он и всплеснул руками так, что пламя факела едва не потухло, - стою и здесь и рассказываю о грандиозности замысла, в то время как вы, драгоценная синьорина, мерзнете! Нет прощения старому Лелио!

Я поежилась.

- Пожалуй, нам лучше двигаться дальше, - согласилась я. - В кусок льда я, быть может, и не превращусь, но простудиться могу основательно...

- Собственно говоря, - сказал Лелио, поднимая факел над своей головой, - мы почти пришли... Осталось буквально пару шагов.

Мы прошли еще несколько метров по темному и холодному коридору, стены которого были покрыты сыростью, и остановились возле высокой двери. Я посмотрела вверх - потолок и верхняя часть дверных створок терялись в густой тьме. Рукой, сжимающей факел, Лелио начертил в воздухе какой-то знак. Я едва успевала следить за его движениями, факел оставлял в воздухе пылающие полосы, которые спустя какое-то время исчезали.

- Ну вот и все, - сказал Лелио.

Дверь бесшумно распахнулась, и мне в глаза ударил яркий ослепительный свет. Я в страхе прикрыла лицо руками - в голове все еще свежи были воспоминания о моей последней встрече с мамой в Венеции. Второй раз лишиться глаз мне не хотелось. Впрочем, как я поняла мгновением позже, это был обычный солнечный свет, мягкий и теплый, свет, которого мне так не хватало за время наших блужданий по замку. Следом за светом пришло тепло - его волна окутала мое тело, вызвав приятную ответную реакцию.

- Ваша мама ждет вас, - улыбаясь, Лелио отступил в сторону пропуская меня вперед. - Передавайте ей от меня самые наилучшие пожелания - извинитесь за меня и

скажите, что у старого Лелио полно дел в замке, а потому он не сможет составить вам компанию!

- Вы уходите? – спросила я.

- Ох, синьорина, старый Лелио с радостью бы остался и разделил общество с двумя столь прекрасными дамами, но у него так много дел, так много дел! Нужно проложить новые пути и маршруты, систематизировать, побывать в самых дальних уголках замка! Ваша мама взвалила на свои плечи непосильную ношу, и старый Лелио делает все возможное, чтобы облегчить ее! Я уверен, ваша мама все поймет – она мудрая женщина и знает, что именно должен делать Лелио!

- Что ж, Лелио, - я вздохнула, - спасибо, что проводили... Сама бы я, конечно, дороги не нашла...

- До скорого свидания, синьорина! Мы, конечно, еще встретимся – и не раз!

Лелио взмахнул мне на прощание факелом, я кивнула ему и прошла сквозь раскрытые двери. Когда я обернулась, то увидела лишь каменную, увитую плющом стену. Впрочем, это был не совсем плющ – какое-то незнакомое растение с красивыми фиолетовыми цветами. От раскрытых бутонов, на толстых лепестках которых блестели капли росы, поднимался пьянящий аромат – запах, которого я никогда прежде не слышала.

Я огляделась. Я очутилась на широкой светлой веранде, потолок которой был расписан чудесными картинами, изображающих то ли фей, то ли обитателей здешнего мира. В дальнем конце веранды виднелась раскрытая стеклянная дверь. Я подошла к перилам и посмотрела вниз – там раскинулся чудесный пейзаж. Зеленые геометрические квадраты лугов, пестрая громада леса, напоминавшая отсюда сверху, причудливое подводное растение, и голубая сверкающая извилистая линия реки, стремительно несущей свои воды к огромному водопаду, над kloкочущей впадиной которого (звук доносился даже сюда) застыли несколько радуг, состоящих из никогда прежде не виденных мною цветов.

- Я всегда любила этот пейзаж, - раздался за моей спиной голос матери. – Он напоминает мне Вавилон. Вавилон до падения.

Я обернулась.

- По-моему, ничего общего, - сказала я.

Мама улыбнулась.

- Я знала, что ты скажешь что-то подобное.

Разумеется, она совсем не изменилась с момента нашей последней встречи. Годы словно обходили маму стороной, боясь оставлять на ее лице свои отпечатки. Я подумала почему-то, что теперь я выгляжу даже старше нее. Что немудрено, мелькнула следующая мысль, особенно после всего, что я пережила за последние пару суток. Сплошные воспоминания и переходы кого угодно превратят в дряхлую развалину.

- Ты, - сказала я, - неплохо выглядишь.

- Я тоже рада тебя видеть.

Мы обнялись. Мне было очень приятно снова почувствовать тепло ее руки. Ее объятия были воздушными, я едва ощущала их, но в них было столько теплого, столько родного, что я просто не могла ни дать волю чувствам. Я крепко стиснула ее плечи, правда, быстро опомнившись, отпустила. От внимания мамы это не ускользнуло.

- Мне очень стыдно, дочь, - сказала она, - мне следовало уже давно повидаться с тобой. Не знаю, чего я ждала...

- Угу, - кивнула я, - и тебе не следовало похищать меня из моей квартиры и помещать в эту...эту преисподнюю с воспоминаниями...

- Боюсь, это было необходимо, - сказала она. – Много из того, что мы заставили тебя вспомнить, ты не просто забыла... Эти эпизоды, их...удалили из твоей памяти...

Мне сложно сказать, что я почувствовала, услышав эти слова. Удалили? Кто мог это сделать? Кто вообще способен залезть в мою голову? Неужели, все настолько серьезно...

- Что ты хочешь сказать? – спросила я.

- Все мое время, дочь, - мама улыбнулась, - мое время. Нам предстоит долгий и непростой разговор. Я должна многое объяснить, а ты – многое принять. – Мама помолчала, а потом добавила: - И со многим смириться.

Ее слова еще больше испугали меня. Впрочем, нас ждал разговор – так что торопить события не имело смысла, пусть мне и хотелось поскорее узнать обо всем, что она имела в виду этими своими «удалили», «принять» и «смириться».

- Пойдем, - сказала мама.

Она показала на комнату за стеклянной дверью.

- Там уже все готово. Стол накрыли. Ты, должно быть, голодна?

- Если только чуть-чуть, - улыбнулась я.

Мама взяла меня под руку.

- Я смотрю, Лелио подобрал тебе платье?

- Он буквально заставил меня его надеть.

- Ох уж этот Лелио – мир еще не видывал такого поклонника красоты. Признаться, это всегда пугало меня в нем. Если бы зло было прекраснее добра, боюсь, что Лелио стал бы одним из самых яростных и фанатичных его адептов. – мама рассмеялась.

- Ты шутишь, - сказала я, - мне он показался очень милым и...немного рассеянным. Классический чудак – безвредный для окружающих...

- Ну, - сказала мама, - это все потому, что Лелио захотел, чтобы ты увидела его таким. Вероятно, он просто покопался в твоей голове и выудил оттуда наиболее приемлемый образ. Вообще, не стоит заблуждаться на его счет, Лелио – плут и притворщик. И он совсем не так безвреден, каким хочет казаться.

- Кто он вообще такой? – спросила я. – До сегодняшнего утра я полагала, что старый Лелио – просто немного тронутый продавец вееров.

- Ах, Лелио, - вздохнула мама, - у него настоящий талант появляться в нужное время в нужном месте. Иногда мне кажется, что он просто развлекается – старику скучно, вот он и вмешивается в наиболее, - мама помедлила, подыскивая нужное слово, - в наиболее ключевые события... Не удивлюсь, если это и в самом деле так. Иногда я сомневаюсь, человек ли он вообще? Я знаю, что могу доверять ему и все же...

- Так кто он такой? – повторила я свой вопрос.

- Когда-то давно Лелио был моим учителем – фактически он обучил меня всему, что я знаю и умею. Разумеется, тогда, в Вавилоне, у него было другое имя – Лешакти. Старый Лешакти со своими причудами. Он занимался обучением и никогда не участвовал в заседаниях Магического Совета. А Совет в свою очередь не вмешивался в его занятия с учениками, хотя другие учителя были обязаны отдавать в конце каждого месяца подробные отчеты о проделанной работе. А вот старика Лешакти не трогали. Очень скоро я поняла, что некоторые члены Совета боятся и даже ненавидят его, другие, напротив – уважают. Сам Лешакти постоянно шутил, что Совет – его рук дело. Уже потом я узнала, что Совет почти целиком состоял из его бывших учеников. Лешакти исчез перед самым падением Башни – также внезапно, как и появился. А появился он, судя по некоторым источникам, в тот самый год, когда в Вавилоне воздвигли первые здания. Лелио или Лешакти – старейший из всех, кого я знаю. Но я до сих пор не имею ни малейшего понятия, что нужно этому старику.

Мы прошли в светлую просторную комнату с распахнутыми окнами, в которые вливался далекий шум водопада вперемешку с птичьим щебетанием. В центре комнаты стоял накрытый круглый стол и два стула.

Слова мамы о Лелио не на шутку взволновали меня. Поведение и действия Лелио совершенно неожиданно напомнили мне двух зловещих персонажей, которые время от времени появлялись в моей жизни. Я имею в виду, конечно же, Кару и Мару – inferнальных сямских близнецов, чье поведение накануне событий с художником было тоже крайне необычным. Могла ли быть связь между ними и Лелио?

- О чем ты подумала? – спросила мама, заметив на моем лице тень сомнения.
- Так, - сказала я, - о двух...сестренках, ты их не знаешь...
- Я думаю, тебе нужно помочь – Лелио наверняка измотал тебя, заново воссоздавая в твоей памяти удаленные воспоминания. Честно говоря, я не понимаю, как он это делает – а рассказывать мне он об этом совсем не спешит.

- Значит, это была идея Лелио – похитить меня столь варварским образом?

Мама встала и ухаживала за мной. Она положила мне на тарелку несколько тонко нарезанных ломтиков холодного мяса и пару ложек салата из какой-то здешней зелени.

- Идея? – переспросила она. – Вполне возможно. Лелио обладает просто фантастическим даром внушения. Он может навязать свою волю кому угодно – в том числе и мне. В любом случае, даже если это была его идея – я считаю ее совершенно правильной и необходимой. В данных обстоятельствах.

- Что ты имеешь в виду? – спросила я, принимаясь за еду.

Пододвинув ко мне бокал ароматного фиолетового сока, мама уселась на свое место. Она внимательно посмотрела на меня.

- Вот уже довольно долгое время, дочь, тебя, как маленькую девочку, водят за нос, а ты даже не замечаешь этого.

Подобные слова испортили бы аппетит кому угодно, но только не мне. Как только ломтики с мясом очутились у меня во рту, у меня появился просто дьявольский аппетит. Я с жадностью накинулась на мясо и салат, постоянно подкладывая себе на тарелку и другую пищу, в изобилии расставленную на столе. Здесь был и какой-то диковинный сыр, тающий на языке и оставляющий пьянящее послевкусие, и сладкие кусочки удивительного плода, чем-то похожего на гигантский инжир, и разная рыба самых причудливых форм и еще более причудливых вкусов, и тушеные овощи, и различные соусы – целая гора великолепия, которого я раньше никогда не пробовала.

- Дошло даже до того, - продолжала мама, с улыбкой наблюдая за тем, как я опустошаю свою переполненную тарелку, - что ты позволила залезть к себе в голову и провести известные махинации со своей памятью. Разумеется, я больше не могла оставаться в стороне.

- Ну и кто же этот злодей? – спросила я.

- Всему свое время, - мама пригубила из бокала фиолетовый напиток.

- Я вся в нетерпении, - сказала я и последовала ее примеру. У напитка оказался сладкий, почти приторный вкус, его нужно было пить маленькими осторожными глотками, при этом с каждым новым глотком хотелось еще и еще этой чудесной жидкости.

- Для начала, - сказала мама, - тебе нужно знать несколько вещей.

- Каких же?

- Ну, например, что твой отец – жив, - спокойно сказала она.

Я едва не поперхнулась. Некоторое время я сидела с бокалом в руке, замерев и уставившись на маму.

- Что? – собравшись, переспросила я. – Ты сказала...сказала, что отец жив?

- Жив, здоров и абсолютно безвреден, - подтвердила мама, а затем добавила, - теперь безвреден.

- Что ты хочешь этим сказать?

- Просто то, что мне пришлось затратить немало сил, чтобы выследить его и заставить отказаться от своих намерений.

- Подожди, подожди, - забормотала я, отодвигая от себя тарелку с недоеденной пищей, - ты сказала «выследить»? Ты, что уже давно подозревала, что ему, как и нам, удалось выжить?

- Ну вот, - мама вздохнула, - кажется, я все-таки сумела отбить у тебя аппетит.

- Как давно ты знала, что отец остался жив? – допытывалась я.

- С самого начала, - мама пожала плечами. – Не пойму, почему это так тебя удивляет? Твой отец – сильный и могущественный человек. Вряд ли падение башни могло погубить его.

- Но ведь Башня угробила добрую половину Совета! – воскликнула я.

- Ну и что? Но ведь другая половина выжила. Как и я. Как и ты. Как и твой отец.

- Да, но он был в самом эпицентре – он рухнул на город вместе с этой проклятой громадиной!

- Единственное, что твой отец всегда умел делать очень хорошо – это избегать наказания и ответственности. У него просто отменное чувство момента. Возможно, его магия никогда не производила особого впечатления на окружающих и не была особенно сильной, но его знания и умения воспользоваться нужным Словом в нужный момент усиливали ее во сто крат. Ты же знаешь, что Магия – это не просто коэффициент силы, а еще знания и умения. Вот так твой отец и вывернулся.

- А теперь, где он теперь? – не унималась я.

- А теперь... - мама задумалась. – А теперь он просто спит.

- Чтобы это могло означать? – спросила я.

- К сожалению, это был единственный способ его утихомирить. Я погрузила его в глубокий сон, - мама выразительно посмотрела на меня. – Конечно, время от времени я бужу его, чтобы позволить ему принять немного пищи, умыться и тому подобные вещи. Но не слишком часто. Слишком много неприятностей он успел причинить. Даже теперь, когда он целиком в моей власти, его бредовые идеи продолжают отравлять всем жизнь. Гордыня – не лучшее из человеческих качеств. А твой отец был наделен ею сверх всякой меры. Он очень долго обманывал многих, в том числе и меня – для меня было настоящим шоком увидеть его истинное лицо. Я бы назвала его безумцем, но, полагаю, его рассудок кристально чист.

- Бредовые идеи? Что ты имеешь в виду?

- Это вторая вещь, которую ты должна знать, - сказала мама.

- В смысле?

- У твоего отца был ученик. Очень способный парень. Слишком способный.

- И что? Какое это имеет отношение ко мне?

- Самое прямое, - сказала мама. – Ты с ним знакома, очень близко знакома...

Нехорошее предчувствие стало подниматься внутри меня, я чувствовала, как приближается что-то неотвратимое, что-то, что навсегда изменит мою жизнь. Мне вдруг страшно захотелось не слышать того, о чем говорит мама. Пусть ее слова будут предназначены для кого-то другого, но не для меня, только не для меня.

- Дориан, - сказала мама, и ее слова прозвучали почти, как приговор. – Ты знаешь его под именем Дориан.

Я вдруг почувствовала, что все, что меня окружает, стол, комната с распахнутыми окнами, все это – нереально. Что это сон или, возможно, просто бредовая фантазия. Что я продолжаю спать у себя в кровати, что меня все еще изводят расспросами в том темном холодном месте, но теперь просто решили сменить тактику и хотят заставить меня сомневаться в дорогих и близких мне людях. Моя мама просто не могла сказать мне что-то подобное, не могла обойтись со мной так жестоко.

Но вместе с тем на меня вдруг накатила волна разочарования, разочарования в самой себе – она накрыла меня с головой. Я вдруг поняла, какой беспечной и непроходимой душой я была последние дни, а, быть может, и последние годы. Это был голос разума – в начале едва слышный, не смевший перечить разыгравшимся чувствам, но с каждой секундой все более четкий и настойчивый. Все произошедшие со мной события начинали представлять в совершенно ином, подлинном свете. Разрозненные фрагменты головоломки, наконец, сложились в цельную картину. Чувство стыда и омерзения охватило меня, а вместе с ним пришла подступившая к горлу тошнота.

«Дурочку мы повстречали, подобрали, поиграли, - раздался у меня в голове писклявый издевающийся голос мсье Баттерфляя, - играть с дурой – что за радость! Так легко подсунуть гадость! Ну, буренка, не реви – набивная дура ты!».

- Я понимаю, - сказала мама, - как нелегко тебе это слышать. Дориан попросту использовал тебя. Он – опасный человек. Собственно, я думала, что рано или поздно он надумает избавиться от тебя. Поэтому последние несколько месяцев ты находилась под защитой Лелио.

Что ж, на сей раз этот выродок мсье Баттерфляй был прав на все сто. Чтобы так опозориться надо быть настоящей дурой. Нет ничего удивительного, что меня так жестоко использовали; даже странно, что все не зашло еще дальше. Меня охватила бессильная злоба на собственную глупость. Выходило, что в смерти художника была виновата я и только я. Это ведь я выдала Дориану его нахождение, добровольно сообщила всю интересующую его информацию. Обратилась к нему за помощью, дура... О, это откровение дорогого мне стоило! С детства меня учили быть сдержанной и контролировать свои эмоции – даже в самые напряженные моменты. Мои учителя справедливо полагали, что самообладание благоприятно скажется, как на моем мастерстве, так и просто поможет в трудных ситуациях. Интересно, когда они составляли программу тренировок, знали ли они, что однажды со мной приключится что-то подобное. Эмоции буквально распирала меня изнутри, тело охватила дрожь. «С добрым утром, солнышко!», - пищал мсье Баттерфляй прямо мне в ухо. Я не сразу поняла, что это чувство, рвущееся из меня наружу – самая настоящая ярость, та ярость, которую, если дать ей волю, если отдалась ей, невозможно контролировать. Мои учителя предупреждали меня и об этом. Ярость – твой главный враг, говорили они. Только слабые потворствуют этому чувству, говорили они. Не позволяй ярости взять над тобой власть. Не позволяй ярости взять над тобой власть. Не позволяй ярости взять над тобой власть. Мама внимательно наблюдала за мной. Клянусь, в тот момент я ненавидела даже ее. Не позволяй. Не позволяй. Но как же это было трудно!

Я, наконец, нашла в себе силы заговорить:

- Что он задумал? – спросила я.

Внутри меня все клокотало, но хотя бы прошла дрожь. Я все еще была зла, так чертовски зла на себя, на маму, на Дориана, на весь остальной мир, но давние уроки не прошли напрасно – с каждой секундой я подавляла это всеистребляющее чувство, выгоняла его прочь.

- То же, что и твой отец, - сказала мама. – Построить новую Башню.

Построить новую башню. Добраться до источника божественной силы. Источника безграничной власти. Источника бессмертия. И ведь мне было известно о его поисках, я прекрасно знала, что он буквально помешан на идее бессмертия, Дориан никогда не скрывал от меня этого. Какой же непроходимой дурой он меня считал – вот так вот рассказывая мне о своих планах? Оооооооооо...

- Башню не так и просто воздвигнуть – для этого нужен Язык. Ты понимаешь, о чем я говорю, правда?

Я молча кивнула. Горькие мысли пожирала меня.

- Для того, чтобы возвести Башню нужны Слова. Слова – подобны кирпичам. Они – и прочный фундамент, и гарантия прочности и стойкости всей конструкции. Фактически, данный процесс предполагает, что ты строишь Башню не из камня, ты возводишь ее из Слов.

- А так как старый Язык почти мертв, - хрипло пробормотала я.

- Совершенно верно. Ему понадобился новый. Дориан создал новый алфавит – сделал то, чего в свое время не удалось твоему отцу. Тогда в Венеции в той гондоле был твой отец...

- Отец? – воскликнула я. – Не может быть!

- Он здорово изменился, мне стоило больших трудов отыскать его. Сменил имя, внешность, только привычки остались прежними, привычки и неудержимая гордыня, за которую в свое время заплатил весь Вавилон. Он заручился поддержкой иллюминатов, - мама улыбнулась, - что тогда были за времена...

- Так значит тогда...

- Да, после того, как доставила тебя домой, я вернулась к своим поискам и, в конце концов, выследила его. Подготовка, судя по всему, шла полным ходом. В последний момент он сумел передать все свои наброски ученику, но тогда мы с Лелио об этом не догадывались. Собственно, если бы Лелио не удалось забраться к моему мужу в голову (а ты знаешь, как хорошо Лелио это умеет), мы бы вообще никогда не узнали о том, что у него есть ученик.

- Ты, - спросила я, - ты многое знаешь о Дориане?

- Не больше, чем ты, - мама пожала плечами, - собственно Дориан никогда не врал о своем происхождении. Да и вообще – его прошлое мало меня интересует. Куда важнее то, что он собирается сделать. Если верить Лелио, то Башня уже почти завершена – необходимо произвести последние расчеты. Финальный штрих, так сказать.

- И что с того? – мрачно сказала я. – Пускай возводит свою Башню, а потом – пусть познает невыносимую горечь падения.

Мама серьезно посмотрела на меня.

- Падения может и не быть, - сказала она просто, и я вздрогнула.

- Что ты имеешь ввиду?

- Твой отец – тщеславный человек, но он не дурак. Он учится на собственных ошибках. Новое строение возводится с учетом всех прошлых ошибок и промахов. Я всегда говорила, что Башня – это безумная затея, но я никогда не говорила, что она невыполнимая. Твой отец задумал построить Башню только потому, что прекрасно понимал, что он *может* это сделать.

- По-твоему, башня может быть построена?

- Вполне.

- И что тогда?

- Не знаю. Все, что угодно. Но определенно ничего хорошего. Лелио, например, предрекает гибель всех миров. И какая разница, кто станет ее причиной – Дориан или разгневанные боги?

- У Дориана не хватит духу, - сказала я, прекрасно зная, что это не так.

- В этой истории есть множество темных, неясных нам деталей. И это волнует меня по-настоящему. Именно это и заставляет Лелио считать, что мы стоим на пороге гибели.

- Что за детали?

- Вполне очевидно, что твоему отцу, а потом и Дориану кто-то помогал.

- Не может быть? Кто именно?

- Я считаю, что это были духи. Ты ведь понимаешь о ком я?

- Но эти создания... эти создания...

- Мы мало, что о них знаем, - сказала мама, - но их причастность к известным тебе событиям вполне очевидна. Но духи – это еще не все. Мы до сих пор не совсем понимаем, что именно за язык удалось создать Дориану. Ведь в его основе – человеческое жертвоприношение. Каждая его буква – это кровь. Даже я не могу понять или просчитать все возможности такого языка. Я знаю только одно: это нечто чудовищное. Прямая противоположность тому Языку, что у нас *отняли*, но не уступающая ему по силе. А, быть может, и превосходящая...

- И что нам теперь делать?

- У Лелио есть план, - сказала мама, - будет лучше, если он сам его тебе расскажет.

Я не во всем согласна с ним, но...

Некоторое время мы сидели молча. Затем мама встала, подошла ко мне и сказала:

- Пойдем.

- В чем дело? – спросила я взволнованно.
- Ты должна его увидеть, - сказала она, - в конце концов, он твой отец...

Мы прошли в соседнюю комнату и там в каком-то кристальном кубе, точно доисторическое насекомое в куске янтаря, покоился человек. Его худое, заросшее густой бородой лицо, было совершенно незнакомо мне. Но глядя на его спящую фигуру, я знала, что стоит ему открыть глаза, я тотчас же узнаю этот пронзительный взгляд.

- Разбудить его? – спросила мама.
- Не стоит, - сказала я. – Что я скажу ему? Привет, папа, давно не виделись?
- Рано или поздно, ты должна будешь с ним поговорить.
- Уж лучше поздно.
- Понимаю.
- И что теперь?
- А теперь нам предстоит самое сложное, - сказала мама.

Глава Девятая

Странно, но то немаловажное обстоятельство, что передо мной находится мой отец, которого я не видела целую вечность и вообще считала, что он погиб, не вызвало во мне никаких чувств. Я не испытала ни радости, ни гнева, ни даже разочарования. Я смотрела на незнакомого человека, а думала совершенно о другом. Последние несколько часов буквально перевернули всю мою жизнь, выдернули твердую устойчивую почву у меня из-под ног, и теперь я чувствовала себя подвешенной в пустоте. В пустоте, которую мне было нечем заполнить.

- И что теперь? – спросила я у мамы (в который, интересно, раз?).

Мама посмотрела на меня, и неожиданно для себя я разглядела печаль в ее взгляде. Я вдруг ощутила, насколько она устала – мои усталость и опустошенность не шли ни в какое сравнение с этим тяжким чувством, которое невозможно определить словами обычного языка. Это была тысячелетняя печаль, тысячелетняя усталость – груз прожитых в постоянном напряжении, в постоянном поиске, в постоянных скитаниях и в постоянной борьбе лет. Это было то самое чувство, от которого, как я догадалась, мама и пыталась меня все это время оградить.

- У нас с Лелио есть кое-какие соображения, - сказала она. – Времени не так и много... В действительности мы не знаем, насколько близко продвинулся Дориан в осуществлении своего замысла...

Мы вернулись на веранду и сидели в плетеных креслах, глядя, как внизу стремительная река несет свои воды к шумному водопаду. Иногда, когда я смотрела вниз, на густую пену леса, у меня возникало ощущение, что мы, подобно двум птицам, парим в воздухе.

- Лелио говорил, что пока восстанавливал твою память, Дориан пытался разыскать тебя, связаться с тобой – видимо, почувствовал неладное...

Я вспомнила, как во время моих кошмарных галлюцинаций в том темном месте, слышала голос Дориана, зовущий меня по имени. Как пыталась ухватиться за него, все равно что за спасительную соломинку. Как пыталась избежать пугающих образов, возникавших у меня в голове. Я подумала: а ведь я могла все испортить этим своим стремлением. Впрочем, Лелио вряд ли бы позволил мне это. Старик, судя по всему, держал все под контролем и умел предвидеть события. В Вавилоне таких, как он почитали особенно и никогда не спорили с ними.

- Где Лелио? – спросила я.

- Не знаю. Он никогда не отчитывается передо мной. Я привыкла к тому, что Лелио всегда появляется в нужный момент.

- Как тогда, в Венеции?

- Как тогда, в Венеции.

Некоторое время мы сидели молча.

- Все это время, - сказала мама, тщательно обдумывая каждое слово, - я мечтала вот так вот просто посидеть с тобой где-нибудь, откуда открывается красивый вид и поговорить о разных пустяках.

- Не о таких уж и пустяках мы с тобой говорим, - улыбнулась я.

- Будем надеяться, у нас еще появится время посплетничать.

- Насколько я помню, ты никогда не любила сплетен, - пошутила я.

- И сейчас не люблю. Не стоит воспринимать мои слова буквально, дочь.

- Что ты собираешься делать с отцом?

- А что я с ним могу сделать? Когда – если – все закончится, мы с Лелио проведем специальный ритуал и лишим его магических способностей, - сказала мама. – Другого выхода нет. Он зашел слишком далеко. Сейчас мы пожинаям бурю, которую он посеял энное количество лет тому назад.

- Не боишься, что это его убьет?

- Это его не убьет, дочь, - уверенно сказала мама, - в противном случае, мы бы с Лелио придумали что-нибудь другое. Без магии он вернется к привычной жизни – в молодости у него было так много разных милых увлечений... Проклятая магия все испортила – сделала из него какого-то дешевого злодея...

- Синьорины! – вдруг раздался за моей спиной восхищенный возглас старого Лелио. – Как прекрасно вы смотрите вместе! Настолько прекрасно, что старому Лелио не хочется тревожить вас своими глупыми просьбами! Но есть работа, которую просто необходимо сделать! Необходимо, чтобы спасти красоту этого мира!

- По-моему, - сказала я, - вы слишком вжились в этот образ, Лелио. Может быть, вам снова называться Лешакти?

Лелио посмотрел на меня из под своих взъерошенных седых бровей и обворожительно улыбнулся.

- Я не знаю никакого Лешакти, синьорина! – воскликнул он. – Но я не сомневаюсь, что это достойный и уважаемый синьор! Но старый Лелио – просто старый Лелио...

- Что ты решил? – спросила мама.

Лелио подошел ближе.

- Не так уж и важно, что там решил какой-то старик, - сказал он и посмотрел на меня. – В конце концов, от старика ничего не зависит...

- Что ты имеешь в виду? – мама нахмурилась.

- Мне очень жаль, синьорина, - Лелио тяжело вздохнул, и только тут я поняла, что он обращается ко мне. – Но теперь все зависит только от вас. Вы неразрывно связаны с происходящим – на сей раз выпала ваша карта...

- Не говори ерунды! – возмущенно воскликнула мама. – Ей и так слишком многое пришлось перенести...

- Слишком многое? Возможно...- тон Лелио изменился. – Но вспомни о себе. Ты слишком долго разбираешься со всем этим. Ты устала. Свою часть ты выполнила – и выполнила безупречно. Отдохни.

- Я не собираюсь отдыхать, Лешакти, - сказала мама, - особенно в такой момент. И я не буду спокойно наблюдать за всем только потому, что ты так решил!

- Это не я так решил, - сказал Лелио тихо, - тебе прекрасно известно, что сам я ничего не решаю. Я лишь стараюсь угадать возможное развитие событий. И я говорю тебе, что для благоприятного разрешения дела, нам нужна помощь твоей дочери...

- Между прочим, Лелио, - сказала я, - я здесь – это невежливо говорить о человеке в третьем лице в его присутствии...

- Прошу прощения, синьорина! – мгновенно взвился Лелио. – Сейчас мы переживаем столь напряженный момент, и я настолько сильно нервничаю, что позволяю себе подобного рода бестактность...

- Моя дочь никуда не пойдет, - сказала мама.

- Боюсь, мне придется, - вздохнула я, - да и после всего, что Дориан пытался мне сделать, я должна как-то...- я чуть было не сказала «отомстить», - предотвратить то, что он задумал... Должна заставить его понять, что он ошибся, выбрав меня в качестве дурочки... Я...просто не могу этого так оставить, мама...

Лелио посмотрел на маму, и во взгляде его мне почудились все те же вековые грусть и усталость, что и раньше у мамы. Передо мной стоял древний старик, облаченный в смешные яркие одежды, похожий на какого-то старого чудака, которого никто не воспринимает всерьез и которому за свою жизнь пришлось пережить столько, что не выдержал бы и сильный духом человек. Лелио не просто был обманчиво прост и открыт – на самом деле он был полной противоположностью тому образу, который он так тщательно создавал своими неуклюжими комплиментами, постоянными восклицаниями и эксцентричными выходками. Я чувствовала, что в жилах этого человека (если он вообще был человеком) вместо крови пульсирует магия – магия и какая-то непереносимая мировая скорбь. Совершенно неожиданно Лелио напугал меня.

Старик заметил выражение испуга на моем лице и ласково улыбнулся – точнее его губы растянулись в улыбке, в то время как глаза оставались абсолютно пустыми и совершенно бесстрастными.

- Синьорина напрасно беспокоится, - сказал он, - старый Лелио только кажется таким – он никогда бы не посмел причинить вам вреда...

- Я не сомневаюсь в вас, Лелио, - сказала я.

- А, возможно, стоило бы, - зло пробормотала мама, - знаешь, Лешакти, ты заходишь слишком далеко...

- Далеко? – седые брови Лелио удивленно изогнулись. – Скажи мне, девочка, за то время, что ты меня знаешь, я хотя бы раз подводил тебя, хотя бы раз обманывал? Когда я был твоим учителем...

- Слишком далеко даже для учителя, - перебила его мама.

- Мы можем стоять здесь и припираться хоть до скончания времен – благо это не так и долго, - сказал Лелио.

Я была удивлена резкой переменной его тона – из его голоса исчезли даже намеки на игру, былая театральность испарилась, перед нами стоял всезнающий и всевидящий старик, для которого все, кто его окружал были лишь неразумными детьми.

- Что ж, Лелио, - сказала я, - полагаю, нам пора...

Я встала и посмотрела на маму.

- Она напоминает мне тебя, - сказал Лелио маме.

Мама не ответила. Она строго посмотрела на меня и сказала:

- Иди, дочь. Иди и возвращайся.

- Хорошо, - только и ответила я.

- Ну а я выступлю в качестве провожатого, - сказал Лелио.

Он взмахнул рукой, и ближайшая к нам стена разверзлась, открыв темный проход, откуда повеяло сыростью и холодом.

- Правда для начала, синьорина - Лелио лукаво подмигнул мне, - вам неплохо бы переодеться.

Мы брели по темным холодным коридорам уже достаточно долго, чтобы у меня начало заканчиваться терпение. Лелио шагал впереди с неизменным факелом в руках. Пока мы шли, он обрисовал мне ситуацию.

- Не стану вас обманывать, синьорина, - сказал он, - все очень плохо. Времени у нас почти не осталось. Дориан почти завершил строительство – осталось лишь несколько

последних штрихов. Несколько Слов, которые он, я в этом уверен, еще не создал. Это дает нам пусть небольшое, но все же преимущество.

- Вы думаете, он послушает меня? – спросила я.

Лелио обернулся и, подняв факел на уровень глаз, пристально посмотрел на меня – на его старом сморщенном лице растянулась грустная усмешка.

- Послушает вас, синьорина? – переспросил он, и я подумала, что Лелио сейчас рассмеется, но, как ни в чем не бывало, он продолжил спокойным и почтительным тоном. – Нет, синьорина, я не думаю, что он послушает вас. Я не думаю, что он послушает кого-либо, даже голос собственного разума (если он у него еще остался). Дориан опьянен собственным могуществом – он абсолютно слеп и абсолютно глух. Ни у одного человека за всю историю этого несчастного мира еще не было столько власти.

- Тогда, как же вы хотите, чтобы я?..

- Хочу? О, нет, нет, синьорина, вы неправильно меня поняли. Мои желания сейчас не имеют абсолютно никакого значения. Не важно, чего я хочу. Моя задача не в этом. Я лишь озвучиваю то, что должно произойти. Я знаю, что если вы пойдете туда и попытаетесь воспрепятствовать Дориану, у вас может это получиться. Ни у вашего покорного слуги, ни у вашей матушки шансов практически нет.

- Что я должна делать? – спросила я.

Лелио пожал плечами.

- Не знаю.

- Но если Дориан так всемогущ – он просто расправится со мной, как с надоедливым насекомым.

- Он уверен в своей неуязвимости, синьорина. И именно в этом его величайшая слабость. Он забыл про страх. И когда страх придет к нему и напомнит о себе – это может поколебать его уверенность в себе и собственных силах. А вас, синьорина, он боится. Он и сам не знает об этом, но, тем не менее, это так. Вероятно, он знает, что ему не следовало воровать ваши воспоминания и теперь – пусть пока только подсознательно – он опасается, что вы придете, чтобы отомстить. Так что не станем разочаровывать его и не будем заставлять его ждать! В путь, синьорина!

С этими словами Лелио развернулся и бодро зашагал, воздев руку с факелом высоко над головой.

Речь его, правда, ничуть не придала мне уверенности в себе. Я брела за ним, сама напоминающая глубокую старуху, и размышляла, что мне следует предпринять. Новый язык, новая магия, в основе которой лежала пролитая человеческая кровь, пугали меня. Впрочем, я устала бояться – за последние сутки на меня вывалилось столько всего, что чувства наподобие страха казались мне чем-то банальным и незначительным.

- Куда мы идем? – спросила я Лелио.

- Я полагаю, синьорина, нам неплохо было бы посетить цирк. Признаюсь, правда, что мне всегда было непонятно это искусство. Такое яркое, такое шумное – и такое пустое... - в голосе Лелио проскользнуло что-то вроде отвращения.

- Если честно, Лелио, - сказала я, - не думаю, что Дориан дожидается нас в своем фургончике...

- Конечно же нет, синьорина. И, тем не менее, этот визит не будет лишним.

- Долго еще?

- Уже пришли.

Лелио толкнул старую тяжелую дверь, неожиданно возникшую в каменной стене перед нами, и та со скрипом и лязганьем распахнулась. Мне в глаза брызнул яркий слепящий свет.

- Прошу вас, синьорина, - Лелио почтительно отступил в сторону, пропуская меня на широкую поляну, где некогда был разбит цирковой шатер.

Некогда... Останки шатра покрывали зеленую траву цветными обрывками – кто-то здорово постарался выжигая все здесь дотла. В воздухе еще висел тяжелый и неприятный

запах гари. Я бродила по поляне между обрывками гирлянд, обгоревшими досками цирковых фургончиков и разбросанными цирковыми афишами.

- Какого черта, Лелио? – прошептала я. – Что здесь произошло? Это Дориан сделал?

- Вполне вероятно, синьорина.

- Но зачем? Ведь он... он так любил свой цирк?

- Боюсь, об этом вам лучше спросить у него самого, синьорина.

- Дориан, должно быть, просто спятил. Сила опьянила его. И где все... остальные?

- Вы имеете в виду мертвецов?

- Виктор и...и остальные?

- Дориану могла понадобиться лишняя сила. Вот он и забрал их, синьорина.

- Забрал?

- Всего лишь предположение, синьорина.

Я огляделась в тщетной попытке зацепиться взглядом хоть за что-то, что не было разрушено или испепелено. Спотыкаясь на острых обломках я обогнула огромную груды поломанных деревянных досок и...конечно, фургончик стоял там, ничуть не тронутый – такой же скособоченный, как и всегда. Дверь распахнута, на крыльце сидят Кара и Мара. По-видимому, близнецы уже давно прознали о моем присутствии и теперь не отрываясь смотрели на меня своими черными бесстрастными глазами.

- Лелио, сюда, - крикнула я, - здесь...

- Кара и Мара, синьорина, - произнес Лелио у меня за спиной, - я почувствовал их присутствие...

Едва я подошла к их фургону, Кара недовольно проворчала:

- Явилась...

- И притащила с собой старого недоноска, - добавила Мара.

Близнецы синхронно поморщились. Они смотрели мимо меня, на старого Лелио, который стоял с потухшим факелом в руке где-то у меня за спиной.

- Привела с собой эту развалину, - сказала Кара.

- Старый ублюдок совсем не изменился, - сказала Мара.

- Такой же мерзкий.

- Такой же грязный.

Лелио выступил вперед. Он не отрываясь глядел на близнецов и широко улыбался.

- Кара, Мара, - произнес он почти ласково. – Признаться, я надеялся встретить вас здесь.

- Слышишь, он надеялся? – сказала Мара.

- О, он всегда на что-то надеется, - сказала Кара.

Я непонимающе переводила взгляд с Лелио на близнецов и обратно. До этого момента мне и в голову не приходило, что они могут быть знакомы. А ведь если подумать хорошенько, между Лелио и близнецами много общего. Взять хотя бы их манеру недоговаривать или раздражающее всезнайство... Лелио и близнецы – отчего-то эта мысль ужасно разозлила меня.

- Ну все, - яростно вскричала я, - мне все это порядком надоело!

Близнецы рассмеялись. Лелио удивленно посмотрел на меня.

- Сколько еще? – спросила я. – Сколько еще тайн? Сколько секретов? Сколько недоговоренностей? А, Лелио?

- Синьорина, я вас уверяю, - начал было Лелио, - у меня и в мыслях не было что-либо утаивать от вас...

- Ага, - сказала я, - и близнецов ты, видишь, конечно, впервые...

- Прошу вас, синьорина, поверьте мне – я просто не успел вам сообщить о своем давнем знакомстве с Карой и Марой...

- Он сказал «синьорина», - сказала Кара.

- Синьорина-Коломбина, - сказала Мара.

Откуда-то появилась Грета и, взбежав по рукам близнецов, устроилась у них на плече. Она чуть привстала на задние лапки, глядя на меня.

- Привет, подруга, - пискнула Грета.

Лелио смешно вздрогнул, услышав тонкий крысиный голосок. Его седые брови удивленно поднялись над вытаращенными глазами – казалось, что он напрочь забыл о моих претензиях и вообще о моем существовании. Он усталился на крысу, как на восьмое чудо света.

- Здравствуй, Грета, - сказала я, - где остальные звери? С ними все в порядке? Дориан не тронул их?

- Не тронул, - хмыкнула Мара, - можно подумать, мы бы ему позволили...

- Кара и Мара помогли освободить их из клеток, не беспокойся, - обстоятельно сообщила мне Грета. – Звери в фургончике... Хочешь кого-нибудь из них повидать?

- Все? И обезьяны? – глупо спросила я.

У меня все еще не укладывалось в голове, что близнецы способны на подобный поступок. Хотя, если брать в расчет их трогательную привязанность к Грете...

- Что такое, девочка? Не любишь обезьян? – спросила Кара.

- Они кого-то тебе напоминают? – спросила Мара.

Близнецы залились неприятным визгливым смехом.

- Кто вы такие, черт вас побери? – снова взорвалась я. – Мне уже надоело, что вы постоянно смеетесь надо мной и никогда не отвечаете на вопросы...

- Спроси об этом у...Лелио, - сказала Кара.

- Да, спроси о нас у старого недоноска, - сказала Мара.

- Прошу вас, - Лелио примирительно всплеснул руками, - давайте не будем столь грубы... Я ведь помню вас, когда вы еще были молоды и прекрасны – о, какой пугающей была ваша красота!..

- Мы и сейчас молоды и прекрасны, дурак, - сказала Кара.

- Вечная молодость и вечная красота, - сказала Мара.

- Как это все скучно...

- Как утомительно...

- Знаете, - вмешалась я в их издевательский монолог, - Дориан всегда считал вас дьяволом и, признаться, теперь я понимаю почему...

- Дьявол? – Кара захихикала, как будто заскрипела старая дверь, которую не открывали вот уже много-много лет. – О, мы можем много рассказать тебе о нем...

- Мы сами придумали его, - сказала Мара.

- Но нам было скучно, так скучно...

- Так скучно, что мы придумали Дьявола...

- Тогда, на берегах Источника...

- Мы придумали много самых разных историй...

- Придумали и наводнили ими мир...

- Нам было так скучно...

- Ведь ты ничего не знаешь о скуке, девочка...

- Дьявол – это скука...

- Да, дьявол – это скука... Мы хотели придумать что-то выдающееся...

- Что-нибудь, что изменит жизнь глупых насекомых, называемых людьми...

- И какое-то время это было весело...

- Но потом скука вернулась...

- Она всегда возвращается...

Я смотрела на близнецов и видела двух равнодушных существ, пришедших в наш мир с какими-то понятными только им целями. Все равно что два сросшихся куса мрамора. От них веяло потусторонним холодом.

- Не стоит особенно обращать внимание на слова этих болтушек, синьорина, - раздался рядом со мной мягкий голос Лелио. – В конце концов, пусть это и правда, но не

имеет ровным счетом никакого отношения к нашему делу. Кара и Мара, как впрочем и я, - Лелио какое-то время молчал, подыскивая слова, - однажды были изгнаны с берегов Источника...

- Вы – боги? – спросила я, понимая насколько глупо и смешно звучит мой вопрос.

Реакция близнецов не заставила себя долго ждать – они захихикали, колотя ногами по деревянным ступеням.

- Не думаю, - сказал Лелио. – Мы – дети Источника. По крайней мере, так мы себя называем.

- Дети Источника? – переспросила я.

- Совершенно верно, синьорина. И наш единственный грех в том, что мы чересчур любопытны.

- Грех? Говори за себя, старик, - сказала Кара.

- Да, да, мели языком, - согласилась Мара.

- Когда-то давно, - Лелио задумался, - некоторых из нас...прогнали прочь с берегов Источника. Мы нарушили несколько священных законов и были навсегда изгнаны с райских берегов. Так группа Павших, как нас прозвали, очутилась в мире людей...

- Мы не нарушали никаких законов, - лицо Мары исказилось от отвращения.

- Мы просто хотели развеять скуку...

- Называйте это, как хотите, синьорины, - пожал плечами Лелио, - но все мы оказались здесь – и спорить с этим бесполезно.

Некоторое время все трое молчали. Я видела, что Кара и Мара хотят сказать что-то – скорее всего какую-нибудь грубость или издевательство – но на их неотличимых уродливых лицах вдруг возникло что-то наподобие борьбы, близнецы подавляли в себе возникшее желание.

- Как вы понимаете, синьорины, - заговорил Лелио, - я пришел сюда не просто так. Разумеется, мне приятно видеть кого-то из моих сородичей – даже вас, хоть мы с вами никогда особо не ладили – но у меня есть к вам предложение.

- Мы знаем, что ты хочешь предложить нам, - сказала Кара.

- Да, нам все известно, идиот, - сказала Мара.

- И что же именно, как вы думаете, вам известно?

Я предпочла не вмешиваться больше в их словесную перепалку – Лелио сейчас был целиком занят своими мыслями, а Кара и Мара все равно не принимали меня всерьез. Так что я просто стояла рядом и с глупым видом слушала их диалог.

- О, наш обожаемый Дориан, этот шут с комплексом бога, задумал добратся до Источника, - Кара захихикала.

- Он думает, что может уничтожить его...

- Он создал магию...

- И теперь намерен использовать ее...

- Что же, - Лелио вздохнул, - меня ничуть не удивляет ваша осведомленность, синьорины, я думаю даже, что в этом деле не обошлось без вашего вмешательства, но если вы подумаете, то поймете, что это наш шанс вернуться домой, к Источнику...

- Вернуться домой, - передразнила Кара.

- Наш шанс, - передразнила Мара.

- Мы не заслужили такого отношения, - удивительно, но впервые за все время, что я знала близнецов, я услышала в их голосе некое подобие обиды, обиды и горечи.

- Мы не сделали ничего, за что нас можно было изгонять...

- Мы не чета сброду вроде тебя...

- Я знаю о вашем происхождении и помню о вашей красоте, синьорины, - Лелио вежливо, но немного картинно и наигранно поклонился им. – Но дело не терпит промедления. Любой момент может оказаться последним...

- Этот мир, - сказала Кара, обводя тонкой скрюченной рукой развалины цирка, - не достоин нашей красоты...

- Этот мир заслуживает только уродства...
- Уродства и разрушения...
- Мы ненавидим его и всех, кто его населяет...
- Здесь так скучно...
- Так непростительно скучно...

- Поступайте, как знаете синьорины, - отвечив Лелио, - а мы отправляемся к новой Башне. Если у нас все получится, я замолвлю за вас словечко.

Лелио развернулся и зашагал к распластанному по поляне драному шатру. Я тоже собралась уходить, но внезапно рука близнецов остановила меня. Мне показалось, что я чувствую жгучий беспощадный холод – он проникал сквозь одежду, сквозь кожу, проникал в самое мое сердце. Я вдруг ощутила какое-то копошение, как будто в моем теле вдруг поселились черви, слизи, легион отвратительных, липких насекомых. Мою оледеневшую кожу охватил приступ нестерпимого зуда.

- Присматривайся к духам, девочка, - сказала Кара.
- Да, внимательно присматривайся в этом уродливым вырождакам, - сказала Мара.
- Они знают ответ.
- Они знают ответ.

Ледяная рука, буквально обездвижившая меня и вдавившая меня в землю, соскользнула с моего плеча. Близнецы пристально смотрели на меня своими черными глазами, в которых я не смогла прочесть ничего, кроме глубокой неприязни. Похоже, им это прикосновение причинило еще больше отвращения, чем мне.

- Хорошо, - сказала я и, помолчав, добавила: - И спасибо...
- Ты умеешь благодарить, - сказала Кара.
- Ты неприятна нам чуть меньше, чем остальные...
- А теперь иди, девочка...
- Старый убудок ждет - не дождетя тебя...

Стараясь не оглядываться и прекрасно зная, что близнецы буквально сверлят мне спину своим взглядом, я зашагала к Лелио, который уже начал производить какие-то манипуляции рядом с распластанным по траве шатром. Мне казалось, что в спину мне уперлось что-то острое, что-то, что раздражат и вызывает зуд.

- Близнецы, - пробормотала я едва слышно, и в то же мгновение услышала у себя за спиной ядовитое хихиканье.

Прямо перед Лелио возникла и отворилась дверь.

- Что же, - сказал Лелио, - нас ждет еще один переход...

Он виновато посмотрел на меня.

- Надеюсь, он будет не таким утомительным, как предыдущие, - сказала я, - потому что в таком случае, у меня просто не останется сил на что-то еще, тем более на борьбу с Дорианом.

- О, нет, нет, синьорина, - Лелио потешно замотал головой. – Не так и долго. Всего пару шагов, уверяю вас.

В руках его возник вспыхнувший факел, и мы двинулись по темному сырому коридору.

- Близнецы предупредили меня о духах, - сказала я.
- Вот как?
- Да, сказали, чтобы я пристальнее присматривалась к ним.
- Возможно, так и следует поступить, синьорина.
- Мама, сказала, что у вас есть теория относительно того, что на самом деле представляют собой духи.
- Не что, а кто, синьорина, - не оборачиваясь, ответил Лелио.
- Что вы хотите сказать?

- Есть все основания полагать, что некогда они были людьми. Я думаю даже, что большинство из них – бывшие жители Вавилона, обезумевшие во время падения Башни. Это своего рода их кара, наказание свыше – за то, что участвовали в строительстве.

- Чепуха, Лелио, - сказала я, - я прекрасно помню, что духи появлялись в Вавилоне еще до падения Башни. Мама с отцом даже поймали одного однажды.

- Все правильно, синьорина, - согласился Лелио. – Перед падением Башни очень многие видели этих существ – целые скопления духов, говорят, они роились вокруг Башни, как насекомые или хищные птицы...

- Так что же?..

- Духи существуют вне времени, синьорина. Для них время – все равно, что дорога, по которой они могут перемещаться в любом направлении. И всякий раз они возвращаются в Вавилон, чтобы быть свидетелями мучительного зрелища – собственной гибели.

- Если честно, Лелио, - сказала я, - я уже ничего не понимаю, да и не хочу... Давай просто поскорее закончим все это.

- Вот мы и пришли, синьорина, - торжественно объявил Лелио, остановившись перед очередной дверью.

Он решительно толкнул ее, дверь подалась и распахнулась. Мы шагнули через порог и очутились... в пирамидальном городе.

- Это не смешно, Лелио, - только и сказала я.

Впрочем, Лелио и не думал смеяться. Он указал мне куда-то и, посмотрев в том направлении, я увидела чудовищную перевернутую пирамиду необъятных размеров, повисшую над опустевшим городом. Она медленно и величаво вращалась, похожая на уродливое искусственное светило. До нас долетали гул и свист ветра, по пустым переулкам металось обезумевшее эхо. Я почувствовала, как у меня по спине забегали предательские мурашки.

Перевернутая верхушка пирамиды соприкасалась своим острием с другой пирамидой, служившей его своего рода опорой и фундаментом одновременно. Глядя на медленное вращение пирамиды, я не могла понять, каким образом конструкции удается сохранять равновесие. Что удерживает ее от того, чтобы обрушиться на город?

- Я была здесь не так и давно, - сказала я, - но не видела этого сооружения... Неужели, Дориан смог сотворить ее настолько быстро?

- Сомневаюсь, - ответил Лелио, - скорее всего, он просто спрятал ее от вас. Дориан в совершенстве овладел магией иллюзии – еще до того, как сотворил новый Язык. Да и вам ли мне объяснять, вы же знаете, синьорина, что ввести в заблуждение не так и сложно – особенно человека, который тебе доверяет...

Я молча кивнула. Некоторое время мы стояли посреди пустой улицы, глядя на чудовищное сооружение, верхушка которого исчезала высоко в небе.

- Что мы будем делать? – спросила я наконец.

- Ну... для начала неплохо бы проникнуть в пирамиду.

- И как мы это сделаем?

- Воспользуемся системой коридоров, - Лелио улыбнулся, - но вначале нам нужно подойти к пирамиде, как можно ближе...

- Дориан, наверное, уже знает о нашем присутствии, - заметила я, нехотя двинувшись следом за Лелио, который бодро зашагал по пустынной улице в сторону вращающейся в небе пирамиды.

- Если и знает – то ему сейчас не до этого. Он намерен достигнуть Источника. Нас с вами, синьорина, он в расчет не берет. Слишком незначительная помеха.

Пройти по улице пирамидального города хотя бы сотню метров – уже великий подвиг, по крайней мере для меня. Пирамидальный город – то самое место, в которое я бы меньше всего хотела попасть. И вот теперь я была вынуждена пробираться по его занесенным песком улицам, слушая холодящую симфонию скрипов и шорохов в темных

подворотнях. Мне всегда казалось, что несмотря на все запустение, этот город продолжает жить какой-то потаенной, зловещей жизнью, как будто бы его улицы и переулки прокладывали дорогу прямо через мою голову, наполняя мысли смятением, страхом и отчаянием. Было что-то колдовское в этих рядах пирамид, как будто бы в центре чудовищного города притаилось древнее безымянное зло.

И вот теперь я, вздрагивая от каждого звука, медленно и настороженно кралась по проклятому городу вслед за беспечным Лелио. От пирамиды нас отделяло не такое и большое расстояние – максимум, километр – полтора. Но этот путь показался мне самым долгим и трудным за всю мою жизнь, каждый совершенный мною шаг мгновенно обрастал символическим значением, точно бы я совершала восхождения по некоей лестнице, на вершине которой меня ждала уродливая и липкая истина.

Преодолев несколько улиц, каждая из которых ничем не отличалась от предыдущей, я заметила, что вокруг пирамиды роится густое черное облако, распространяющее вокруг дикий истошный вой – правда до нас долетало лишь слабое его эхо, но и этого вполне хватало, чтобы по спине забегали мурашки. Я не сразу поняла, что это – духи. Казалось, будто эти существа обезумели.

- Почувствовали запах крови, - заметил Лелио.

- Ты уверен, что они нам ничего не сделают?

- Не бойтесь, синьорина, я обо всем позабочусь – хотя они, как и Дориан, опьянены возможной перспективой. Звук Источника сводит их с ума.

Теперь пирамида была совсем уже близко – ее громада нависла над нами, подобно комете или потухшему солнцу. Наблюдая за ее медленным движением, я не могла не думать о том, что в любой момент пирамида может рухнуть на нас, как рухнула когда-то ее предшественница – Вавилонская Башня. Неожиданно меня сковал сильный страх – я словно бы вернулась в детство, на покрытые пеплом улицы. Я покорно шла за Лелио, не в силах отвести взгляда от пирамиды и ожидая, что вот сейчас зловещая конструкция с грохотом погребет под собой половину города и нас вместе с ним.

- Немного жутковато, синьорина, - сказал Лелио, - не находите?

Я не ответила. Теперь мои мысли занимало только одно – очень скоро мне предстоит проникнуть внутрь, проникнуть и... И что? Что я буду делать, когда окажусь внутри? Ведь у меня не было абсолютно никакого плана, даже каких-либо мыслей или предположений по этому поводу. Только несколько странных слов, брошенных мне на прощанье близнецами, слов, у которых, возможно, и вовсе не было никакого значения. Близнецы любили забавляться – может быть, решили сыграть дурную шутку и со мной. И, тем не менее, я продолжала идти, зная, что войду внутрь пирамиды, что попытаюсь отыскать Дориана, попытаюсь его остановить.

Над нашими головами роились духи – черное непроницаемое облако клубилось, постоянно меняясь и издавая протяжный оглушающий вой, в нескольких десятках метров над землей. Внезапно от него отделилось несколько духов и, кружась по спирали, точно попали в невидимую воздушную воронку, стали спускаться к нам. Лелио бормотнул что-то себе под нос и начертил в воздухе некий знак. В ту же секунду духи вздрогнули и разлетелись в стороны. Однако, один из них, на несколько секунду задержался всего в полуметре от меня, и я смогла разглядеть черные отверстия его пустых глазниц. Дух смотрел прямо мне в лицо, широко раскрыв свою пасть, откуда вырывались нечленораздельные сильные звуки.

- Присматривайся к духам, девочка, - зазвучали у меня в голове голоса близнецов, - они знают ответ.

Они знают ответ.

Я вгляделась в черное уродливое лицо, неверные контуры которого, казалось, грозили и вовсе раствориться в воздухе. В глубине пустых глазниц мне вдруг почудилось что-то знакомое – что-то такое, что я знала очень-очень давно... Я, не отрываясь, смотрела в лицо духа, слушая его тихий визг. А затем, совершенно внезапно, так, точно

меня окатило водой, пришло узнавание. Меня затошнило, я вздрогнула, дух взвыл и стрелой ринулся в небо, где влился в гудящее черное облако. К тому моменту я уже понимала, что должна войти в пирамиду – возможно, у меня есть шанс.

- Быстрее, идем, - скомандовала я Лелио и заспешила к пирамиде.

- Как скажете, синьорина, - отозвался он.

Мы быстро преодолели оставшееся до пирамиды расстояние, и Лелио, произведя какие-то хитрые манипуляции, раскрыл передо мною дверь.

- Прошу вас, синьорина.

- Ты со мной?

- К сожалению, дальше вам предстоит идти одной – я останусь здесь, чтобы суметь вытащить вас, если что пойдет не так. Но не беспокойтесь, я буду приглядывать за вами!

- Увидимся, - сказала я и шагнула в раскрытую дверь.

Некоторое время я не могла разобрать, где нахожусь. Дверь за мной закрылась, отрезав пути к бегству. Кругом было темно, и мне пришлось продвигаться на ощупь. Я была благодарна уже за то, что сумела отыскать хотя бы стену – холодную и шершавую. Я шла осторожно, боясь споткнуться и упасть. Наконец, впереди забрезжил свет, и через некоторое количество времени я смогла разглядеть, что нахожусь в узком коридоре с низким потолком. Коридор упирался в подножие лестницы, ступени которой, врезанные в стену, по спирали убегали куда-то вверх. Здесь же было и небольшое прямоугольное окно, пропускавшее в помещение скупой тусклый свет. Задрав голову вверх, я разглядела целый ряд таких же окон – они устремились в небо. Я подошла к окну и, кое-как протиснув в него голову, посмотрела вниз. В метрах пятнадцати под окном густой черной завесой повисло облако духов, из-за которого я так и не смогла разглядеть землю. Но, судя по всему, я находилась в той самой перевернутой пирамиде, которая медленно и величественно вращалась над городом. Странно, но здесь, внизу, я практически не ощущала этого движения. Впрочем, я еще в детстве успела привыкнуть к подобного рода вещам и противоречиям.

Я еще раз окинула взглядом ненадежную, пугающую лестницу. Ступеньки выступали из стены чуть более, чем на полметра, перила, разумеется, отсутствовали, держаться я могла разве что за гладкую, без единой выбоины стену. Если пирамиду тряхнет или она решит остановить или замедлить свое движение, то я рискую спикировать вниз с самой отчаянной высоты. Перспектива не самая приятная, к тому же я всегда боялась высоты. Но я хорошо помнила слова старого Лелио:

- Дориан почти достроил Башню, осталось всего несколько Слов. В этом наше небольшое преимущество.

Что же, нелепо лишать себя преимущества из-за глупого детского страха. Вздыхнув, я поставила ногу на первую ступеньку и осторожно, прижавшись к стене, стала взбираться вверх по лестнице.

Подъем давался мне непросто. Приходилось в буквальном смысле заставлять себя передвигать ноги. Не смотреть вниз я тоже не могла – между ступеньками были провалы, причем неравномерные. Если моя нога угодит хотя бы в один из них – я, скорее всего, просто сорвусь и упаду. Сердце колотилось как сумасшедшее. Я произнесла Слово Спокойствия. Это помогло, хоть и не сильно – в конце концов, подъем продолжался, а лестница и не думала заканчиваться. Она уходила вверх, все дальше и дальше, казалось, ей не будет конца.

Однако, самое страшное ждало меня впереди. Со временем я с ужасом обнаружила, что ступеньки с каждым разом становятся все уже и короче. Чтобы удерживать равновесие приходилось прикладывать невероятное усилие. С каждой новой ступенькой страх упасть становился все более сильным. Всякий раз, проходя возле очередного узкого оконца, я задерживалась возле него, плотно ухватившись за края. Меня охватывало противоестественное паническое чувство – мне уже не хотелось ни взбираться дальше, ни

спускаться (спуск пугал меня даже больше), а просто остаться здесь, возле окна, где есть хотя бы что-то надежное.

- Проклятый Лелио, - то ли думала, то ли шептала я с яростью и злостью, - не мог отправить меня чуть повыше...

Впрочем, я понимала, что вины Лелио здесь нет. Дориан наверняка оградил пирамиду каким-нибудь хитрым барьером, так что, тот факт, что Лелио вообще смог отыскать в нее вход, можно было считать чудом. Чудом – или магией куда более сильной и древней, чем магия Дориана.

Путь дался мне нелегко. По спине градом катился пот, уставшие от подъема ноги дрожали, я без конца бормотала Слова Спокойствия, с ужасом понимая, что они больше не действуют. И когда, наконец, несколькими витками спирали выше, я заметила в стене черный проем, я ощутила чувство, близкое к счастью. Впрочем, до двери еще нужно было добраться – ступеньки стали совсем короткими, едва ли в половину моей подошвы. Последние несколько ступенек, отделявшие меня от двери, я преодолела с величайшим трудом, как безумная уцепившись за вырез в стене.

Я шагнула внутрь и снова очутилась в узком и тесном коридоре, который уходил куда-то в темноту. В голове появилась предательская мысль, что если коридор выведет меня к очередной лестнице, то я просто этого не вынесу. Хотя, есть ли у меня выбор? Мысль о спуске внушала мне еще больший ужас.

Некоторое время я брела по коридору, одновременно желая, чтобы он поскорее закончился и чтобы он не кончался никогда (я была уверена, что меня ждет еще один мучительный подъем, который я скорее всего просто не перенесу). Но совершенно неожиданно я уперлась в дверь. Я нащупала холодную ручку и толкнула дверь внутрь. Совершенно неожиданно она поддалась и со скрипом распахнулась. Передо мной была просторная комната, в центре которой стоял заваленный бумагами и какими-то неизвестными предметами стол. Вдоль стен стояли шкафы с пустыми полками и только на одной я заметила высокую емкость с эмбрионом в мутном растворе. Комната была пустой, и я шагнула внутрь. Я задержалась возле стола, разглядывая бумаги, покрытые какими-то каракулями – формулами и уравнениями.

Я огляделась. Еще одной двери не было видно. Обернувшись, я с ужасом увидела, что и та, через которую я вошла, тоже исчезла. Очевидно, тайных ход располагался за одним из шкафов. Может быть за тем самым, где стоит банка с уродливым эмбрионом? Я подошла к шкафу и попыталась его сдвинуть – никакого результата. Шкаф не поддавался. Был слишком тяжелым. Я тщательно рассмотрела и ощупала его, пытаюсь найти какую-нибудь тайную педаль или кнопку, какой-нибудь гвоздик, приводящий в действие механизм. Ничего.

Мое внимание переключилось на банку – быть может дело в ней? Я захотела передвинуть ее, однако, меня что-то привлекло. Вода в банке колебалась, со дна поднялась муть, я всмотрелась еще пристальнее, и в этот самый момент эмбрион раскрыл глаза и уставился на меня. Я вскрикнула и отпрянула назад...

Прямиком в чьи-то руки, легко подхватившие меня.

- Познакомься с папочкой! – прозвучал у меня над ухом веселый голос мсье Баттерфляя.

Мне показалось, что мои волосы поседели. Мсье Баттерфляй весело расхохотался, резко развернул меня и поднял в воздух, точно тряпичную куклу. Это был Дориан, на лице – несмытый, размазанный клоунский грим, превращающий его лицо в чудовищную гримасу-карикатуру. Дориан (мсье Баттерфляй) улыбался, но в его глазах я увидела свирепую ярость, смешанную с каким-то торжествующим безумием.

Дориан тряс меня, держа на вытянутых руках, и пискляво кривлялся, видимо, подражая моему голосу:

- Что это там у тебя в банке? Что ты задумал, подлец? Немедленно отпусти меня! Слышишь, немедленно!

Дориан расхохотался, и мне показалось, что сейчас он швырнет меня через всю комнату, сломает мне позвоночник, растопчет, разорвет меня в клочья. Яростная улыбка озарила его лицо, когда он посмотрел на меня. Я зажмурилась, ожидая удара, готовясь обороняться, но Дориан осторожно поставил меня на пол.

- Тебе не следовало приходить, - сказал он уже своим, более спокойным голосом, - хотя я ждал тебя...

- Ты настолько уверен в собственной неуязвимости? – спросила я.

- Неуязвимость? – он выглядел удивленным. – Причем здесь это? Хотя... Если ты говоришь о том, что кто-то или что-то может помешать мои...планам – то забудь. Это исключено.

Он повернулся ко мне, вновь превратившись в мсье Баттерфляя. Мсье Баттерфляй ликовал – всклокоченные волосы стоят торчком, руки вскинуты, огромный рот со смазанной вокруг губ красной краской расплзся в отвратительной улыбке.

- Все, что меня волнует – это веселье! – вскричал мсье Баттерфляй.

Он бросился ко мне, я вскрикнула и инстинктивно попыталась оборониться, произнеся нехитрую комбинацию из нескольких Слов. Слова не подействовали. Мсье Баттерфляй сгреб меня в охапку и закружил по комнате, то и дело натываясь на пустые шкафы.

- Словечки, словечки! – вопил он, оглашая комнату россыпями безумного хохота. – Держи свои словечки при себе! Теперь тебе они нужней, чем мне! У меня теперь свои словечки! Свои! Да, свои!

Он грубо подтолкнул меня к шкафу, откуда, сквозь толщу мутного стекла и зеленый раствор на нас таранился эмбрион.

- Вот он, вот он – главный уродец в моем цирке! – крикнул Дориан, который был мсье Баттерфляем. – Наш дорогой, глубоко обожаемый папочка! Свои эксперименты по созданию эликсира мы решили начать именно с него...

Я смотрела в уродливое сморщенное лицо и не верила своим ушам. Дориан никогда не говорил мне, как умер его отец – я-то думала он просто оставил его вместе со всей соевой прошлой жизнью. Неужели?..

- Тебе, конечно, хочется знать, чем же закончилась эта история, правда, девочка? Красивые маленькие девочки любят страшные истории! Что же – старый добрый клоун не разочарует тебя! Слушай! Ну так вот – когда мы приготовили эликсир впервые, мы еще не знали, как именно он скажется на том, кто его примет! Потому-то мы и ввели его нашему папочке! Знаешь, когда наш папочка пытал нашу мамочку – то мамочка очень громко выражала свое неодобрение происходящим. Каково же было наше удивление, когда папочка стал умолять нас его пощадить! – мсье Баттерфляй приблизил к емкости свое уродливое лицо и, широко улыбнувшись, заорал: - Пощади! Пощади! Не надо! – он посмотрел на меня. – Как ты уже поняла, эликсир подействовал на него несколько неожиданно. Наш папочка принялся молодеть! Здорово, правда? Пока мы придумали, как остановить этот во всех отношениях замечательный процесс – папочка превратился вот в это! – мсье Баттерфляй торжественно ткнул в банку пальцем.

Он снова оттолкнул меня и отошел к столу. Теперь это снова был Дориан. Было похоже, что внутри него борются две силы, одна из которых – уродливый клоун со склонностью к пошлым и жестоким шуткам.

- Вот так, - вздохнул Дориан, - больше никаких секретов между нами. Ты познакомилась с моим отцом, как когда-то давно я познакомился с твоим. Все честно.

- Мой отец, черт возьми, не был в банке! – крикнула я.

- Разве? А, по-моему, ты лукавишь, принцесса. Разве сейчас он не в банке или в чем там держит его твоя почтенная матушка, знакомство с которой чуть было не стоило жизни и мне?

Я вспомнила огромный стеклянный куб, в котором заточен мой отец. Мать поддерживает его в состоянии перманентного сна, точно заколдованного принца из сказки. Я была удивлена, что Дориану известно настолько много.

- Твой отец, - сказала Дориан, - многому меня научил. Он показал мне истинную природу вещей. Он передал мне свою мечту о Башне. Мечту о том, чтобы стать богом.

- Он никогда не хотел становиться богом, - возразила я, - не говори чушь. Все, что ему нужно – сила и могущество. Он – обычный вор, задумавший разграбить очередную святыню...

- Это. Не. Правда! – крикнул Дориан. – Все, что я сейчас делаю – я делаю не только для себя, но и для него, и для тебя – для всех.

- Что, Дори, безлимитный интернет в каждый дом?

- Отличная шутка, девочка! – воскликнул мсье Баттерфляй.

Он вновь подскочил ко мне, крепко и грубо схватил за руки и, приблизив, свое грязное перемазанное лицо, впился своими губами в мои. Я замычала и попыталась его оттолкнуть.

- Какого черта ты делаешь? – закричала я, когда он отпустил меня.

Я снова увидела Дориана.

- Прости, - сказал он.

Дориан тяжело дышал. Он склонился над столом, уперевшись в него руками, и стоял так некоторое время совершенно молча. Его резкие перемены испугали меня – он все больше походил на безумца. За долгие годы практики я прекрасно знала, что магия может свести человека с ума. Тем более настолько мощная, как у Дориана. Я обратила внимание, что он похудел и осунулся. Сквозь несмытый грим проглядывала многодневная щетина. Глаза ввалились, а под ними обрисовались черные круги – как от постоянного недосыпания. И когда он совершал какое-нибудь движение, я видела, что его тело сотрясает дрожь.

- Дориан, послушай, ты вовсе не должен этого делать. Отец и его...единомышленники однажды уже погубили прекрасный город. Не повторяй их ошибки...

- Я не повторяю, - выдохнул он, склоняясь над бумагами еще ниже, - не повторяю...

Я забормотала Слова, но Дориан только посмотрел на меня и грустно ухмыльнулся.

- Больше они не подействуют – ни старайся. Я и правда устал, как мертвец, но даже в таком состоянии я недосягаем для тебя...

Он в одну секунду превратился в мсье Баттерфляя и, корча рожи, провыл:

- Я недосягаем для всех!

Я инстинктивно отступила, опасаясь, что мсье Баттерфляй по старой привычке бросится ко мне, чтобы проделать очередную гадость. Но на меня опять смотрел Дориан. Мне показалось, что в его взгляде я увидела испуг – как у маленького мальчика, задумавшего поиграть с чем-то, что в итоге вышло из-под его контроля.

- Послушай, Дори, - сказала я, - ты ведь больше не можешь контролировать себя... не можешь контролировать его... Тот мерзкий клоун, что сидит в тебе – он ведь больше не слушается твоих приказов, так ведь? Магия оживила его...

- Не понимаю о чем ты, принцесса...

- Ты прекрасно все понимаешь – до божественного Источника доберешься не ты, а уродливый клоун. Именно он устроит пикник на его берегах – а ты всего лишь средство.

- По-твоему, я сумасшедший? – крикнул Дориан, и тут же мсье Баттерфляй передразнил его. – По-твоему, я сумасшедший? По-твоему, у меня вместо головы праздничный торт или часы с кукушкой?

- Не делай этого, - попросила я.

- Осталось всего одно Слово, - сказал Дориан, - одно последнее Слово, чтобы со всем разобраться...

Я хотела рассказать ему о близнецах, о старом Лелио, ждавшем меня внизу, об обезумевших духах и в особенности об одном из них – о том самом, которому я заглянула прямо в бездонные черные дыры, заменявшие ему глаза. Но я понимала, что Дориан не послушает меня. Я должна была остановить его – остановить любой ценой. Но как? И тут заговорил мсье Баттерфляй.

- В этот раз некому помешать нам, - заулыбался он. – Никакого смещения языков, - мсье Баттерфляй высунул язык и принялся картинно водить им по воздуху. – Наша башня проткнет небеса! Проткнет! Проткнет, как...

Внезапно на меня снизошло озарение. Смешение. Ну конечно! Первая Башня рухнула после того, как ее строители подверглись воздействию свыше и в итоге просто перестали понимать друг друга. Их наказание было куда как более изощренным, чем обычная небесная кара – вместо того, чтобы достроить Башню они собственными руками разрушили ее, погубив свой родной город. Мсье Баттерфляй жестоко ошибался, когда говорил о том, что никто не в силах помешать ему. Старый Лелио как-то сказал мне, что Башня строится не столько из камня, сколько из Слов. Слова составляют своего рода фундамент конструкции, именно они удерживают Пирамиду в устойчивом положении, именно они позволяют ей расти ввысь. И чтобы помешать этому – нужно лишь выбрать верный момент.

Я подошла ближе к столу, стараясь выглядеть как можно менее подозрительной.

- Послушай, Дори, - начала я.

- Не мешай нам, - последовал ответ, и я с ужасом поняла, что его голос как бы раздваивается, в нем слышатся одновременно интонации двух персонажей – Дориана и мсье Баттерфляя. Значит, я была права. Мсье Баттерфляй больше не был просто сценическим амплуа – он яростно рвался наружу.

- Не мешай нам, - повторил стоявший передо мной человек, в теле которого, точно опасная опухоль, поселился еще один. – Мы почти составили последнее Слово...

Он даже не поднял на меня глаз. Вот он – нужный момент. Если бы я вдруг начала бормотать Слова, возможно он бы и обратил на меня внимание, магия, как никак, пусть и слишком слабая для него. А так – Дориан или мсье Баттерфляй даже не оторвал от бумаг своего взгляда, когда я неожиданно вскинула руки, протянула их к его голове и крепко обхватила ее. Смешение. Я сразу же обратила внимание, какой неестественно горячей была у него голова – как нагретый солнцем камень.

- Что ты делаешь, девочка, - пробормотал мсье Баттерфляй, все еще не отрываясь от бумаг на столе. – Мы еще успеем выкроить часик для потехи...

- Смешение, - сказала я.

- Что? – он отвлекся и как-то отстраненно посмотрел на меня, на его лице появилось выражение удивления. – Ты о чем...

- Вот все Слова и все тайны, которые ты хотел некогда узнать, все осколки прошлого великого знания, которое я сохранила, магия, которая когда-то была тебе недоступна – я дарю тебе все это, бери!

- Что ты... - вскрикнул он и внезапно на его лице отразилось понимание того, что происходит. Он яростно взревел и попытался оттолкнуть меня, оторвать мои ладони от своей головы, но было уже поздно. Поток информации хлынул в его мозг, снося все наскоро возведенные барьеры. Я передавала ему все, что знала – структуру Языка, искусство создания Слов, древний алфавит, все знания, которые столь тщательно держала в тайне от других целые века. Абсолютно все, что я знала. Смешение. Мой язык действовал подобно информационному вирусу. В его мозгу он соединялся с тем Языком, что придумал и разработал он. Мутировал. Поражал и разрушал структуры. Превращался во что-то новое и разрушительное. Я передала ему все – все свои воспоминания, все свои секреты, все свои мысли, все, чем я владела. Картины улиц разрушенного Вавилона. Каждое мгновение своих странствий. Схватку с невосприимчивыми к магии убийцами на улицах Венеции. Все свои сомнения. Все свои страхи. Все своим мечты и все свои чувства.

Я отдала ему момент встречи с тем черным духом, который некогда был человеком по имени Дориан и теперь явился, чтобы наблюдать момент своей гибели, ведь духи существуют вне времени и обречены раз за разом переживать собственную смерть. Это воспоминание было последним, которое я отдала ему. Я отпустила его опустошенная, усталая, изможденная, мои ноги подкосились сами собой, и я опрокинулась на спину, но деревянный шкаф остановил мое падение. Я больно стукнулась позвоночником, но не могла отвести взгляда от Дориана/мсье Баттерфляя, который, схватившись за голову и яростно воя, метался по комнате. Его вой вдруг стал похож на вой смертельно раненного животного – он заполнил собой всю комнату. Я вскинула руки и закрыла уши, чтобы не слышать его. В этот момент комнату сотрясли первые толчки – видимо, вирус подействовал. Последнее созданное Слово оказалось неисправимо испорченным – Пирамида начинала разрушаться. Дориан рухнул на стол, разметав бумаги, и я увидела, что его лицо будто пошло какими-то трещинами. Он потянулся ко мне, и тут комнату резко перевернуло, точно в аттракционе «Иммельман». Меня резко подбросило, а затем я, вместе со шкафами, щепками и бумагами полетела вниз, все еще слыша истошные вопли Дориана. Один из шкафов придавил меня. Он не был тяжелым, но тем не менее мне потребовалось время, чтобы выбраться из-под него.

- Что ты сделала? Что ты сделала? – рука Дориана вдруг обхватила меня за шею. Теперь он был прямо надо мной, вместо лица – гримаса ярости и боли. Комнату снова тряхнуло, и Дориана отнесло к противоположному концу, сверху на него посыпались куски потолка или пола – я уже совершенно не разбирала, где верх, а где низ. Я попыталась подняться, но очередной толчок сбил меня с ног, перевернул в воздухе и понес куда-то вправо, к скоплению поломанных досок, которые некогда были шкафами и полками.

Я очутилась в их груди, почувствовав, как у меня хрустнуло плечо. Правая рука внезапно онемела. Где-то у меня за спиной рычал, ругаясь и выплевывая какие-то непонятные слова, мсье Баттерфляй. Я поняла вдруг, что Дориана больше нет – остался лишь злобный клоун, единственное желание которого – добраться до меня.

Я огляделась – это движение далось мне тяжело. После падения шею саднило, к тому же я больно ударилась головой, и в глазах у меня стоял туман. Еще немного – и я потеряю сознание. Пожалуйста, подумала я, пожалуйста, не здесь и не сейчас, не здесь и не сейчас...

И вдруг, в буквально в паре метров справа от себя, я увидела проход в стене – он вдруг появился, а может и всегда был там, заставленный шкафами. Отгалкиваясь израненными и ноющими ногами и единственной действующий рукой от пола, я поползла в сторону прохода. Короткое расстояние, отделявшее меня от отверстия, показалось мне бесконечным. Я была почти уже рядом, когда почувствовала, как мою левую ногу обхватили и тянут назад. Я обернулась – мсье Баттерфляй, кто же еще.

Клоун выл и издавал какие-то нечленораздельные звуки, магия разъедала, разрушала его изнутри, но даже она была не в состоянии помешать единственному оставшемуся у него стремлению – стремлению убивать.

Я закричала и стала отбиваться ногами, нанося ему удары по лицу, в плечо, в грудь, в шею, но он, казалось, не замечал их, продолжая изо всех сил притягивать меня все ближе к себе. Я в отчаянии схватилась за края прохода и попыталась подтянуться. Мне показалось, что хватка мсье Баттерфляя на миг ослабла, и я постаралась воспользоваться этим, подтянувшись и почти добравшись до прохода. Но мсье Баттерфляй, конечно, не желал сдаваться так просто. Он снова потянул меня за ногу, но я теперь крепко держалась за края прохода. Клоун взвыл, он наклонился и впился в мою ногу зубами. Я заорала от острой боли...

- Съем, сожру, - вдруг заорал мсье Баттерфляй, справившись на мгновение с потоком хлещущих из его глотки звуков. – Сожру, сожру...

Я заплакала от боли и бессилия – хватка моя с каждой секундой ослабевала. К тому же комнату постоянно сотрясала сильная дрожь, с каждым толчком делавшая меня все более бессильной и незащищенной. Внезапно кто-то схватил меня за руку, потом за другую, онемевшую. Я в ужасе подумала, что мсье Баттерфляй каким-то непостижимым образом сумел очутиться в проходе и теперь навсегда отрезал мне путь к бегству. Но подняв голову, я увидела сначала маму, а потом и старого Лелио.

- Держись, дочь, - мама улыбнулась мне.

- Не беспокойтесь, синьорина, - сказала старый Лелио, - мы уже здесь, мы здесь, чтобы помочь вам...

Мама посмотрела на злобного клоуна, который хихикая кусал мою ногу. Она что-то произнесла и взмахнула рукой. Клоун завизжал, его руки вдруг скрутило в страшной судороге, он отпустил мою ногу и опрокинулся на спину, извиваясь на полу, точно в припадке эпилепсии.

- Быстрее уходим, - сказал Лелио моей маме, - ему уже ничем не поможешь... А мы должны поторапливаться, пока близнецы держат проход...

Я еще успела почувствовать, как Лелио бережно поднимает меня на руки, а затем сознание оставило меня.

Когда я пришла в себя, то не знала, сколько времени прошло. Все произошедшее казалось теперь дурным сном – особенно та часть, когда обезумевший, давящийся нескончаемыми словами и звуками, Дориан, власть над которым полностью захватил мсье Баттерфляй, кусал меня за ногу. Я приподнялась и автоматически потянулась к ноге, к тому месту, куда впились его зубы. Однако, там не осталось даже шрама. Я обнаружила также, что свободно могу двигать обеими руками – очевидно, кто-то изрядно постарался, исцеляя меня.

В комнате, где я очнулась, было светло. В широкие распахнутые окна вливался теплый ветер, приносящий далекий шум водопада и щебетание птиц. Я мгновенно поняла, где нахожусь – перед глазами, точно документальные кадры, пронеслись фрагменты воспоминаний. Появление мамы и Лелио, вопли мсье Баттерфляя, чудовищная тряска...

- Пирамида, - прошептала я.

До меня донеслись голоса. Я сразу же узнала их. Мама и старый Лелио. Значит, они где-то рядом. Я встала с кровати и мгновенно ощутила чудовищную усталость – так точно несколько дней подряд занималась тяжелой физической работой. Мое тело больше не болело, серьезные повреждения, нанесенные ему, пропали, но усталость была сильной. Мне показалось даже, что на мои плечи навалили сильный груз, который и заставляет мои ноги сгибаться в коленях. Я сделала несколько шагов и рухнула в стоящее неподалеку от кровати кресло с высокой спинкой. Пожалуй еще никогда в своей жизни я не чувствовала себя настолько усталой... Впрочем, я понимала, что дело здесь не только в физических перегрузках, в бесконечных путешествиях, в моих блужданиях по пирамиде, в том подъеме, в схватке с Дорианом... Последние несколько месяцев я жила в постоянном напряжении, не позволяя себе расслабиться – и теперь они все, разом навалились на меня... Я тяжело вздохнула.

- Пора бы мне отдохнуть, - подумала я.

В комнату через раскрытую дверь вошли сначала мама, а за ней и Лелио.

- Синьорина, вы проснулись! – воскликнул он.

- Я думала, ты проспишь еще некоторое время, - улыбнулась мама.

- А сколько я спала?

- Пару суток, - сказала мама.

- Надеюсь, что за это время синьорина сумела увидеть хоть один счастливый сон?

Они остановились возле меня. Мама чуть наклонилась, внимательно рассматривая меня.

- Как рука?

Я подвигала сначала одной рукой, затем второй, затем обеими вместе.

- Как видишь, все в порядке.

- Нога? Когда мы вытащили тебя, твоя нога кровоточила так, словно в нее вцепилась белая акула.

- Нога тоже в порядке.

- Что же, синьорина, - улыбнулся Лелио, - думаю, мы все вам очень сильно обязаны.

Признаться ваша идея со смешением была хоть и логическим, но неожиданным решением. Она сделала бы честь любому.

- Благодарю, Лелио, - сказала я.

У меня слабо заурчало в животе. Я вдруг поняла, что очень хочу есть.

- Пожевать бы чего, - сказала я.

- Потерпи полчаса, - сказала мама, - об этом как раз заботятся.

- Что же, синьорины, - Лелио картинно поклонился – сначала маме, потом мне, - я вынужден идти, мне пора.

- Куда вы, Лелио? – спросила я.

Лелио посмотрел на маму.

- Лелио возвращается домой, - сказала она, - его...простили... Хотя я и не знаю, что именно он натворил.

- Поверьте, - сказал Лелио, - даже, если бы я захотел рассказать вам обо всем, о том, что я и другие натворили, я бы просто не нашел нужных слов ни в одном из существующих или когда-либо существовавших языков. Это – то, что нельзя выразить словами. Слишком сложно.

- Значит, ты уходишь, Лелио? – спросила я.

- Да, синьорина, я так давно не был дома. Впрочем, - он хитро улыбнулся, - уверяю вас, что мы еще не раз встретимся.

Неожиданно я вспомнила. Мама или Лелио упоминали близнецов. «...пока близнецы держат проход» - так, кажется...

- Кара и Мара, - спросила я, - ведь они помогали нам?

- Пришли в самый последний момент, - сказала мама. – Меня еще никто никогда не пугал так, как они.

- Их помощь была просто неоценимой, - вступился за близнецов Лелио, - если бы не близнецы, то наше предприятие по извлечению вас, синьорина, из пирамиды, было бы обречено на провал.

- Они тоже уходят?

Лицо Лелио на мгновение стало грустным. Он помотал головой.

- Нет, - сказал он.

- Их...их не простили?

- Нет, синьорина, - снова сказал Лелио. – Им предложили вернуться в первую очередь, но близнецы отказались.

Я просто не могла в это поверить.

- Почему? – спросила я ошарашено.

- Это сложно объяснить, синьорина, но я попробую, – Лелио замолчал на мгновение, собираясь с мыслями, а затем заговорил: - Кара и Мара...они...в нашем мире они были своего рода древними аристократами... Таких, как они у нас называли *Живой Свет*... Это те, кто имеет власть вершить судьбы мира – не только вашего, но и моего... Когда их изгнали, то тем самым нанесли им страшное оскорбление. Кара и Мара отказались от своего дома, отказались от Источника – они всегда были слишком гордыми и тяжело переносили собственные ошибки... Я думаю, им трудно было принять это решение – не возвращаться... Но тем не менее... Близнецы остались верными самим себе – они никогда не примут подачки... Когда им предложили вернуться, то на их лицах появилось лишь презрение и...какая-то брезгливость... Я знал, что они не вернутся, -

Лелио вздохнул. – Надеюсь, синьорина я сумел – хотя бы отчасти – ответить на ваш вопрос...

- Тогда, зачем близнецы помогли нам?

Лелио пожал плечами.

- Кто знает? Я никогда не понимал Кару и Мару. Да это и бесполезно. Они – чужие в каждом мире, даже в том, в котором родились. Главное, что они помогли.

- Я ни у кого не видела такой сильной магии, как у них, - сказала мама.

- Их изгнали, но не лишили их сил. Честно говоря, не думаю, что это возможно.

- И где они теперь? – поинтересовалась я. Мне вдруг стало жалко, что я так и не встретила с ними больше после нашего разговора у их фургончика. Я была обязана им жизнью – а это дорогого стоит.

- Ушли, - сказал Лелио. – Надеюсь, что однажды они смогут найти себе второй дом. Надеюсь, что все у них будет хорошо. Я не говорил вам, что Кара и Мара – ослепительно красивы? Об их красоте на берегах Источника ходили, да и, наверное, ходят до сих пор легенды!

Я вспомнила ворчание близнецов. «Этот мир не достоин нашей красоты», - сказали они.

- Вы были влюблены в них, Лелио, - спросила я, поддразнивая его.

- Все были влюблены в них, синьорина, - ответил он совершенно серьезно. – Абсолютно все.

Очень скоро Лелио ушел. Он еще раз раскланялся перед нами, вышел в дверь, ведущую на балкон и пропал. Пропал также внезапно, как и появился в моей жизни.

- Что же, - мама взяла меня под руку и повела меня в соседнюю комнату, - надеюсь, стол уже накрыли. Пообедаем вдвоем.

- Я такая голодная, - сказала я, - что одного накрытого стола мне будет мало.

- Будешь много есть – растолстеешь.

- Мне есть в кого толстеть?

- Сарказм тебе не к лицу, дочь, но на твоём месте я бы не налегала на мясные продукты...

Мы уселись за стол и, обмениваясь шутками, принялись за еду.

Интерлюдия Пятая

Должна заметить, что к выражению «энергетический вампир» отношусь с изрядной долей иронии. Не знаю, кто его придумал, но этот человек, должно быть, обладал отменным чувством юмора. Появилось это выражение внезапно и почти сразу же крепко вошло в обиход и в повседневную жизнь обычных граждан. Я прекрасно помню, как в начале девяностых на газетных лотках продавцы с какой-то гордостью раскладывали бульварные газеты, первые полосы которых пестрели кричащими заголовками, предупреждающими об энергетических вампирах. Энергетических вампиров тогда видели и замечали чуть ли не везде – на телевидении, в кино, даже, по-моему, в Кремле. Какое-то, надо заметить, не слишком долгое время все, что связано с энергетическими вампирами пользовалось большой популярностью. В обществе разве что не началась по этому поводу истерия (я лично помню несколько случаев разводов, когда один супруг обвинял другого в том, что тот по ночам высасывает из него все жизненные силы). Однако, со временем волна ажиотажа спала, и энергетические вампиры переместились куда-то на периферию общественных интересов, не исчезая, впрочем, из виду совсем. Справедливости ради следует заметить, что тема «энергетического вампиризма» в разное время была популярна

по всему миру – перед «очарованием» этого явления не смогла устоять ни одна страна, как Старого, так и Нового Света.

В своей личной практике я практически не сталкивалась с подобным явлением, так как оно, если уж быть откровенной, не слишком распространено. Случается это редко и происходит, как правило, бессознательно. В действительно, словечко вампиризм совсем не подходит для того, чтобы описать или охарактеризовать это в общем-то достаточно сложное явление. Действительно, имеем ли мы право называть, как правило несчастных, живущих неполной жизнью и терпящих лишения людей вампирами? Как правило, именно такие и вытягивают жизненные силы из других людей, стремясь, пусть и не осознавая этого, таким образом восполнить какие-то личные проблемы и неудачи. Когда ты чувствуешь, что больше не можешь, что сил не осталось, что тебе требуется чья-то поддержка и понимание, но при этом знаешь, что никогда не сможешь вот так вот прямо сказать об этом своим друзьям или близким, которые не факт, что есть, то что остается тогда? Вариантов не так и много, и то, что некоторые пытаются при помощи «энергетического вампиризма», пусть это ни на секунду не вампиризм, получить какую-никакую поддержку, еще не самый худший. Всегда есть те, кто сдается, ведь жизнь, как правило, жестока без разбора и не всякий способен ее вытерпеть.

Признаюсь, что я не очень люблю браться за подобные случаи, потому что виноватых в них, как правило, нет. Здесь все несчастны. Помогая одному, ты тем самым лишаешь другого последних сил и, быть может, последней надежды. Это всегда довольно непростая задача, в том числе и моральная, которая требует от тебя максимум умения и терпения. Ведь после того, как ты огради одного от вредоносного воздействия, твоя задача – вернуть к жизни и другого. Потому что оставить все как есть ты просто не можешь. Случаи с «энергетическим вампиризмом» - одни из самых сложных в мировой практике. Еще с древних времен за них брались нехотя, стараясь избежать той высокой ответственности, которую такой случай автоматически на тебя налагает. И я не исключение. Но если взялся за работу, то, будь добр, выполняй ее до конца.

Впрочем, от неосознанного желания полакомиться за счет своих близких страдают и вполне преуспевающие люди, которым не на что жаловаться и которые вполне довольны своей жизнью. Не знаю, почему это происходит – может какой-то особенный вид гурманства? Такие случаи значительно проще, хотя и встречаются реже. Здесь достаточно просто ограждать человека надежной защитой – и дело сделано.

Но есть и третья – наиболее страшная и неприятная – разновидность, которая вполне оправдывает и словечко «вампиризм» и все те мерзости, что с ним связаны. Такие случаи вполне способны вызвать дрожь даже у самого отважного человека. В конце концов, не каждый день встречаешь хищного зверя в человеческом обличье, основное развлечение которого – охота за людьми. Я говорю, разумеется, о таких случаях, когда акт «энергетического вампиризма» совершается вполне осознанно, с полным пониманием того, что человеку наносится непоправимый вред и с получаемым от понимания этого удовольствием.

Должна сказать, что встречается это явление крайне редко – возможно из-за того, что «энергетические вампиры» не слишком-то и любят себя обнаруживать. Временами их влечет в большие города, к скоплениям людей, туда, где они могут затеряться в толпе, но всякий, кто раз сталкивался с ними, сможет легко вычислить их. Достаточно всего одного взгляда. Потому-то и ютятся они в основном по окраинам или борются с одолевающим их желанием, ведь если его не удовлетворять, то ничего страшного с ними в общем-то не произойдет. Высасывание сил из людей для таких процесс чисто эстетический, своего рода подтверждение их превосходства. За свою жизнь я встречала нескольких из них. Правда, все они старались вести обычную жизнь и не пользоваться своими способностями. Одна из них – красивая девушка, чьего имени я не помню – как-то призналась мне, что порой ее до сих пор мучают воспоминания об этом превосходстве.

- Это своего рода наркотик, - сказала она, - как морфий. Попробовав однажды, ты уже не сможешь его забыть.

Братся за такую работу – большая ответственность. Плюс с этим связана уйма сложностей. Не просто объяснить вампиру, что пить человеческую кровь в общем-то нехорошо. Здесь то же самое. Иногда приходится быть чересчур убедительной, использовать силу, а то и подставиться самой. Поэтому многие просто отказываются от таких дел. Кому охота примерять на себя роль жертвы? Уж кто-кто, а люди, которые всерьез практикуют магию, прекрасно знают, на что способны эти существа.

В тот день работы у меня было немного. Да и то – разные пустяки. Составление гороскопов совместимости партнеров, раскладывание Таро и тому подобная рутина, к которой быстро привыкаешь и которую больше всего любишь и ценишь в своей профессии. Раскладывать карты, время от времени отпивая из чашки горячий цветочный чай – настоящее блаженство. И как же бывает паршиво, когда блаженству наступает конец.

Человек, который представился, как Арнольд, позвонил в дверь, когда стрелки на часах показывали почти половину пятого. Мы договаривались встретиться на час раньше и, честно говоря, я уже никого не ждала. Аромат цветочного чая унес мои мысли далеко-далеко, в прекрасную страну моего детства, и я сидела на диване, зажмурив от удовольствия глаза. Звонок дверь словно вырвал меня из забытья. Я вздрогнула, поставила чашку на столик, встала и пошла открывать.

По телефону я узнала только, что в последнее время Арнольд чувствует себя совсем вялым и усталым, как если бы он страдал от некоего тяжелого недуга, однако врачи не смогли у него ничего найти. По всем показателям он был здоров. Но по его словам в последние несколько дней, возвращаясь с работы, он еле передвигает ноги. Точно бы к ним привязали по увесистому куску чугуна.

- Я не знаю, что со мной, - сказал он. – Может быть, это...ну...не знаю...энергетические вампиры? Я почитал в интернете – очень похоже... Как вы думаете?

- Ну для начала я должна вас увидеть, - сказала я и назначила ему встречу.

Арнольд согласился, хотя и заметил, что для него будет нелегко проделать такой путь, впрочем, он возьмет такси.

- В последнее время, - сказал он, - я и до ванной с трудом добираюсь...

Про себя я усмехнулась. Людям часто мерещатся энергетические вампиры. В действительности лишь малая часть из них понимает, что представляет собой это сложное, зачастую противоречивое явление. Я была уверена, что дело здесь в чем-то другом и мне не составит труда определить, в чем именно. Иными словами, я рассчитывала, что смогу помочь Арнольду достаточно быстро. А потом вернусь к своему чаю и картам. Но не тут-то было.

Я действительно сразу определила, что происходит с Арнольдом. Но я также поняла, что он оказался абсолютно прав. По правде говоря я еще ни разу в жизни не видела человека, которого бы «высосали» настолько сильно. Стоявший передо мной мужчина лет тридцати пяти являл собой устрашающее зрелище. Он не то, чтобы похудел или осунулся – нет, сказать так, значило бы сильно приукрасить представшую передо мной картину. Его щеки ввалились, обтянув острые скулы, глаза запали куда-то глубоко внутрь, и лишь тусклый блеск, теплившийся где-то на самом дне его зрачков, выдавал в этом страшном и неподвижном взгляде слабые признаки жизни. Поредевшие, свалывшиеся от пота волосы небрежно падали на бледный, стремительно принимающий зеленый оттенок лоб. Он стоял на полусогнутых ногах, держась за косяк – казалось, что он повис на нем, опасаясь порывов сильного ветра. Он тяжело дышал открытым ртом, его тощее тело била крупная дрожь.

- Простите, - пробормотал он едва слышным, напоминающим шелест переворачиваемых страниц голосом, - я немного...немного опоздал... Это все...такси...

Но каким бы жутким и пугающим не был его внешний вид, его аура, которая слабо мерцала вокруг него, производила впечатление куда более страшное. Взглянув на нее, я долго не могла поверить, что это – аура живого человека. Почти черная, истрепанная, точно половая тряпка, которой пользовались на протяжении нескольких лет, она поражала своей изодранностью. Крупные дырки пробили ее поверхность и не затягивались. Самым странным было то, что я сразу почувствовала, что где-то в глубине этой грязно-серой рваной массы теплится, бьется источник жизни, который единственный продолжает держать этого человека на ногах.

- Я, - сказал Арнольд.

- Тихо, молчите, - перебила я и, взявши его за руки, помогла войти в комнату. Меня сразу испугал его легкий вес – я словно бы вела через квартиру пластиковый манекен. Арнольд был высоким человеком и, видимо, весил соответствующе. Но теперь этого совсем не ощущалось. Он бормотал извинения, но я чувствовала, как он благодарен мне за эту поддержку.

Я провела его в гостиную и усадила на диван. Арнольд прислонился к спинке и сидел, закрыв глаза, похожий на кучу какого-то тряпья, распластанного по кожаной поверхности диванчика.

- Я, - пробормотал он, - что?..

- Вы были абсолютно правы, - сказала я как можно более серьезно, но вместе с тем стараясь не испугать его. – Вас выпили...

- До дна?.. – прошелестел он и постарался улыбнуться, но вместо этого на его лице появилась слабая, едва заметная мучительная гримаса.

- Почти.

Арнольда начал бить сильный озноб. Холодный пот лился по его лбу, щекам, шее. Его голова тряслась из стороны в сторону, зубы принялись отбивать частый ритм. Я сняла с кресла теплый плед и укрыла его. Он поблагодарил меня одним взглядом.

- Я приготовлю вам кое-какой настой, - сказала я, - он поможет вернуть вам силы и хотя бы немного восстановить вашу...ауру.

Он даже не посмотрел на меня. Я прошла на кухню, собрала по шкафчикам нужные травы и заварила целый чайник. На ингредиенты я не скупилась – настой должен был получиться, как можно более сильным. В царившей в квартире тишине раздавался лишь слабый стук его зубов да позвякивание посуды. Из-за этого все происходящее казалось каким-то нереальным – сценой из книги или эпизодом из фильма. Я вдруг поняла, что здорово волнуюсь. Причина моего волнения была вполне очевидной. Кто бы не сотворил с Арнольдом подобное, он сделал этого *намеренно*. Более того, он выбрал Арнольда в качестве своей *жертвы* – т.е. постоянно возвращался к нему и начинал высасывать заново. На такое способны далеко не все, даже среди тех, кто не собирался отказываться от своих способностей. Очевидно, мне предстоит столкнуться с кем-то очень сильным.

Смесь настоялась и, захватив с собой чашку, я вернулась в комнату. Я поставила чашку на стол и наполнила ее почти до краев. Усевшись рядом с дрожащим человеком, который похоже начинал впадать в забытие, я поднесла чашку к его губам.

- Вот, выпейте, - сказала я, - это поможет...

Он пошевелил головой и чуть наклонил ее – выглядело это так, будто кто-то дергает его за шарниры, настолько неестественными и неживыми были эти движения. Он пригубил настойку и поморщился. Я поняла это только потому, как дернулась одна из его бровей.

- Я знаю, что это горько и невкусно, - сказала я, - но это хорошее лекарство. Оно поставит вас на ноги.

Он пил маленькими глотками, а я наблюдала за его аурой. Я солгу, если напишу, что она стала стремительно меняться – так быстро это не происходит. Однако чернота стала отступать и поверхность ауры стала зрительно сглаживаться. Отвар помогал.

Постепенно исчезала и дрожь, охватившая его тело. Глотки становились все увереннее. Значит, я успела вовремя. Протяни он еще несколько часов, ему бы не смог помочь и сам царь Нимрод, который, до того, как задумал построить Башню, славился на весь Вавилон, как непревзойденный маг и целитель – лучший в своем деле.

Я забрала у Арнольда пустую чашку и отнесла ее на кухню. Когда я вернулась, дырки в его ауре стали явно поменьше.

- Вы сейчас возвращаете себе утерянные силы, - сказала я.

- Я чувствую, - сказал он. – Спасибо.

- Какое-то время вам лучше не двигаться без надобности и не говорить. Я пока займусь своими делами, а вы отдыхайте.

Он кивнул и закрыл глаза.

За окном стоял поздний вечер. Арнольд был все еще очень слаб, но по крайней мере мог стоять на ногах и связно отвечать на вопросы. Его аура – все еще аура тяжело больного человека – больше не выглядела похожей на драную половую тряпку, и я успокоилась.

- Что это было за средство? – спросил Арнольд. – Я буквально чувствовал, как силы наполняют меня.

- Секрет, - улыбнулась я. – Просто отвар, предназначенный как раз для таких случаев.

- Что мне теперь делать?

- Для начала расскажите мне, когда это началось. Недомогание, слабость, лихорадка...

Арнольд пожал плечами.

- Пару месяцев назад... Совершенно неожиданно. Я устроился редактором в газету и в первый же день вернулся совершенно без сил. Но тогда не обратил на это внимания – все-таки первый день на новом месте. Но потом... потом начался настоящий кошмар. Каждый вечер я приходил все более уставшим. Хуже того, за ночь я не успевал отдохнуть и шел на работу невыспавшимся и выжатым, как лимон. Ну и постепенно, в общем, сами видите, что со мной.

Ну что же, мне хотя бы не придется тратить время на поиски виновника того, что случилось с Арнольдом. Вероятно, это кто-то из редакции.

- У вас большой штат? – спросила я.

- Не очень, - сказал Арнольд. – Газета небольшая, да и тираж у нее маленький. Большую часть номера занимает реклама. В моем отделе, кроме меня, работают еще три человека.

- Что же, - вздохнула я, - это только облегчает дело. Вот как мы поступим. Завтра – выходные, за которые вы должны полностью восстановиться. В понедельник мы снова встретимся, и вы покажете мне свое рабочее место. Ну а там – уже моя забота.

Перед уходом я протянула ему туго затянутый мешочек, набитый травами и кое-чем еще.

- На всякий случай, - сказала я. – Держите его всегда при себе. Это поможет вам восстановиться и защитит в случае опасности. Когда ложитесь спать – кладите мешочек под подушку.

Арнольд поблагодарил меня, бережно взял мешочек и спрятал его под пальто, в нагрудный карман своей рубашки.

В понедельник, как и договаривались, мы встретились утром перед зданием, где находилась его редакция. Арнольд выглядел бодрым, полным сил и решимости. Аура его

почти совсем восстановилась. Темно-зеленого оттенка она время от времени отливала золотом – аура хорошего человека. Как правило именно таких и выбирают в жертвы. В конце концов, не каждая аура светится золотом. Для энергетических вампиров это, должно быть, особое лакомство – деликатес.

- Я представлю вас, как рекламодателя, - сказал Арнольд, - у нас часто размещают свою информацию экстрасенсы. Так что подозрений возникнуть не должно.

- Мешочек при вас? – спросила я.

- Разумеется, - Арнольд похлопал себя по груди.

- Отлично.

Перед входной дверью, над которой была установлена одинокая видеокамера, тарачившаяся на нас пыльным и мутным объективом, Арнольд остановился.

- Пойдите, - сказал он встревожено. – А вы для себя захватили защиту? Если что, возьмите мой, - Арнольд полез в карман за мешочком.

Я остановила его.

- Все в порядке. Мне защита не нужна. У меня – иммунитет, - я улыбнулась.

Арнольд распахнул передо мной дверь, пропустил меня внутрь, мы поднялись по лестнице и попали в просторное помещение, сплошь заставленное столами, за которыми сидели, уткнувшись в компьютеры, работники редакции. Я сразу же заметила, что аура некоторых из них повреждена, впрочем, не так сильно, как аура Арнольда.

- Рекламный отдел дальше, - сказал Арнольд и повел меня, огляывая столы и стулья, к дальней двери.

Он снова пропустил меня вперед, вошел следом, поздоровался с тремя коллегами, которые уже работали (или делали вид) и которые все до одного были энергетическими вампирами. Я застыла, как вкопанная. До того я и не подозревала, что они способны собираться в компании. Обычно они одиночки – уж больно не любят делиться. Но тут...

Арнольд заподозрил что-то неладное.

- В чем дело? – шепотом спросил он.

- Потом, потом, - сказала я.

Он провел меня к своему столу, придвинул свободный стул, стоявший у стены, и некоторое время мы притворялись, будто говорим о делах.

Наконец мы закончили. Арнольд пошел проводить меня. Когда мы вышли из отдела, я спросила:

- До скольких вы обычно работаете?

- До семи.

- А ваши коллеги?

- Примерно так же.

- Сегодня вам придется задержаться. Придумайте что-нибудь и дождитесь, пока отдел, а лучше вся редакция – опустеет. Потом вы впустите меня. Мне нужно кое-что сделать.

- Вы уже знаете...ну, вы понимаете, кто именно?

- Все, - сказала я.

Арнольд опешил.

- В смысле?

- Весь ваш отдел.

- Я...это просто невероятно...не могу поверить...

- Я тоже, - сказала я. – Я никогда не сталкивалась с таким. Неудивительно, что вас довели до такого состояния. Ведь на вас покушалась целая группа.

Мы попрощались и договорились встретиться вечером.

Я пришла к половине восьмого. Редакция опустела и являла собой тоскливое зрелище – заваленные бумагами и прочим хламом рабочие столы, отставленные стулья,

потухшие экраны мониторов, голые вешалки и назойливое гудение флуоресцентных ламп под потолком. Мы с Арнольдом прошли в его отдел.

- Мне кажется, они что-то заподозрили, - сказал Арнольд.

- Ну разумеется, - улыбнулась я, - ведь теперь вы для них недоступны.

- Да, да, - он усиленно закивал, - они весь день как-то странно себя вели. Постоянно подходили ко мне с глупыми расспросами, кидали на меня взгляды, как будто хотели у меня что-то спросить, но не решались.

- Я даже знаю о чем именно спросить, - пошутила я, и Арнольд рассмеялся.

- Ладно, - сказала я, - а теперь ритуал.

На стол Арнольда я выложила мраморную, заточенную под перо палочку и пузырек невидимых чернил. Разумеется, можно было бы просто ограничиться мешочком – в конце концов, с ним Арнольду ничто не угрожало, но такие обычно быстро находят себе новых жертв, к тому же, как я заметила сегодня утром, от этого недуга уже страдают и другие служащие редакции.

- Что вы собираетесь делать? – спросил Арнольд.

- Нарисовать несколько рун, - сказала я.

- Предохраняющих?

- Нет, эти руны не предохраняют.

Письмо невидимыми чернилами – искусство особенное. Поскольку руны, которые я старательно вывожу мраморным пером, не видны даже для моего глаза, я должна четко представлять их у себя в голове. Любая ошибка или неточность уничтожит весь их эффект. Я потратила несколько лет на то, чтобы в совершенстве овладеть этим умением, но даже после этого не была уверена в собственном мастерстве. Старый скандинав, который обучал меня рунам, любил говорить, что уверенность в этом деле (впрочем, как и в любом другом) – может стать твоим главным врагом, который в решающий момент подкрадется к тебе и вонзит в спину нож.

Я аккуратно наносила одни и те же руны – сначала на рабочих столах, затем на стенах, и наконец, на полу. На всякий случай я начертала руны и в других отделах. Когда дело было закончено, – баночка с чернилами почти опустела – мы погасили в отделе свет и спустились вниз.

- Теперь все будет в порядке, - сказала я.

- Я еще позвоню вам и расскажу, чем все закончилось, - пообещал Арнольд.

- Буду вам признательна.

Он перезвонил мне через неделю.

- Представляете, они уволились, все трое! Я теперь в отделе абсолютно один!

- Надеюсь, на вас не свалили их обязанности?

- Нет-нет, не беспокойтесь. Я просто подумал, ведь теперь они могут устроиться куда-нибудь еще. И тогда, тогда... нужно же как-то предупредить, что-то сделать...

- О нет, нет, - сказала я. – Теперь они абсолютно безвредны. Как змеи, которым удалили ядовитую железу.

- Так вы...эти чернила...руны...

Вот именно руны. Не зря я потратила битых два часа, ползая по всему офису на карачках и выводя повсюду невидимые руны. Власти рун не может противостоять никто.

Эпилог

Я оставляю маму в гостиной и отправляюсь на кухню – заваривать цветочную смесь. Мама обязательно должна попробовать ее – в конце концов, это мой собственный рецепт, и я горжусь им больше другого.

- Ты неплохо устроилась, - слышу я ее голос. – Трехкомнатная квартира, раздельный санузел, все удобства...

- Только горячую воду летом отключают...

- У меня, например, горячей воды нет и в помине – приходится ее самой подогревать...

- С твоими способностями – это раз плюнуть...

- Нет, правда, жить...за городом – иногда настоящая мука...

Я завариваю чай и с двумя чашками на подносе возвращаюсь в гостиную. Мама стоит у окна и внимательно смотрит на скопления домов напротив.

- Довольно любопытно, - замечает она.

- Не думай, что только ты такая умная – на тебя, поди, уже тоже таращится кто-нибудь...

Я аккуратно опускаю поднос на стол.

- Все готово, садись...

Мама возвращается на место, садится и наклоняет голову, вдыхая аромат, паром поднимающийся от чашки с цветочным чаем. Некоторое время она молчит.

- Что такое? – подозрительно спрашиваю я.

Мама улыбается.

- Просто пытаюсь определить состав. Раньше этот фокус у меня неплохо получался.

- Хочешь сказать, ты сможешь назвать все ингредиенты?

Мама начинает перечислять названия трав и цветов, использованные мной для изготовления смеси. Она не упускает ни одного.

- Ну и что, - говорю я, - главное ни что, а сколько...

Мама осторожно поднимает чашку и делает первый глоток.

- Знаешь, - говорит она, - сюда можно было бы добавить еще один ингредиент – кое-какую травку, я выращиваю ее у себя в саду. В следующий раз обязательно принесу тебе.

- Буду благодарна.

Мы молча пьем чай. Мама теперь навещает меня каждую неделю, порой ее навещаю я. Наверстываем упущенное. Нам есть, о чем рассказать друг другу. Есть, о чем вспомнить. Есть, о чем помечтать.

Неожиданно в дверь звонят.

Мама вопросительно поднимает брови.

- Странно, - говорю я, - сегодня у меня никаких посетителей быть не должно...

- Открой, - говорит мама, - вдруг что-нибудь важное?

Я ставлю чашку на поднос, поднимаюсь, прохожу в прихожую и открываю дверь. На пороге какая-то женщина. Она что-то говорит, и ее голос кажется мне знакомым. Вроде бы вчера мы общались по телефону.

- Мне назначено на завтра, но это очень срочно...

Я пропускаю ее в квартиру, указываю на гостиную.

- Проходите.

В комнате женщина смотрит на маму, потом на меня. Хочет уйти.

- Прошу вас, - мягко улыбаясь, заверяет ее мама, - не обращайтесь на меня внимания. Я просто пью чай. Ничего больше.

Это странные слова, но женщина отчего-то успокаивается. Я усаживаю ее в кресло, сама устраиваюсь на стуле напротив нее и начинаю слушать ее историю.